

CIRQUE EROTIQUE

X
LIBRIS

ЭРОТИЧЕСКИЙ ЦИРК

Что остается женщине, уставшей от смертельной скуки однообразной повседневности? Только одно — начать новую жизнь. Жизнь, полную ослепительного циркового блеска и рискованных, опасных чувственных наслаждений...

Фантазия — безгранична. Искусство любви — беспредельно.

И — есть ли предел для артистов цирка, в котором каждый новый номер — всего лишь новый шаг по тропе безумной, неистовой СТРАСТИ?..

Микки Леоне

Эротический цирк

Глава первая

Сумерки стремительно сгущались, предвещая скорое наступление ночи. С замирающим от радостного предчувствия сердцем Данни Эппльярд удобно устроилась на подоконнике в своей уютной спальне и стала смотреть в окно. Пушистые облака, пронизанные багрянцем заката и отороченные золотом, медленно проплывали над фабричными трубами и крышами многоэтажных зданий. Помедлив немного, утомленное солнце неохотно скрылось из виду. На землю опустилась темнота.

Данни обожала это время суток. Спать ей не хотелось, и можно было помечтать, пока не вышел из ванной Тэм, ее дружок.

У него имелась своя точка зрения на распорядок дня. Он работал звукооператором в утренней телепередаче и был вынужден вскакивать с постели в половине пятого утра, чтобы вовремя добраться до студии. Данни, естественно, не была от этого в восторге.

Именно из-за его дурацкой работы у них и начали портиться отношения. Данни взглянула на свое отражение в оконном стекле и поморщилась. Тэм в последнее время вел себя высокомерно и грубо, заставляя ее рано ложиться спать. Это ее раздражало. Мало того, ей приходилось каждый вечер выслушивать отвратительные рулады, доносившиеся из ванной: квартирка была довольно-таки маленькой.

Вот и сейчас, вглядываясь в свои темно-зеленые глаза и каштановые локоны, упавшие на лоб, Данни криво усмехнулась при звуках очередной «трели». Вскоре послышался шум воды: Тэм включил душ и стал напевать свою любимую песенку из репертуара «Куин». Потом он долго чистил зубы...

Гигиене зубов Тэм придавал особое значение, а рот считал священным местом и напрочь отказывался заниматься с Данни оральным сексом. Впрочем, он позволял делать это ей для него...

Она улыбнулась и залюбовалась своим чувственным ртом и ямочками на щеках. Глаза ее подозрительно заблестели. В последнее время с ней творилось нечто удивительное: она перестала общаться с людьми, чувствовала себя разбитой.

— И это в двадцать шесть лет! Что за жизнь? — Данни накинула халат. — Я превратилась в старуху.

— Уже разговариваешь сама с собой? — спросил Тэм, выходя из ванной. Вид у него был очень самодовольный, от него пахло мылом и зубной пастой.

— Ты ведь со мной почти не разговариваешь! — огрызнулась Данни, нахмурившись.

Одарив ее снисходительной улыбкой тонких губ, всегда приводившей Данни в ярость, Тэм упал на пол и начал выполнять свои обязательные тридцать отжиманий перед сном.

Данни вздохнула и, присев на кровать, стала наблюдать, как напрягаются мускулы под его бледной, без волос, кожей. Наконец это ей надоело, и она язвительно спросила:

— А почему бы тебе не внести в упражнения некоторое разнообразие? Например, выполнять их, лежа на мне.

Она хихикнула, довольная своей шуткой.

Тяжело пыхтя, Тэм повернул голову и, окинув ее ироническим взглядом, воскликнул:

— В самом деле? Подожди, пока я закончу. Уф, вот и все! — Он бодро встал и удовлетворенно потер ладони. От этого жеста Данни захотелось кричать от отчаяния — так он ей осточертел.

Следовало признать, что, как бы ни раздражала Данни приверженность ее приятеля к физическим упражнениям, они благотворно сказывались на его форме. Регулярная гимнастика и плавание придавали его фигуре стройные очертания. Ростом в пять футов и десять дюймов, этот русоволосый атлет почти соответствовал ее идеалу мужчины. Рядом с ним она чувствовала себя едва ли не карлицей.

— Знаешь, тебе тоже не помешала бы гимнастика, — сказал Тэм, подойдя к кровати. Не глядя на Данни, он завел будильник. — У тебя растолстел зад.

Они легли в постель, и Тэм спросил, дотронувшись до ее бедра:

— Что это, целлюлит?

Данни оттолкнула его руку.

— Нет, черт бы тебя побрал! Оставь меня в покое!

— Ты действительно этого хочешь? — вкрадчиво спросил он, проведя рукой по ее бедру и животу в направлении груди.

— Ты же знаешь, что я хочу тебя, — призналась она, проклиная себя за слабоволие и поудобнее устраиваясь на подушке.

Его зеленые глаза потемнели, губы вытянулись в самодовольной улыбке. Он потянулся и заложил руки за голову. Она наклонилась над ним и поцеловала, просунув язык ему в рот. Язык немедленно онемел от зубной пасты, она отшатнулась и закричала:

— Черт бы тебя побрал! Сколько пасты ты извел? Половину тюбика? Почему от тебя никогда не пахнет пивом или сигаретами?

Тэм опешил.

— Поищи себе приятеля среди бродяг! — огрызнулся он.

— Да ладно тебе, Тэм! Не будь занудой, — попыталась помириться с ним Данни. Ей не хотелось выслушивать его монолог, вместо того чтобы заниматься сексом.

Она пощекотала ему кончиками пальцев грудь.

Тэм вздохнул. Она стала теревать его сосок, а когда он отвердел, погладила плоский живот и сжала напрягающийся член рукой, чувствуя, как он быстро увеличивается. Тэм учащенно задыхался, и она принялась целовать ему грудь, живот и пупок, возбуждаясь от его вздохов.

По ее грудям медленно растекалось тепло, соски набухли и отвердели, а в промежности стало влажно и горячо. Половые губы раскрылись, словно лепестки бутона розы, в клиторе началась пульсация. Данни томно застонала.

Она всегда быстро возбуждалась, за что Тэм и называл ее ненасытной. Сама же Данни полагала, что она нормальная женщина.

— Ну же! — простонала она, пытаясь заставить его поцеловать ее лоно.

— Ты ведь знаешь, что я этого не люблю!

— Ладно, тогда хотя бы погладь меня там! — выдохнула Данни. — Только нажимай сильнее!

Вместо этого Тэм стал целовать ее в губы, настойчиво просовывая язык в рот.

Данни обвила его торс ногами и начала бесстыдно тереться пульсирующим клитором о напрягшийся пенис и мошонку, впившись ногтями в плечи.

Тэм засопел, обдавая теплом ее ухо, и лизнул шею.

Она сжала его ягодицы руками и прохрипела, отчаянно двигая торсом:

— Возьми меня, я хочу, чтобы ты меня трахнул. Хотя бы пальцем!

— Фу, как это пошло, — прохрипел он. — Леди так не говорят.

— Когда я хочу тарабаниться, мне наплевать на светские манеры! — Данни готова была ударить Тэма кулаком по голове.

— А мне не нравится, когда мне указывают, что делать, — огрызнулся он.

Данни тотчас же остыла и, откинувшись на спину, спросила упавшим голосом:

— В таком случае не пора ли нам перестать мучить друг друга? Все равно все выходит совсем не так, как я себе это представляла. Видимо, ничего у нас не получится из совместной жизни.

— Честно говоря, мне тоже порядком осточертело твое нытье. Тебе не угодишь! — резко ответил Тэм.

— Это неправда! — воскликнула Данни и села, скрестив по-турецки ноги. Желание переросло в злость. Впрочем, как Данни успела заметить, это родственные чувства. Плевать на этого чурбана, можно и без него кончить! Она стала тереть рукой разбухший клитор, выглядывающий сквозь волосики на лобке. Ладонь стала влажной, и она ускорила движения. Ей стало жарко, клитор задрожал, дыхание участилось, а сердце заколотилось так, словно хотело выпрыгнуть из груди.

Тэм нажал пальцами на ее ладонь и повалил на кровать. Она согнула в коленях ноги и закинула ему на спину. Он сунул палец во влагалище, Данни охнула, бедра ее заходили ходуном. А воображение рисовало чрезвычайно неприличные красочные картины: будто бы она связана, Тэм трахает ее в разных положениях, а какие-то незнакомцы наблюдают за этим.

Данни сжала груди руками и стала дергать себя за соски. Тэм сдавил ее ягодицы и сунул во влагалище второй палец.

— Лучше трахни меня! Я кончаю! — закричала она.

Тэм вынул пальцы из влагалища и засунул в него член. Данни принялась биться о него лобком как сумасшедшая. Вскоре их тела двигались в одном ритме. Его курчавые волосы щекотали клитор, усиливая вожеление. Она изогнулась и, обхватив его плечи руками, затряслась в исступленном оргазме.

Тэм быстрее заработал торсом, заполняя пенисом ее лоно. Головка члена разбухла, задрожала и извергла горячее густое семя. Следом за этим снова кончила Данни. Тэм замер, отдышался и перевернулся на бок.

— Это было прекрасно, — хрипло сказал он, обнимая Данни и глядя ее по волосам. Потом он замолчал, дыхание его стало ровным, и он подозрительно засопел.

Несколько мгновений Данни купалась в чистом блаженстве, прислушиваясь к биению сердца. Наконец пульс вошел в норму, дыхание стало глубоким, и она взглянула на Тэма из-под ресниц, надеясь, что они начнут все сначала.

Но было поздно: он крепко спал, хотя стрелки часов показывали только начало одиннадцатого.

Два следующих дня их жизнь текла по прежнему руслу. Утром Данни полчаса добиралась до центра Лондона на подземке, потом усаживалась за пишущую машинку и начинала печатать ответы на письма клиентов страховой компании, в которой она работала. Затем она вновь втискивалась в переполненный вагон метро, с отвращением вдыхая пот и стараясь уберечь ноги от каблуков.

Тэм уже дожидался ее прихода, однако он и не думал прибраться в квартире или приготовить ужин.

В среду, однако, произошли неожиданные перемены. Во-первых, Данни получила уведомление из отдела кадров о том, что ей следует использовать свой двухнедельный отпуск до конца следующего месяца. Во-вторых, вернувшись домой, она обнаружила, что квартира пуста. На чайнике лежала записка от Тэма.

Данни скинула кожаную куртку и пробежала текст, написанный корявым почерком.

Дорогая Данни! Надеюсь, что у тебя все в порядке.

Данни усмехнулась, сообразив, что это его первое послание.

Извини, что меня нет дома. Дело в том, что мне предложили слетать в командировку в Гонконг. Я не смог устоять перед соблазном и согласился. Вернусь через три недели. Если удастся, я тебе позвоню. Береги себя! Да, пришли счета за электроэнергию и газ. Сделай милость, оплати их. Пока! Тэм.

Пробежав записку еще раз, Данни скомкала ее и отшвырнула на стол. Подлец! Даже не позвонил ей в офис! Она схватила скомканный листок с каракулями сбежавшего любовника, порвала на кусочки и спустила в унитаз.

Успокоившись, Данни села на стул и задумалась. Бегство Тэма спутало все ее планы: ведь она надеялась, что они вместе проведут отпуск. Взгляд ее скользнул по черно-белой фотографии Руфуса, стоявшей в рамочке на столике: этот пес был когда-то ее лучшим другом. Данни стало жаль себя.

— Веселенькие дела! — глядя на снимок, со вздохом произнесла она. — Впереди две недели отпуска, а у меня нет ни планов, ни лишних денег. Замечательная ситуация!

Она прижала фотографию к груди и заметила, как выросли на ковре тени. За окном сгущались сумерки. Без Тэма некому было напомнить ей даже о быстротечности времени. Ей стало так тоскливо, что она готова была сейчас безропотно вынести даже опостылевший ей вечерний ритуал Тэма.

Она поставила снимок на место и пробормотала:

— Пожалуй, нужно поужинать. От тебя, мой старый вислоухий дружок Руфус, толку все равно никакого.

Данни приготовила сэндвич с острым соусом и улеглась с иллюстрированным журнальчиком, который прихватила в офисе, на диван. С глянцевых страниц ей улыбались счастливые и веселые люди. Внезапно взгляд ее скользнул по рекламе цирка-шапито, объявлявшего о приеме желающих в свое училище.

Данни с раннего детства была влюблена в цирк. В одиннадцать лет она воображала себя то в роли шпрыхсталмейстера — в красном фраке с черными лацканами, белых лосинах, черном цилиндре и с кнутом в руке, то воздушной гимнасткой, то бесстрашной укротительницей львов, то клоунессой. Но сильнее всего хотелось ей научиться пожирать огонь, жонглировать и крутить обратное сальто. Все друзья тогда лопнули бы от зависти.

Теперь она почувствовала, как пробуждается в ней утраченный интерес к цирковому искусству. Объявление в журнале взволновало ее не на шутку. Ведь, научись она выполнять хотя бы какие-то отдельные трюки, она бы чувствовала себя значительно увереннее и на вечеринках наверняка без труда привлекала бы внимание парней.

Данни представила, как на каком-нибудь торжестве она исполнит сальто и начнет

жонглировать фруктами из вазы, и расхохоталась. Пусть ей даже и не представится такой случай, подумала она, однако все равно приятно сознавать, что у тебя есть такие навыки.

Спалось в эту ночь без Тэма ей, как ни странно, прекрасно. Раскрытый журнал ожидал ее пробуждения на столике, напоминая, что пора менять свою жизнь.

Проснулась Данни с каким-то странным предчувствием и, застилая кровать, смахнула случайно журнальчик на пол. Громкий шлепок напомнил ей, что она вчера решила позвонить по телефону, указанному в объявлении. Адреса училища не было, зато после номера телефона значились имя и фамилия какой-то дамы: Фов Легер.

Усевшись перед зеркалом, Данни стала краситься, рассуждая вслух о том, что ей непременно следует выполнить свое решение и не откладывать звонок. «В конце концов, — подумала она, — можно посетить стоматолога в другой раз, а в офис приехать попозже».

Данни решительно взяла телефонную трубку и набрала нужный номер. После нескольких гудков, когда ее терпение иссякло, хриплый грудной женский голос ответил:

— Алло, Фов Легер вас слушает.

Данни сглотнула ком и робко произнесла:

— Я по объявлению в журнале...

— Понятно! Вы хотите учиться у нас? Не надо так волноваться, милочка. Скажите, прелесть моя, вы пробовали себя в цирковом искусстве?

— Нет, но мне очень хочется чему-нибудь научиться. Я влюблена в цирк с детства!

— Замечательно. Значит, это ваш первый опыт? Так вот что я вам скажу, милочка: лично я обожаю цирк с пеленок. Он у меня в крови.

Данни звонко рассмеялась. Ей понравилась манера этой женщины с хриловатым голосом поддерживать разговор.

— А сколько стоит обучение? Могла бы я оплатить только двухнедельный курс для начала? — с замирающим сердцем спросила Данни.

Фов замяла вопрос об оплате и, в свою очередь, спросила:

— Скажите, моя дорогая, а когда именно вы хотите приступить к занятиям?

— Пожалуй, с этой субботы, — ответила Данни.

— Вот и замечательно, милочка! За две недели вас многому у нас научат. И может быть, даже предоставят возможность принять участие в шоу, если вы овладеете в достаточной мере одним из номеров или трюков.

— Вы не шутите? — оживилась Данни. — Но сколько все-таки мне будет это стоить? — Она присела на подлокотник дивана.

Сумма, названная Фов, моментально остудила ее пыл: секретарше страховой фирмы она явно была не по карману.

— Простите, мадам Легер, — срывающимся от огорчения голосом промямлила Данни, — но, кажется, я зря вас побеспокоила. Я не в состоянии внести и десятой части этих денег.

Фов гортанно рассмеялась:

— Какие пустяки, милочка! Договоримся. Приходите, мне понравился ваш бодрый и звонкий голос. Вы молоды и, наверное, привлекательны?

Данни облизнула пересохшие губы.

— Мне двадцать шесть лет. Приятели говорят, что я довольно-таки симпатичная...

— Опишите мне себя!

— Хорошо, попытаюсь. Рост — пять футов и три дюйма, славная фигурка...

— Стоп! — перебила ее Фов. — Выражайтесь яснее! Что значит «славная фигурка»?

Бутылочкой или булочкой?

— На пышку я не похожа, — рассмеялась Данни. — У меня выпуклая грудь, тонкая талия, крутые бедра, стройные ноги.

— А еще поточнее?

— Ну, моему приятелю нравится, — покраснев, сказала Данни.

— Приятелю? А он тоже собирается у нас поучиться? — насторожилась мадам Легер.

— Нет, он укатил в командировку. А мне стало одной скучно, ведь я надеялась, что мы с ним вместе проведем отпуск.

— Вы любите его? — вкрадчиво поинтересовалась Фов.

— Если говорить откровенно, то нет! — Данни сама не ожидала, что так разговорится с незнакомой женщиной, но ее понесло. — И вообще, мне уже кажется, что я зря с ним встречаюсь. Как только он исчез, я тотчас же почувствовала себя спокойнее и увереннее.

— Это любопытно... Итак, вы стройная и миниатюрная. А какой у вас цвет глаз и волос?

Данни встала напротив зеркала и начала в деталях описывать себя мадам Легер. Внимательно выслушав Данни, та что-то сказала мужчине, находящемуся рядом с ней, а он прогудел что-то ей в ответ глубоким, волнующим баритоном, от которого по спине Данни пробежал озноб.

— Вы нам подходите! — сказала Фов. — Заплатите сначала столько, сколько сможете, остальное отработаете.

— Вы серьезно? — Данни не верила своим ушам.

— Вполне! — последовал твердый ответ. — Приезжайте, мы вас ждем.

Данни записала адрес, который ей продиктовала Фов, и пообещала приехать в субботу. Положив трубку, она подумала, что теперь у нее возникло много новых забот. За оставшиеся дни следовало успеть сделать массу дел: купить все необходимое для поездки, уложить вещи в сумку, а главное — подготовиться морально к вступлению в новую жизнь!

Глава вторая

Солнечные зайчики резво скакали по морковному капоту мини-такси, мчавшего Данни от вокзала по загородному шоссе. Живописные виды Суссекса ласкали взор. Позади остались две деревни, машина приближалась к третьей. Шофер снизил скорость до тридцати миль в час, и Данни поняла, что они почти у цели.

Ей вдруг вспомнилось, что она никого не предупредила, что уезжает к незнакомым людям, и на душе стало тревожно. Нужно было оставить записку Тэму или позвонить маме, на худой конец — своей подруге Линде. А вдруг эти циркачи маньяки или извращенцы? Или с ней что-нибудь случится во время занятий? А если она вообще не вернется в Лондон, как ее тогда смогут отыскать? Данни разнервничалась и решила, что при первой же возможности отправит с местной почты открытку маме или же позвонит ей из цирка.

— Почти приехали, милашка! — сказал водитель такси.

Данни молча кивнула. Она была благодарна ему за то, что он не донимал ее разговорами во время поездки: ей нужно было собраться с мыслями перед ответственной встречей с Фов. Данни думала об этой загадочной женщине все два дня после телефонного разговора с ней, сердце подсказывало: скоро начнется новый этап в ее жизни, необычный, красочный и восхитительный. Однако пока Данни не была морально готова к встрече с Фов и поэтому волновалась.

Хрипловатый, грудной голос этой женщины завораживал своим французским акцентом и интимной интонацией. Многие вопросы, которые она задавала Данни, настораживали, а присутствие при их беседе загадочного мужчины с приятным баритоном вселяло в Данни смутное волнение и порождало в ее голове разные фантазии.

Тон голоса незнакомца был пропитан эротизмом; ведь не случайно по телу ее пробежала дрожь, как только она его услышала. Мечтательность и обостренная интуиция были главными особенностями ее натуры. Данни охватило предчувствие нового опыта, выходящего за рамки актерского мастерства. Цирковые фокусы и трюки привлекали ее в далеком детстве, сейчас же она жаждала чего-то особенного, еще не познанного ею, мечтала открыть для себя новые горизонты, познать свои истинные устремления.

Деревня, в которую въехало такси, выглядела так, словно она сошла с красочной почтовой открытки. Вдоль главной улицы тянулись каменные домики, покрытые черепицей. Данни насчитала два пивных бара, заметила газетный киоск, почту, бакалейную лавку и детский садик, на игровой площадке перед которым резвилась детвора. Поодаль на скамейках грелись на солнышке бледнокожие молодые мамы. Над шоссе зависло марево, безоблачное небо поражало голубизной; конец мая в этом году выдался жарким. Данни чувствовала себя комфортно в кремовой майке и хлопчатобумажных слаксах. Из одежды она взяла с собой несколько пар носков, полдюжины маек и теннисок, нижнее белье, шорты и пару легких платьев — все это поместилось в дорожной сумке. На вокзале она на всякий случай купила два журнала, несколько плиток шоколада и две бутылки лимонада: вдруг поблизости от цирка не окажется магазина?

Такси миновало деревню и свернуло на извилистую подъездную дорожку, поднимающуюся на холм. На его вершине виднелось несколько строений и белел купол цирка-шапито.

— Так вот где устраиваются представления! — воскликнула Данни. — Вы бывали на

них?

— Нет, нам, работагам, такое развлечение не по карману, — покачал головой водитель такси. — В заведение мадам Легер приезжают исключительно богачи, по специальному приглашению. Между нами говоря, мадам Фов не любит, когда кто-то из местных вертится возле цирка.

— Вы это серьезно? — удивилась Данни. — А мне казалось, что циркачи — добродушные и приветливые люди. Впрочем, возможно, многие из них иностранцы и стесняются, что не знают толком английского и местных обычаев?

Шофер расхохотался.

— Вы шутите! Этой публике вообще не знакомо слово «стесняться»! Я слышал краем уха, что в этом «Эротическом цирке» творятся чудеса. Говорят, там откальывают такие номера, что у публики глаза на лоб лезут. Одним словом, фокусники! Но это исключительно между нами, хорошо? Я вам этого не говорил.

Лицо водителя стало вдруг серьезным: они подъехали к цирку. Данни стало тревожно, она оглянулась и поняла, что возвращаться поздно, машина въехала во двор комплекса зданий перед шатром. Сердце гулко застучало у нее в груди. Водитель притормозил, и автомобиль остановился.

К нему подбежали две собаки — огромный черный лабрадор и пятнистый терьер. Их злобный лай не сулил Данни ласковой встречи. Она испуганно покосилась на водителя.

Но тот смело распахнул дверцу и, строго прикрикнув на псов, стал открывать багажник, чтобы достать сумку. Данни выбралась из машины, захлопнула дверцу и прижалась к ней спиной, с тревогой посматривая на собак, которые крутились возле ее ног.

— Регис! Дилайла! Ко мне, живо! — раздалась громкая команда, и Данни увидела невысокую смуглую женщину, выходящую из-за угла дома.

Собаки моментально прекратили лаять и послушно подбежали к хозяйке, высунув языки и вытаращив от восторга глаза. Данни облегченно рассмеялась. Женщина велела собакам сидеть смирно и пошла навстречу Данни, вытянув для приветствия руку.

— Привет! Меня зовут Фов, — улыбаясь сказала она. — А вы, как я догадываюсь, Данни. Очень приятно познакомиться.

Данни пожала ей руку и обернулась, чтобы рассчитаться за такси. Водитель поставил ее сумку на землю и сказал:

— С вас восемь с половиной фунтов, мисс!

— Хорошо, спасибо! — поблагодарила Данни. Немного волнуясь, она порылась в сумочке, достала из кошелька десятифунтовую банкноту и протянула ее шоферу: — Сдачи не надо!

Водитель кивнул ей и, с опаской покосившись на Фов, поспешно укатил со двора, обдав женщин пылью. Данни стало тоскливо, словно бы она очутилась на чужой планете. Но Фов отвлекла ее от грустных мыслей.

— Добро пожаловать, милочка! — по-французски воскликнула она. — Будь как дома!

Француженка представлялась Данни иной — высокой и с длинными волнистыми волосами. Но перед ней стояла шатенка средних лет с миловидным лицом, лебединой шеей и короткой модной стрижкой. Под черным джемпером в рубчик угадывались округлые груди и плоский живот, крутые бедра были обтянуты черными джинсами. Изящные сандалии черного цвета перехватывали ремешками ее щиколотки.

Данни почувствовала себя рядом с Фов великаном. Но та ничуть не комплексовала из-за

маленького роста. Она забрала у девушки дорожную сумку и, подхватив ее под локоть, увлекла к дому, щебеча милый вздор о погоде. Данни сразу же прониклась к ней расположением.

Фермерский домик прямоугольной формы был сложен из кирпича, оконные рамы покрашены белой краской, черепичная крыша была ярко-красной, в общем, ничего примечательного на первый взгляд. Но едва Данни вошла в дом, как обмерла от восхищения.

Первый этаж был перестроен: сломаны стены между комнатами, разобран потолок, и в результате получилось просторное и светлое помещение. Паркетный пол был натерт воском, кремовые стены украшены картинами и фотографиями артистов цирка, мебель поражала своей роскошью. Данни не ожидала увидеть такое богатство в цирковом училище. Застыв как вкопанная, она с удивлением озиралась по сторонам.

— Понравилось у нас, малышка? — раздался у нее за спиной густой баритон, и тотчас же она почувствовала на плечах сильные мужские руки. Обернувшись, Данни увидела перед собой рослого богатыря с удивительно синими глазами. У нее задрожали колени от его пронзительного взгляда.

— Айвен, это Данни, девушка, звонившая мне пару дней назад, — пояснила Фов, загадочно улыбаясь.

— Ах, так вот она какая! — Выпустив Данни из своих цепких пальцев, мужчина взял ее сумку. — Что ж, у нее скромный вид и красивая грудь.

Данни залилась румянцем.

— Не смущай девушку! — погрозила Айвену пальчиком Фов.

Данни нервно рассмеялась и окинула незнакомца дерзким, оценивающим взглядом. Он был хорош собой, высок, строен, широкоплеч, с прямым носом и чувственными губами на загорелом лице. А васильковые глаза могли свести с ума любую женщину...

Усилием воли Данни заставила себя отвести от них зачарованный взгляд и мысленно отметила, что его волнистые серебристые волосы, ниспадающие на плечи, похожи на конскую гриву. «Несомненно, у такого мужчины масса поклонниц», — решила она.

У Данни была привычка сравнивать людей с животными. Айвен походил на чистокровного жеребца. Полный мужской силы, этот атлетически сложенный мужчина притягивал ее к себе. Движения его были уверенны, поступь мягка и пружиниста, а шелковистые локоны напоминали гриву арабского скакуна.

Миниатюрная, грациозная, с миндалевидными темными глазами, обрамленными длинными густыми ресницами, и розовыми пухлыми губками, Фов походила на трепетную лань и была так женственна и сексуальна, что, глядя на нее, Данни ощущала острую зависть. Себя она могла сравнить разве что с гиппопотамом.

Француженка вывела Данни из состояния задумчивости, предложив присесть на белый диван. Рядом с ним, на журнальном столике, были разложены цирковые программы, фотографии актеров и брошюры. Взяв одну из них, Данни стала ее листать, пока Фов и Айвен о чем-то тихо беседовали.

Айвен был одет в шелковый костюм кремового цвета, под которым обозначалась мускулистая фигура атлета. По телу Данни побежали мурашки, она поежилась и уткнулась в журнал.

Глаза ее вскоре стали слипаться, ей стало тепло, как летом на лужайке. Данни встряхнула головой и, открыв глаза, поймала изучающий взгляд Фов. Айвена рядом с ней уже не было. Заметив на лице Данни тень разочарования, Фов сказала, тепло улыбнувшись:

— Он тебе понравился, верно? Я так и думала. Великолепный самец, не правда ли? Он будет твоим преподавателем все эти две недели. Ты рада, моя милая девочка? Не отпирайся!

Данни почувствовала легкий запах ее цветочных духов и блаженно втянула его носом. Когда же и от нее самой будет так приятно пахнуть? Станет ли она такой же очаровательной, сексуальной и элегантной? Данни выронила брошюру и вздрогнула, проклиная себя за неловкость и незнание светских манер.

— Простите мне некоторую нервозность, — сказала она. — Я впервые отважилась на такой шаг.

Фов рассыпчато рассмеялась и захлопала в ладоши.

— Поглядим, что с вами будет, когда начнутся занятия! Айвен очень требовательный учитель, он не даст вам расслабиться. Но я не сомневаюсь, что из вас получится способная ученица.

— Надеюсь, — сказала Данни. — Я чрезвычайно признательна вам за любезное приглашение и уступки, на которые вы пошли, мадам. Постараюсь не разочаровать вас.

Фов ободряюще пожала ей колено.

— Я в этом уверена! Но учтите: вам придется много работать!

— Да, разумеется, — кивнула Данни. — Я могу готовить, мыть посуду, убирать постели... Ведь я у вас в долгу.

— Ничего такого вам делать не придется! — перебила ее француженка. — Я подразумевала учебу. Вы получите такие знания и навыки, о которых и не мечтали. Вдобавок вы узнаете многое о своих возможностях. И склонностях...

В голосе француженки прозвучал таинственный намек на нечто глубоко личное, глубоко интимное, и у Данни по спине пробежал холодок. Ее охватила смутная тревога.

— А где я буду спать? — спросила она.

— Извините, ради Бога! — спохватилась Фов. — Вам, вероятно, хочется привести себя в порядок с дороги. Следуйте за мной, я покажу вам вашу комнату. Позже к вам заглянет Айвен и покажет наш учебный комплекс. Но прежде вам не помешает расслабиться и отдохнуть. Вы согласны?

— Да, большое спасибо! — сказала Данни. — Я думаю, что все будет хорошо.

Очутившись в спальне, выдержанной в белом цвете, с огромными створчатыми дверями, выходящими в сад, Данни поняла, что такое подлинное совершенство. Во всем ощущался тот же изысканный стиль, который поразил ее в гостиной.

Большая двухспальная кровать, покрытая белым покрывалом, прекрасно гармонировала с чудесным балдахинном, натянутым между латунными стойками. Пол был устлан толстым кремовым ковром. Туалетный столик из светлой сосны прекрасно смотрелся рядом с таким же комодом. Выкрашенная белой краской дверь вела в удобную ванную, с душем, фаянсовым умывальником в виде раковины и биде.

Во всем ощущался тонкий вкус француженки. Данни усмехнулась, подумав, что вряд ли воспользуется биде по назначению. Скорее она, как и большинство англичанок, приспособит этот неприличный предмет для замачивания белья.

Данни решила приглядываться к поведению и манерам Фов и стараться во всем подражать ей. Может быть, постепенно и она впитает ее великосветские привычки. Данни улыбнулась, представив, как отвиснет челюсть у Тэма, когда они с ним снова встретятся, при виде элегантной дамы, словно бы сошедшей с глянцевого обложки журнала мод. Для начала

ей нужно изменить прическу! Конечно, не стричься так же коротко, как француженка, но хотя бы научиться изящно подкалывать волосы и как-нибудь оригинально их зачесывать. Затем овладеть каким-то эффектным цирковым трюком, например, с огнем или шпагой. Она поежилась, представив, как при первой же неудаче вспыхнут ее локоны.

— Вам холодно, Данни? — услышала она удивленный голос Айвена, и ее забила крупная дрожь. Он вошел в комнату из сада через распахнутые двери и пристально посмотрел на нее.

— Нет, просто я представила, что у меня вдруг вспыхнули волосы, — откровенно призналась Данни.

Чувственные губы Айвена вытянулись в улыбке, он сел на кровать.

— Что за странные фантазии? Неужели вам так скучно?

Данни показалось, что она млеет под его сексуальным взглядом, и она тряхнула головой, отгоняя сладкий дурман.

— Фов сказала, что вы собираетесь показать мне учебный комплекс, — сказала она, уходя от ответа.

— Да, верно! — Айвен скользнул плотоядным взглядом по ее фигуре.

Данни оцепенела.

— Я никак не могу избавиться от ощущения, что вы с нами уже давно. В вас есть некая притягательность, вы внушаете мне доверие и покой.

— В самом деле? — удивилась Данни.

— Да, — сказал Айвен, поглаживая ей ступни и лодыжки. — Уверен, что мы с вами сработаемся.

Данни заметила, что и у него странный акцент.

— Вы француз? — спросила она.

— Нет! — Айвен расхохотался и, к ее огорчению, убрал руку с ее ноги. — Я гражданин мира, не имею ни подданства, ни возраста. — Он взмахнул руками так, словно хотел обнять земной шар. — Вся планета — моя родина! Я принадлежу той стране, в которой живу в данный момент. И делаю то, что мне заблагорассудится.

Данни тряхнула головой, желая убедиться, что все это ей не снится. Айвен рассмеялся.

— Пойдемте, я покажу вам наше хозяйство, пока вы не пожалели, что приехали сюда!

Он протянул руку, чтобы помочь ей встать.

Данни надела туфли и сказала:

— Я всегда мечтала научиться каким-нибудь трюкам и фокусам. Не знаю, говорила ли вам об этом Фов, но я влюблена в цирк с юных лет.

— Цирк нравится многим, но не каждый осмелится признаться в этом, — сказал Айвен, когда они выходили из дома.

Данни поймала себя на том, что с ней происходит нечто удивительное: она словно бы витала в облаках, совершенно не испытывала голода, хотя не ела с раннего утра, чересчур откровенно разговаривала с малознакомыми людьми...

Айвен провел ее по скошенному полю к шатру. Вблизи цирк оказался значительно больших размеров, чем он выглядел с шоссе, а внутри был оборудован так, как ему и полагается: трапедией, подвешенной к высокому брезентовому своду, двумя веревочными лестницами, канатом, натянутым между ними, и большой страховочной сеткой.

— Завтра мы взглянем на это сверху, — сказал Айвен.

— Вряд ли я к этому готова, — с сомнением ответила Данни, задрав голову:

площадочка на самом верху лестницы казалась снизу совсем крохотной.

— Доверься мне! — проникновенно сказал Айвен. — Доверься мне во всем, и с тобой ничего плохого не произойдет. Ты получишь колоссальное удовольствие.

Данни поежилась от жуткого предчувствия. Она не привыкла доверять мужчинам, потому что однажды едва не поплатилась за свою доверчивость. С тех пор страх охватывал ее всякий раз, когда она оказывалась перед выбором: верить ей человеку или нет?

Это случилось давным-давно, когда Данни была маленькой. Однажды отец, играя с ней, подбрасывал ее в воздух и ловил. Внезапно его окликнула мать девочки, он на мгновение отвлекся — и Данни упала на землю. К счастью, трава оказалась густой и мягкой, малышка не ушиблась, но испуг остался с ней на многие годы, породив недоверие к мужчинам.

Спустя несколько лет отец оставил семью и ушел к другой женщине. Это стало для Данни сильнейшим потрясением, она окончательно разочаровалась в представителях противоположного пола и перестала им доверять.

— Я вижу, ты колеблешься, — сказал Айвен, возвращая ее из воспоминаний к реальности. — Ничего, я вылечу тебя от неуверенности в себе. И научу доверять партнеру.

Данни такая самонадеянность не понравилась, ее так и подмывало спросить, как именно он намерен это сделать. Но она промолчала, решив не торопить события. А вдруг ему известен какой-то секрет? Ей не хотелось ссориться с Айвеном, по крайней мере пока он не разочарует ее.

Глава третья

Данни мылась под душем, когда кто-то настойчиво постучал в стеклянную дверь, ведущую в сад. Она выключила воду и прислушалась. Стук повторился. Схватив с сушилki полотенце, она обернулась им и вышла в спальню. Дверь справа от нее была заперта, но сквозь стекло она увидела стоявшего за ней Айвена. Он еще раз побарабанил по стеклу костяшками пальцев и знаками попросил Данни отпереть дверь.

Испытывая смущение, словно школьница перед учителем, Данни плотнее стянула на груди концы лилового полотенца и, подбежав к двери, отперла ее.

— В чем дело? — спросила она.

Данни дрожала от озноба, с ее мокрых волос на плечи капала вода. Сейчас, когда она стояла босиком на ковре, Айвен казался ей еще выше ростом. Его гипнотизирующий взгляд скользнул по ее голым плечам и ногам, а у нее едва не подкосились колени. Данни застыла, раскрыв от растерянности рот.

— Фов просила передать тебе, что ужин будет подан в большую гостиную в восемь, — наконец нарушил молчание Айвен и тепло улыбнулся. — Сейчас четверть седьмого, — добавил он, когда она машинально взглянула на запястье, забыв, что оставила часы на туалетном столике. — Можешь не торопиться, у тебя в запасе достаточно времени.

— А что надевают в таких случаях? — спросила она, поборов робость.

Прежде чем ответить, Айвен окинул ее оценивающим взглядом. Данни уже проклинала себя за то, что предстала перед ним в полуголом виде.

Айвен непринужденно привалился плечом к косяку и сказал, очень довольный происходящим:

— Пожалуй, тебе стоит надеть на себя что-нибудь еще, помимо этого полотенца.

Данни стала пунцовой. Жар охватил ее от кончиков пальцев ног до корней волос.

— Я... дело в том, что мне...

Айвен погладил ее по руке.

— Ты напряжена, малышка? Почему ты нервничаешь?

От его легкого прикосновения и тембра голоса у Данни стало сухо во рту. Она пожала плечами, и полотенце соскользнуло с груди. По шее растеклось красное пятно, это не осталось без внимания Айвена. Как и то, что соски у нее торчат, словно козлиные рожки. Судорожно вздохнув, она пролепетала:

— Я слегка взволнованна, здесь все так ново, так странно для меня. К тому же я устала после поездки из Лондона...

Айвен положил руки ей на плечи и стал массировать мышцы.

— Я опытный массажист и готов доказать это, — серьезно сказал он. — После массажа ты почувствуешь себя гораздо лучше.

Массаж понравился Данни, она уже давно мечтала попробовать, что это такое. До ужина оставалось еще два часа, их нужно было чем-то заполнить. Она попятилась к кровати и сказала:

— Хорошо, я согласна.

Айвен закрыл стеклянные двери и тоже подошел к кровати. Сообразив, что она должна лечь перед малознакомым мужчиной, Данни заколебалась и затравленно огляделась по сторонам. За окнами и по коридору ходили люди, они наверняка услышали бы, если бы она

позвала их на помощь. К тому же Айвен не был похож на извращенца-насилльника. Слегка успокоившись, она легла ничком на кровать, подложив под голову руки и утешаясь надеждой, что она не заинтересует такого красавца, как Айвен.

Он вновь отошел к дверям и, дернув за шнур, затянул стекла шелковыми занавесками красного цвета. Кремовый палас на полу обрел розоватый оттенок.

Айвен покосился на пустой туалетный столик, потом на Данни и спросил:

— У тебя есть крем или гель?

От его васильковых глаз у нее перехватило дух.

— На полочке в ванной стоит флакон с детским туалетным маслом, — едва слышно пролепетала она.

— Превосходно! — воскликнул он и, сходя за флаконом, отлил немного его содержимого себе на ладонь. Затем он стал не спеша растирать масло между ладонями, согревая его.

Глядя на его длинные сильные пальцы, Данни живо представила, какие чудеса они могут сотворить с ее телом.

Айвен начал массировать ей плечи, она застонала.

— Тебе хорошо? — спросил он, наклонившись к ее уху.

Данни задрожала.

— Очень, — прошептала она. — Никогда не думала, что массаж вызывает такие чудесные ощущения.

— Большинство людей осознает это, лишь разок испытав на себе, — удовлетворенно заметил Айвен, нажимая большими пальцами на мышцы вдоль позвоночника. — Подними, пожалуйста, волосы, я помассирую шею!

Данни стянула на затылке волосы и сжала их в кулаке, прижавшись щекой к подушке. Веки ее отяжелели, во всем теле ощущалась теплая тяжесть, она все глубже вдавливалась в матрац. Напряженность исчезла, хотя она накапливалась месяцами. Недостаток денег, усталость, проблемы с Тэмом вконец истрепали ей нервы. Данни блаженно потянулась и целиком вверила себя рукам Айвена.

Внезапно она почувствовала жар в промежности.

Айвен продолжал массировать ей шею и мышцы между лопатками.

Благодатное тепло растеклось по всему ее телу, под лобком началась пульсация. Ничего подобного от одного лишь прикосновения мужских пальцев к ее эрогенным зонам Данни раньше не испытывала. Она затрепетала, пораженная неожиданным эффектом массажа.

Вожделение стремительно распространилось по всем клеточкам организма. По стенкам влагалища потекли соки, наружные половые губы раскрылись, и клитор уперся в махровое полотенце. Ритмично подрагивая, он начал разбухать.

Данни стала пунцовой от стыда. Ведь еще несколько минут назад она сомневалась в благородстве намерений Айвена, когда он вызвался сделать ей легкий массаж. А сейчас ее тело словно плавилось под его умелыми сильными руками. Айвен вел себя как джентльмен, не позволяя себе грубых выходов. Она же превратилась в похотливую самку. Какой позор и стыд!

С каждой минутой тело Данни становилось все горячее, во влагалище пылал пожар, а характерный запах половых желез не оставлял сомнений в характере ее желания.

— Айвен, хватит! — грудным голосом сказала она, пытаясь сесть на кровати.

— Чепуха! — Он плотнее прижал ее к матрацу. — Мне нужно еще помассировать тебе

руки.

— Нет, не надо, с ними все в порядке! — настойчиво повторила Данни, изнемогая от похоти.

Айвен удивился, но убрал руки с ее спины. Данни села и спустила с кровати ноги.

— Что случилось? — спросил Айвен, недоуменно глядя на ее пунцовое лицо.

— До ужина осталось мало времени, я не хочу опаздывать, — отводя взгляд, прохрипела Данни.

— Но сейчас только без пяти минут семь! Ладно, как тебе угодно. — Пожав плечами, он встал и отнес флакон с маслом в ванную.

— Тогда я, пожалуй, пойду, — сказал он, переминаясь с ноги на ногу.

— Хорошо, увидимся позже, — кивнула Данни, закусив губу.

Айвен отдернул занавески и, улыбнувшись ей на прощание, выскользнул за стеклянную дверь, прикрыв ее за собой.

Данни чувствовала себя виноватой перед этим добрым белокурый великаном. И его улыбающееся лицо еще долго стояло перед ее затуманенными глазами. Рука Данни потянулась к промежности...

До ужина оставалось несколько минут, когда Данни, к своему ужасу, сообразила, что не знает, где находится так называемая большая гостиная. Она постучала в парадную дверь дома, однако ей не открыли. Подождав немного, Данни еще сильнее разнервничалась, обежала вокруг дома, смотря по пути во все окна, подумала и заглянула в кухню, встав у приоткрытой двери черного хода. Две молодые женщины, чрезвычайно похожие одна на другую, шинковали на кухонном столе помидоры и красные перцы. Длинные, до плеч, волосы кухарок были ярко-рыжего цвета. Они обернулись, и та, что стояла ближе к двери, с улыбкой спросила:

— Ты, должно быть, новенькая? Потерялась?

— Да, не могу найти большую гостиную!

Девушка положила нож на стол, обтерла руки белоголубым кухонным полотенцем и кивнула на массивную деревянную дверь в дальнем конце кухни.

— Она там! Полагаю, что Фов и парочка ее друзей уже сторают от нетерпения увидеть тебя.

Данни поблагодарила незнакомку за подсказку и окинула взглядом помещение, обставленное в типично сельском стиле. Низкий потолок подпирали массивные дубовые балки, повсюду висели связки чеснока и сушеных трав. По обе стороны от огромной черной плиты стояли дубовые буфеты, в середине кухни находился длинный дубовый стол, вокруг которого были расставлены стулья с гнутыми спинками.

Девушки-близнецы стояли напротив большого буфета с мраморной плитой для разделки мяса и дичи и двойной раковиной. В одной из них лежал дуршлаг из нержавеющей стали, наполненный салатом, — по его листьям стекали крупные сверкающие капли воды, напоминающие бриллианты. В другой раковине высилась стопка грязных тарелок. Одетые в ярко-розовые комбинезоны, рыжеволосые сестрички выглядели совсем юными. У обеих были на удивление стройные фигуры.

— Вам не требуется помощь? — спросила Данни, подумав, что, хотя Фов и не настаивает на этом, ей все же следует отработать пользование горячим душем и массаж.

Близнецы одновременно покачали головами.

— Нет! Ты должна учиться, а не работать! — разом воскликнули они, обменявшись многозначительными взглядами.

Данни стало не по себе. Однако она решила не давать волю воображению и, толкнув дубовую дверь, прошла в гостиную. У нее за спиной одна из сестер сказала другой:

— Еще одна жертвенная овечка!

Обе кухарки расхохотались.

Данни захлопнула дверь и, оглядевшись, поняла, что эту гостиную назвали большой по недоразумению. Она была не намного просторнее ее спальни и обставлена очень скромно: вся мебель состояла из круглого полированного стола и восьми стульев с прямыми спинками. На кирпичных стенах висело несколько картин, пол был сделан из простых досок. И только огонь в камине придавал помещению чуть-чуть тепла и уюта.

Внезапно дверь в противоположном конце комнаты распахнулась и стремительно вошла Фов, облаченная в изящные черные брючки и шелковую черную блузу. Увидев Данни, она улыбнулась и помахала ей рукой.

— Прекрасно выглядишь, милочка! Проходи, садись за стол!

Данни смущенно потупилась: она сомневалась, что действительно выглядит прекрасно рядом с изысканно одетой француженкой. Не зная, что ей лучше надеть, Данни остановила свой выбор на спортивном платье с короткими рукавами из белого жатого ситца и сандалиях с ремешками вокруг щиколоток. Колготки она решила не надевать, о чем теперь особенно жалела.

— Я не знала, в чем следует являться на ужин, — выпалила она. — Да и вообще я не взяла с собой ничего приличного из одежды.

Данни подошла к столу и села на один из стульев, положив на колени сцепленные руки.

Фов села рядом и, грациозно перекинув ногу на ногу, повернулась к девушке лицом.

— У тебя безупречный вкус, милочка! Эти золотистые сандалии смотрятся очень гармонично с твоим загаром, а платье выгодно подчеркивает стройность фигуры. Оно облегает тебя, словно любовник.

Данни зарделась от столь необычного сравнения, но постаралась не выдать своего волнения.

Француженка коснулась пальцем с розовым ногтем ее шеи.

— Тебе пошли бы украшения. Нет ли у тебя золотой цепочки и сережек? — Она погладила каштановые локоны Данни и с едва заметным сожалением взглянула на мочки ушей.

Данни покачала головой:

— Я не увлекаюсь украшениями. Но серьги ношу. Просто я забыла надеть их после душа.

Фов откинулась на спинку стула и внимательно взглянула на нее.

— А кроме ушей, ты ничего не прокалывала? — спросила француженка. — Пирсинг сейчас в моде.

Данни густо покраснела и промямлила:

— Я им не увлекаюсь...

Фов хрипло хохотнула.

— А зря, тебе бы пошло. Можно украсить колечком соски, лобок и даже клитор. — Она обернулась к двери и спросила: — Не правда ли, Айвен, это выглядит очень симпатично?

Айвен присел на стул с другой стороны от Данни и поинтересовался:

— О чем вы тут ворковали, дорогая?

Как и Фов, он пересыпал свою речь французскими словечками, что придавало ей оттенок интимности.

Фов улыбнулась и пересказала ему разговор с Данни.

— О да! — Айвен кивнул. — Драгоценные камни и золото украшают прекрасные части женского тела. Не так ли, Данни?

— Честно говоря, я не думаю, что все эти излишества для меня, — прокашлявшись, сказала девушка. Ей захотелось чего-нибудь освежающего, во рту и в горле возникла неприятная сухость. У нее вновь разыгралось воображение: живо представились любовницы Айвена с золотыми украшениями на розовых сосках и половых губах. Судорожно вздохнув, Данни попыталась отогнать неприличные видения и добавила: — Впрочем, каждый имеет право на личное мнение.

Айвен и Фов впились в нее изучающими взглядами.

В этот момент дверь открылась и в гостиную вошел молодой человек. Как и Фов, он был во всем черном, темные волосы достигали плеч. Наблюдая, как он садится рядом с француженкой, Данни поймала себя на мысли, что в этом доме ей встретились только две соотечественницы — рыжеволосые сестры-близнецы. Смуглая кожа лица молодого человека и его шоколадная радужная оболочка глаз говорили, что он чужеземец.

— Дорогая, я хочу познакомить тебя с Гвидо, — обернувшись к Данни, промолвила Фов. — Он итальянец и великолепный эквилибрист.

— Правда? — Данни протянула иностранцу руку. — Очень приятно познакомиться с вами, Гвидо!

Молодой человек галантно подхватил протянутую ему руку и поцеловал ее. Данни обратила внимание на его пушистые длинные ресницы. Стоило его губам прикоснуться к ее пальцам, как она ощутила томление, близкое к вожделению, и покраснела.

В гостиную вошли сестрички-близняшки. Они сняли розовые комбинезоны и облачились в хлопковые платья свободного покроя до лодыжек. За ними появились двое мужчин в синих брюках обычного фасона, светлых цветных рубашках и мокасынах. Обоим было под тридцать. Один из них смахивал на скандинава, каштановые волосы другого были стянуты на затылке в хвостик. Их спортивные фигуры и высокий рост наводили на мысль, что они артисты цирка.

Данни впервые очутилась в окружении множества красивых людей. На вечеринках рядом с ней обычно оказывался либо полный лысеющий бухгалтер, либо волосатый и неопрятный мужлан, строящий из себя неотразимого мускулистого самца. Ни одна из подружек Данни не смогла бы состязаться в красоте и изяществе с женщинами, собравшимися в гостиной.

Гвидо привстал и налил в бокал Данни вина. Она кивнула в знак признательности, и в ответ была одарена хищным, чувственным взглядом. Данни поднесла бокал к губам и наполовину осушила его.

У нее за спиной Айвен наклонился к Фов, чтобы поговорить, и словно бы ненароком положил руку Данни на плечо. Ее пронзило током от прикосновения его пальцев, пахнущих лимоном и мускусным одеколоном, к ее коже. Она сделала еще глоток терпкого ароматного красного вина и уставилась на картину цирковой лошади, висевшую на стене. Тем временем между Айвеном и Фов состоялся следующий разговор.

— Кто сегодня подаст нам ужин? — спросил Айвен.

— Миа, — ответила Фов. — Она вчера вечером вернулась с острова Маврикий, проспала весь день и сейчас вполне готова к новым развлечениям.

Айвен рассыпчато рассмеялся, так, словно бы услышал в словах француженки какой-то неприличный намек.

— Замечательно, — наконец сказал он. — Мы давно не развлекались с ней. Она оказалась прилежной ученицей.

— Это так, — согласилась Фов. — Но понравится ли это развлечение нашей новенькой малышке?

Фов задала вопрос по-французски, однако, при всем своем слабом знании этого языка, Данни поняла его смысл. Что означают эти таинственные намеки? В какую интригу ее хотят втянуть? К счастью, ей не пришлось долго ломать над этим голову: дверь распахнулась, и незнакомая молодая женщина вкатила сервировочный столик на колесиках, уставленный блюдами.

Традиционный французский костюм горничной, с шокирующе коротенькой черной шелковой юбочкой, подчеркивал ее экзотическую красоту. Нежная кожа табачного цвета, словно тонкий шелк, облегла ее стройную фигурку. На симпатичной мордашке в форме сердечка игриво поблескивали темные глазки. Пухлые, крупные губы, накрашенные помадой цвета спелой сливы, маленький, аккуратный носик и щеки с ямочками так и напрашивались на поцелуй. А прекрасные темные волосы, достигающие поясницы, струились по спине и плечам, словно атлас.

Подкатив сервировочный столик к столу, девушка выпрямилась, демонстрируя высокие упругие груди и длинные ноги. Пышные белые нижние юбочки под черной юбкой, как успела заметить Данни, едва достигали ее бедер.

Покосившись на Айвена и Фов, Миа игриво облизнула губки и произнесла низким голосом и с сильным иностранным акцентом:

— Кушать подано, дамы и господа! Угощайтесь!

Гостиная наполнилась веселым бряцанием и звоном столовой посуды. Пока Гвидо и Айвен переносили тяжелые блюда с тележки на стол, служанка подошла к камину, сняла с него серебряный канделябр и, вернувшись с ним к столу, зажгла пять красных свечей.

Затем она отошла к стене, выключила электрическое освещение, щелкнув выключателем, и гостиная погрузилась в интимный полумрак. Мерцающие свечи и огонь в камине отбрасывали розоватый отблеск на белоснежную скатерть. Он отражался в серебряных кубках и чашах и переливался всеми цветами радуги в хрустальных бокалах.

На голодный желудок Данни не стоило увлекаться вином, но она поняла это слишком поздно, когда почувствовала легкое головокружение. Приятный жар охватил все ее тело, ей захотелось слегка охладиться, и она, не отдавая себе отчета в своих действиях, оттянула верхнюю кромку платья, прилипшего, как ей показалось, к телу.

— Любопытная деталь, — прошептал ей на ухо Айвен. — На тебе нет лифчика! Как это мило!

Данни покраснела.

— С этим платьем я никогда его не ношу, — будничным тоном ответила она. — Ведь оно без бретелек!

— Так возблагодарим же за это Господа! — шутливо произнес он и поднял бокал с вином.

Смущенная его неожиданным вниманием к интимным деталям ее одежды, а также тем

обстоятельством, что промежность ее стала горячей и влажной, Данни опустила глаза и притворилась, что занята исключительно едой. Куриная грудка, нарезанная тонкими ломтиками и тушенная с грибами в винном соусе, выглядела чрезвычайно соблазнительно. От запаха специй и чеснока у любого другого давно уже потекли бы слюнки. Но Данни едва прикоснулась к этому чудесному блюду, не дотронулась до салата, а налегала на красное вино, в котором не было недостатка.

— На вашем месте я бы поостерегся: оно довольно крепкое, — услышала Данни незнакомый мужской голос.

Обернувшись, она увидела, что рядом с ней стоит «скандинав». Айвен беседовал с одной из сестер-близнецов, подсевшей к нему в ожидании десерта. Данни смущенно улыбнулась.

— Вы голландец? — спросила она, глядя на его крупные белые зубы, обнажившиеся в улыбке. Ей почему-то вспомнился Тэм, с его белокурыми вьющимися волосами и такими же безукоризненными зубами, и она усмехнулась, вспомнив и другие детали.

— Нет, я норвежец, — ответил незнакомец. — Меня зовут Рэнди. А вас? Почему вы улыбаетесь? Вас смешит мое имя?

— Даниэль, — ответила она. — Но все называют меня Данни.

В уголках его синих глаз появились мимические морщинки.

— Похоже, я чем-то вас позабавил, — не унимался норвежец.

— Просто твое имя звучит очень по-английски, — пришла на выручку Данни девушка, разговаривавшая до этого с Айвеном. — Должна отметить, что оно тебе очень подходит!

Данни растерянно переводила недоуменный взгляд с рыжеволосой соотечественницы на норвежца: ее явно втягивали в какую-то непонятную словесную дуэль.

— Меня зовут Летти, а полностью — Летиция, — представилась разбитная англичанка. — А мою сестру — Розой, она сейчас болтает с Алдоусом.

— Вы местные? — спросила Данни, дружелюбно улыбнувшись. Сестрички казались ей единственными нормальными людьми в этой странной компании.

— Да, мы живем в соседней деревне, — ответила Летти. — Как только сюда приехал цирк и организовалось училище, мы с сестрой сбежали из дома.

— И сколько же вам тогда было лет? — спросила Данни, удивленная дерзким поступком девушек.

Летти посмотрела на потолок, похлопала ресницами и, наморщив лоб, сказала:

— В этом августе нам исполнится двадцать. — Она взглянула на Данни, облизнула губки и добавила: — Здесь мы второй год, выходит, тогда нам было по семнадцать, почти по восемнадцать лет.

Данни почувствовала себя совсем старой. Она давно позабыла, когда ей самой было двадцать.

— А сколько лет тебе, дорогая Данни? — спросил Айвен, словно бы угадав ее мысли.

Данни густо покраснела и ответила, решив оставаться откровенной:

— Я уже старуха, мне двадцать шесть.

— И вовсе ты не старуха, милая малышка! — Айвен нежно погладил ее по руке. — Вернее будет назвать тебя взрослой девочкой.

Завороженная его глубоким баритоном и пронзительным взглядом, Данни не смогла отвести паз. Она действительно была достаточно взрослой, чтобы не вести себя как ершистый подросток и адекватно реагировать на знаки внимания очаровательного и

обятельного мужчины.

Глава четвертая

На десерт подали ассорти из фруктов со взбитыми сливками, красиво разложенное по граненым вазочкам. Данни проглотила слюнки, жадно взглянув на лакомство, предложенное ей экзотической служанкой, и непроизвольно пощупала живот.

— Боишься располнеть? — шепотом спросил Айвен.

Данни покосилась на него и нехотя ответила:

— Да, я недавно стала контролировать вес. Мой любовник...

— Настолько глуп, что не способен оценить твои прелести, — договорил за нее Айвен. — Ты восхитительна, малышка! — Он зачерпнул ложечкой сливки с клубникой и поднес лакомство к губам девушки. — Не нужно себя стесняться!

Данни колебалась: такое откровенное ухаживание ей было внове. Не привыкла она и к тому, чтобы незнакомцы кормили ее с ложечки. И все же она послушно открыла рот и, едва лишь сочная ягода скользнула на язычок, почувствовала изысканное удовольствие. Загипнотизированная Айвеном, Данни прожевала и проглотила клубнику, забыв на мгновение, что в гостиной находятся, кроме них двоих, и другие люди. Она утонула в бездонных васильковых глазах и даже подалась вперед, готовая припасть к его груди.

— Вы очень добры, — проговорила она, открывая рот для второй порции десерта. Зубы ее лязгнули о металл, и по телу пробежала сладкая дрожь.

Айвен положил ложечку на стол, взял салфетку и вытер ей рот.

— Я сказал только то, что думаю, — заметил он, кладя салфетку рядом с тарелкой и продолжая сверлить Данни взглядом. — Я никогда не лгу. Женщины этого не любят. Верно?

Данни рискнула. Ей безумно хотелось ему верить. Всю свою сознательную жизнь она страдала из-за своей фигуры. Метаморфоза случилась с ней в одночасье: она легла спать девочкой, а проснулась сформировавшейся женщиной. Этот редкостный феномен имел малоприятные последствия для ее незрелой психики. Внимание взрослых мужчин вселило в ее неокрепшую душу смятение. Мозг подростка не мог правильно оценить реакцию женского тела. И как только в шестнадцать лет Данни лишилась невинности, она начала напропалую трахаться со всеми парнями, решившими провести с симпатичной глупышкой время. Потом она на два года ушла в себя и воздерживалась от половой жизни, после чего познакомилась с Тэмом и стала с ним сожительствовать.

Но только теперь до нее дошло, что она так и не вкусила прелестей медленного обольщения и подлинной чувственности. Ранние сумбурные сексуальные отношения и скучные совокупления с самовлюбленным Тэмом не удовлетворяли Данни. Она поняла, что отдалась ему скорее из чувства благодарности за то, что он вывел ее из затянувшегося воздержания и одновременно избавил от тягостной похотливости; все же определенное облегчение она испытывала.

Чутье подсказывало Данни, что существует и иное, пока не известное ей, наслаждение. Именно в обществе Фов и Айвена Данни надеялась раскрыть для себя эту темную тайну...

— Извините, я задумалась о своем, — спохватившись, сказала она. — Вы, кажется, о чем-то меня спросили?

Айвен внимательно посмотрел ей в глаза и сказал, поглаживая ее ладонь пальцами:

— Я спросил, о чем ты задумалась, малышка. Уж не о волшебном ли королевстве?

— Нет, о странной земной жизни, — призналась Данни, неспособная лукавить после

выпитого вина.

— И какие выводы ты сделала?

— Далеко не утешительные, — призналась Данни. — И кажется, так ничему и не научилась. Но я постараюсь наверстать упущенное.

Глаза Айвена потемнели, зрачки расширились, он хищно оскалился и раздул ноздри. Данни сообразила, что в нем пробудился зверь, и опустила глаза. Грудь ее набухла, соски просвечивали сквозь тонкую ткань платья.

К счастью, в разговор вступила Фов.

— У нас завязалась интересная дискуссия, — хрипловатым низким голосом произнесла она. — Гвидо утверждает, что по части чувственных наслаждений еще ни одна нация не превзошла итальянцев. Вы согласны с его мнением?

Айвен покосился на самоуверенно улыбающегося юного итальянца и, наклонившись к Данни, спросил:

— Пожалуй, ты тоже так думаешь, верно? А по-моему, все люди, независимо от их национальности, способны глубоко чувствовать и получать истинное наслаждение. Даже англичане, прославившиеся холодными снобами.

Он подмигнул сестрам-двойняшкам, словно бы заведомо был уверен, что они его в этом поддержат.

— Ты самодовольная свинья, Гвидо! — без обиняков заявила Летти. — У вас, итальянцев, нет монополии на умение наслаждаться. Мы с Розой, к примеру, утрем нос любому иностранцу. Верно, сестричка?

Сестры многозначительно переглянулись.

Данни промолчала, предпочитая не вступать в спор.

— Ловлю тебя на слове! — воскликнул Айвен. — Назови мне шесть любых природных источников чувственного удовольствия человека! Только не сексуальных.

За столом воцарилась тишина.

— Ради Бога! — разом воскликнули сестры и уставились в потолок, будто бы там крупными буквами были написаны ответы на этот непростой, как показалось Данни, вопрос.

Роза обвела всех сидевших за столом таинственным взглядом и промолвила:

— Например, мокрая листва. Вспомните, как приятно бродить в ясное осеннее утро по парку или саду.

— А запах земли под прелыми листьями? — подхватила Летти. — Какой он пронзительный! И как приятно почва на ощупь! Вспомни, сестренка, как мы с тобой, бывало, развлекались и натирались влажной землей. Истинное блаженство!

Данни завистливо заерзала на стуле: такое никогда не приходило ей в голову! Да сестрички-то, оказывается, совсем не тихони!

— Продолжайте, — сказал Айвен.

— Солнце! — сказала Роза. — Оно ласкает кожу.

— И снег! В него приятно нырнуть после сауны, — добавила Летти.

— Горячий шоколад! — воскликнула Роза. — Его нужно слегка остудить и медленно лить на груди и бедра.

— А потом слизывать! — Летти довольно захихикала и причмокнула языком.

Данни затравленно огляделась: ей не хотелось верить, что она единственная чувствует неловкость от рассказов бойких сестричек. Неужели они только тем и занимаются, что раздеваются догола и мажут себя всякой дрянью? Данни стало душно.

— Назовите напоследок еще какой-нибудь предмет, вызывающий у вас восторг, — предложил девушкам Айвен.

— Опилки! Разве не восхитительно падать в кучу опилок с высоты? — воскликнули его ученицы.

— Тем более голой, — саркастически добавила Данни.

Тишина, воцарившаяся после этого в гостиной, показалась ей оглушительной. Айвен медленно обернулся и, окинув Данни холодным взглядом, негромко сказал:

— Не суди о том, чего не знаешь, малышка!

Данни прикусила язык: сколько раз он ее подводил!

— Извините меня! Я, кажется, увлеклась вином, — хрипло сказала она. — Пожалуй, мне лучше прилечь.

Данни встала и, покачиваясь, направилась к выходу. Не без труда открыв дверь, она вышла в коридор и пошла вдоль стены. Только спустя несколько минут она сообразила, что заблудилась, и, прислонившись к стене, расплакалась.

— В чем дело, малышка? — услышала она знакомый голос. — Почему ты убежала? Здесь все — твои друзья. Никто не обиделся на твою шутку.

— Я ляпнула глупость, не подумав. Я не хотела никого оскорбить, — пролепетала Данни.

Айвен приблизился к ней и погладил по голове.

— Все сообразили, что ты неудачно пошутила: у тебя на лице написано, что оскорбить человека ты не способна.

Данни хрипло рассмеялась.

— Я бы так не сказала, иногда меня называют стервой.

— Дерзость сорвалась у тебя с языка случайно, — возразил Айвен. — Не переживай, никто на тебя не обиделся, можешь вернуться в гостиную, если хочешь. Или проводить тебя в спальню?

— Мне стыдно посмотреть людям в глаза, — покраснев, сказала Данни. — Я чувствую себя идиоткой. Надеюсь, до утра все забудут о моей неловкой шутке.

— Уверен, что все так и будет! — Айвен приподнял указательным пальцем подбородок Данни и посмотрел в глаза. — Актеры душевные люди, они не помнят зла. Пошли к тебе!

— Я найду дорогу сама, объясните, куда идти, — сказала Данни. — Не хочу портить вам остаток вечера.

— Ты полагаешь, что мне неприятно твое общество? — Айвен вскинул брови. — Поверь, это не так. Я давно не встречал такой очаровательной юной особы, как ты, Данни. Знаешь, у меня сложилось впечатление, что тебя серьезно обидели когда-то и ты ушла в себя, потеряв самоуважение. Расскажи мне, что с тобой произошло, и на душе станет легче. Ты должна мне верить, я твой наставник.

— Да, я долго чувствовала себя подавленной, — вздохнула Данни. — Это долгая история... Но теперь я, кажется, на правильном пути, начинаю обретать уверенность в себе.

Они побрели по коридору, поворачивая то направо, то налево, и незаметно для себя Данни разговорилась.

Айвен слушал внимательно, понимающе кивал, и она поведала ему обо всех напастях и переживаниях, обусловленных ее ранним и быстрым половым созреванием. Данни была признательна ему за сочувствие и симпатию. Они вышли из дома и, пройдя по аллее через парк, подошли к флигелю. Данни захотелось познакомиться с Айвеном поближе, поболтать

с ним о своих планах и вообще о жизни.

Войдя в комнату, Айвен включил ночник на столике рядом с кроватью, и в спальне стало уютнее. Данни захотелось прилечь, она сбросила туфли и присела на краи постели. Айвен включил вторую настольную лампу, стоящую на тумбочке, и встал посередине комнаты.

— Какая ты красивая, — сказал он. — Жаль, что сама ты даже не догадываешься об этом. Если бы ты могла взглянуть на себя со стороны.

— Этого многим хотелось бы, не только мне! — Данни покраснела от комплимента и почувствовала в груди томление. Но разве такой мужчина снизойдет до того, чтобы обнять и приласкать ее, самую обыкновенную женщину? Она тяжело вздохнула и потупилась.

Взгляд ее случайно упал на колени, и она смутилась еще сильнее: платье задралось до бедер и едва прикрывало белые трусики. Данни бросило в жар, ей стало стыдно: что подумает о ней преподаватель? Непростительная легкомысленность, нужно тщательнее подбирать одежду, если хочешь произвести на приличных людей благоприятное впечатление, подумала она. Виновато потупившись, Данни подняла голову и заметила, как горят у Айвена глаза. Она сразу же успокоилась.

Женская интуиция подсказывала ей, что они рано или поздно достигли бы этого момента в своих отношениях. А раз судьбе угодно ускорить события, значит, так тому и быть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

После скучных и серых будней лондонской жизни — монотонной работы, изнурительных поездок в метро, унылых вечеров — общение с неординарными и красивыми людьми приятно поразило ее и помогло преодолеть невидимый барьер, разделявший постылую рутину прежнего прозябания и ее радостное, светлое будущее, наполненное яркими событиями и впечатлениями.

— Не желаете ли выпить чего-нибудь освежающего? Присаживайтесь, я принесу лимонада. Признаться, других напитков у меня и нет, — сказала она, недоумевая, почему он медлит, почему не обнимает ее.

— Спасибо, — сказал Айвен и сел на кровать.

Данни подошла к буфету, чувствуя, как жжет ей спину его взгляд, и достала оттуда бутылку и бокалы. Наполнив их, она вернулась к кровати и воскликнула:

— Выпьем за наше здоровье!

Они отпили по несколько глотков тепловатой влаги, проникаясь лирическим настроением летнего вечера. Насыщенный ароматом полей, теплый воздух струился в щель между шторами из-за приоткрытых стеклянных дверей. Вокруг все стихло, только где-то тихо и печально блеяла овца, тоскуя по барану.

— Какая пасторальная идиллия, — сказала Данни, откидываясь на подушки и закрывая глаза. — Здесь так хорошо, не то что в шумном Лондоне.

— Ненавижу столичную суету, — фыркнул Айвен, отгоняя неприятные воспоминания, и поставил свой бокал на столик.

Данни тоже поставила бокал и мечтательно воскликнула:

— Какие прекрасные дни меня здесь ожидают! Две недели в обществе красивых, доброжелательных и обаятельных людей — это сказка! Я так счастлива, что очутилась здесь.

Айвен привлек ее к себе и поцеловал.

Вздрагивая от сладострастия, Данни застонала и, обняв его плечи руками, прижалась к

широкой мускулистой груди. Просунув язык ему в рот, она ощутила вкус меда, ей захотелось подобно сестрам-близнецам скинуть одежду и остаться голой. Летти и Роза правы, нужно при любом удобном случае скидывать оковы условностей и наслаждаться дарами природы. Она торопливо расстегнула пуговицы на рубашке Айвена и, зажмурившись от наслаждения, стала ощупывать его шелковистую кожу и бугристые мускулы под ней.

Айвен учащенно задыхался и начал гладить ей спину и волосы. Поцелуй оказался им обоим сладким, как божественный нектар. Он сжал ей грудь, она охнула и задрожала.

Овца за окнами заблеяла громче.

Охваченная неутоленной страстью, Данни срывающимся голосом призналась Айвену:

— Я хочу тебя! Трахни меня!

Он дико зарычал и, повалив ее на кровать, раздвинул ноги. Данни закинула голову и раскрыла рот, ей стало жарко. Айвен наклонился над ней, сжав груди, поцеловал их и впился пальцами в тугие ягодицы.

— Ты восхитительна, — прохрипел он. — Я хочу вкусить твою спелую сочную сладость!

— Пососи грудь, умоляю! — сказала Данни, изнемогая от сладострастия.

Пальцы Айвена сжали твердые, как козлиные рожки, соски, готовые проткнуть тонкое платье. Данни оттянула ворот и выпятила груди, чтобы он коснулся их своим ртом, влажным, красным и чувственным.

— Быстрее! Пожалуйста! — простонала она.

Глаза Айвена потемнели от страсти, он впился в розовые рожки губами и стал жадно сосать, как голодный ягненок. Он ласкал их по очереди языком, причмокивая от удовольствия. Данни извивалась под ним, поводя бедрами и теребя руками его волосы. Наконец он сорвал с нее платье и впился горящим взглядом в обнаженное тело. Грудь Данни разбухла, белые трусики врезались в промежность, волосики на лобке заманчиво просвечивались сквозь ткань.

— Данни, ты прекрасна! — прошептал сладострастно Айвен, запуская руку ей в трусы.

Она задрожала, словно бы ее пронзило током, и замерла, упиваясь мыслью, что возбудила богоподобного мужчину, о ласках которого даже не осмеливалась еще недавно и мечтать. Согнув ноги в коленях, она выпятила низ живота, желая угостить могучего самца запретным плодом. Она все еще испытывала робость перед этим белокурый богатырем и готова была подчиниться ему, исполнять любые его прихоти, стать покорной рабыней. Набравшись смелости, Данни спросила, хочет ли он ее, чтобы услышать желанное «да».

Но он только кивнул в ответ, хищно оскалив жемчужно-белые зубы. И все стало ясно без слов: соглашение достигнуто, остается осуществить его.

Айвен просунул ладонь под ее ягодицы и нажал большим пальцем на мокрую ткань трусов. Данни замерла, боясь отпугнуть его неловким движением. Он рассмеялся:

— Проказница! С виду — невинная овечка, а трусы промокли насквозь, как у похотливой блудницы. Я тебя накажу!

Изнемогая от желания, Данни захныкала и, упершись ступнями в матрац, начала тереться лобком о его руку. Айвен понял намек и, просунув указательный палец во влагалище, стал нажимать большим пальцем на клитор. Возбуждение Данни стремительно нарастало. В промежности вспыхнул пожар. Горячий сок хлынул из нее ручьями, бедра пришли в движение. Она застонала, покраснев до корней волос, и закрыла глаза. Дыхание ее стало горячим и частым.

Синие глаза Айвена вспыхнули дьявольским огнем. Ноздри чувственно затрепетали. Он ввел во влагалище безымянный палец и прорычал:

— Коварная искусительница! Ведешь себя так, словно бы не догадываешься, как трудно мне устоять перед соблазном. Разве могу я удержаться и не отведать такого лакомства?

Ее грудной призывный стон слился с далеким блеянием овцы. Айвен замотал головой, как возбужденный конь, и тряхнул серебристыми волосами, похожими на гриву.

Данни открыла свои зеленые, как у кошки, глаза и, взглянув в его расширившиеся от возбуждения зрачки, поняла, что между ними возникла прочная, хотя и невидимая, эротическая связь. Их неудержимо влекло друг к другу еще с их первой встречи. Нет, вспомнила Данни, она почувствовала трепет при звуке его голоса, когда разговаривала по телефону с Фов! Просто раньше она этого не осознавала! Радость от сделанного ею открытия была так велика, что Данни едва ли не нанизала самое себя на его длинные сильные пальцы и бешено заработала бедрами и животом.

Айвен просунул пальцы еще глубже, слегка согнул их в суставах и основанием большого пальца нажал на клитор. Такой искусный прием вызвал бурную реакцию Данни: она закричала и задергалась в экстазе, сжимая руками груди и теребя пальцами соски.

— Я вижу, ты готова принять меня в сокровищнице наслаждения, — прошептал Айвен и, вынув пальцы из влагалища, стянул с нее трусы.

Данни помогла ему, двигая бедрами, и стала расстегивать на нем брюки. Рука ее сжала его могучий член, уже давно рвавшийся наружу, и вопль восторга вырвался у нее из груди:

— Вот это настоящий комплимент женщине!

Она взглянула в зеркало над туалетным столиком и вздрогнула: в нахальной распутнице ей трудно было узнать себя — волосы растрепались, глаза сверкали, щеки пылали, губы сочились блудом. Данни пришла в неопиcуемый восторг.

Она демонически расхохоталась и, перекатившись на бок, сжала в кулаке глянцевою головку.

— Не представляю, что я испытаю, когда ее коснутся твои ангельские губки, — сказал Айвен.

— Хочешь попробовать? Не боишься? — шаловливо прищурилась Данни. Не дожидаясь ответа, она встала на колени и начала игриво поводить бедрами, словно кошка, задравшая хвост трубой. Айвен вскочил и начал снимать с себя одежду и обувь. Наконец он предстал перед ней в одних трусах с нашитым на них ярлыком известной фирмы «Келвин Кляйн». Из-под резинки выглядывала его грозная багровая булава, готовая к сражению не на жизнь, а на смерть.

— Впечатляющая картина! — отметила Данни.

Трусы последовали на пол за остальной одеждой, сваленной в кучу. Айвен лег на спину на кровати, и фаллос, обретя долгожданную свободу, встал в полный рост. На конце его шишковидной головки сверкнула прозрачная как слеза капелька.

Айвен впился в Данни гипнотизирующим взглядом сапфировых глаз, и ее обдало внутренним жаром. Клитор задрожал, и новая порция секрета потекла по ноге. Она раскрыла рот и облизнула губы, чувствуя во рту странную сухость. Ее горлу требовалась смазка. Она с трудом проглотила подступивший ком и жадно втянула ноздрями воздух. Из-за окна не доносилось ни звука. В комнате зависла томительная тишина. Айвен молча ждал, что она сделает дальше. Но ждать ему пришлось недолго.

Данни подползла к нему и, упершись ладонями в кровать, слизнула острым язычком эту

вязкую жидкость. Айвен сладострастно застонал, и она, облизнув головку, стала ритмично кивать головой, сжимая фаллос в кулаке и ловко втягивая щеки. Оральный секс был ее коньком, она от всей души хотела сделать Айвену приятное, лелея надежду, что и он не откажет ей, как Тэм, в таком же удовольствии.

Опасаясь, что она не сможет удовлетворить его, Данни продемонстрировала Айвену все свое искусство: постепенно его член вошел ей в рот целиком, и тогда она начала сосать его почти неистово. Айвен сжал ладонями ее голову, зарычал и стал быстро двигать торсом. Она затрепетала и причмокнула от удовольствия. Он погладил ее по спине и плечам и стиснул пальцами соски.

Охваченная энтузиазмом, она продолжала яростно работать ртом, языком и щеками, сильнее сжимая его разбухающий член в своем кулаке. И вот бордовая головка задрожала — и горячее желе наконец-то выплеснулось ей в рот. Она поспешно проглотила первую порцию солоноватого деликатеса, но все же небольшое количество спермы вытекло на губы и подбородок. Данни облизнулась и, обтерев подбородок тыльной стороной ладони, села на корточки, очень довольная свершившимся и собой.

Айвен был наверху блаженства. Веки его отяжелели, глаза радостно блестели, тело расслабилось. Член все еще вздрагивал, продолжая стоять, но уже не выглядел таким огромным, как минуту назад. Мошонка обвисла, потемнев и покрывшись глубокими кожными складками, особенно заметными в сравнении с гладкой кожей его ляжек.

— Ты божественно красив! — воскликнула она, не находя иных слов, чтобы выразить свое восхищение.

Мускулистое и стройное тело Айвена мгновенно возбудило ее, а лицо обострило эту страсть настолько, что она больше не могла спокойно смотреть на его прекрасные, четкие и правильные черты, длинные ресницы и сапфировые глаза.

— Это не я, а ты красива как богиня! — сказал Айвен и протянул ей руку.

Данни взяла ее и легла на его мощную грудь, сверля ее своими твердыми сосками. Фаллос Айвена стал набухать, отчего у нее в животе словно запорхали бабочки. Он жарко поцеловал ее и стал гладить ладонью ее спину и ягодицы. Охваченная внутренним жаром, Данни прошептала ему на ухо, что она перевозбудилась. Айвен вставил два пальца во влагалище и, раздвинув их, словно ножницы, прохрипел:

— Настала и твоя очередь получать удовольствие, малышка!

Глава пятая

Не смея надеяться на нечто неземное, Данни позволила Айвену перевернуть ее и уложить на спину. Он проделал это, даже не вынув пальцев из влагища.

— Согни ноги в коленях и пошире раздвинь их! Я хочу видеть все твои тайные уголки.

Слегка подрагивая и повизгивая, Данни исполнила все его указания и замерла в ожидании. Айвен еще шире раздвинул ее наружные половые губы и облизнулся:

— Аппетитнейшее кушанье!

Данни затрепетала от сладостного предчувствия.

Айвен наклонился и поцеловал клитор. Данни судорожно вздохнула и замерла, боясь спугнуть его. Он стал покусывать, лизать и сосать ее нежную плоть, влажную, горячую и пахнущую мускусом, щекоча ей промежность своими волосами и потирая носом чувствительные точки под лобком.

Данни задышала часто и громко, ее лоно пылало и распухало, бархатный покров сексуального экстаза обволокло ее с головы до ног. Наконец она не выдержала и громко закричала:

— Еще, еще! Быстрее! Да, да, да! Только не прекращай!

Огоньки упоения пробежали по ее телу, пламя оргазма охватило живот, она выгнулась дугой, комкая в руках простыню, уперлась ступнями в матрац и, подавшись тазом вперед, прижалась к губам Айвена своей сочащейся плотью.

Айвен стиснул пальцами ее напрягшиеся ягодицы и с громким звуком впился ртом в розоватую сердцевину, словно в сочную дольку арбуза. Сок стекал по его подбородку, но он продолжал вылизывать заветные точки. Оргазм многократно сотряс Данни, ее тело обмякло, ноги и руки стали словно ватные, на устах блуждала блаженная улыбка. У нее возникло ощущение, словно бы она тает, как мороженое.

— В следующий раз я доставлю тебе еще большее наслаждение, — пообещал ей Айвен. — Но не сегодня.

Данни попыталась протестовать, но он сказал:

— Уже поздно, утром нам рано вставать. Взгляни-ка! — Айвен поднес к ее глазам наручные часы. — Уже начало третьего!

Она не думала, что так быстро пролетело время! Это все меняло, и она кивнула, соглашаясь со своим наставником и властелином.

— Завтрак в восемь утра, — сказал он, встав с кровати. — И не опаздывай, тем более в свой первый день в нашей школе. Фов этого не любит.

— Хорошо, — пролепетала Данни. — Я постараюсь.

Айвен наклонился и поцеловал ее напоследок. Данни ощутила на его губах сладковатый привкус ее выделений и, рассмеявшись, потерла ему пальцами подбородок.

— Ты похож на кота, перепачкавшего усы сметаной! Я не могу отпустить тебя в таком виде.

— В самом деле? — Айвен страстно взглянул на нее. — А чего стесняться? Пусть все знают, что мне сегодня повезло.

Данни было приятно слышать такие слова. Она помахала ему рукой, когда он обернулся, выходя через стеклянные двери в сад, и легла, наслаждаясь приятной усталостью и тишиной. Ночная прохлада вскоре заставила ее накрыться одеялом. И едва лишь ее голова коснулась

подушки, как она крепко уснула.

Утро наступило слишком быстро. Сообразив, где она находится и что с ней произошло накануне, Данни почувствовала необыкновенную бодрость и, откинув одеяло, побежала принимать душ. Проснувшись окончательно, она вытерлась насухо полотенцем, слегка расправила пальцами пряди влажных волос и прошла в спальню, чтобы решить, что надеть.

В дверь постучали. Данни подбежала к ней и распахнула настежь, ожидая увидеть Айвена. Но, к ее удивлению, увидела улыбающуюся Фов. Ахнув, Данни стянула потуже концы полотенца.

— Не трудись ничего объяснять мне, милочка, — проворковала француженка. — Ты ждала Айвена. Я угадала?

Данни смущенно потупилась и покраснела.

— Это не важно. Я принесла тебе вот это. Взгляни!

Фов протянула Данни цирковое трико в розовую и голубую полоску. Оно было сшито из эластичного материала и переливалось, как атлас.

— Какая прелесть! — Данни замерла от восхищения. — Но вот только не мало ли мне оно?

— Примерь — увидишь! — резонно сказала Фов, присаживаясь на кровать.

Данни замялась, стесняясь переодеваться на глазах у француженки. Но Фов усмехнулась и сказала:

— Не трудись удаляться в ванную, милочка! Завтрак остынет.

Данни неохотно размотала полотенце и предстала перед Фов нагой. Увидев ее в первозданном виде, француженка восторженно захлопала в ладоши.

— Какая милашка! Ты смотришься фантастично! Только не нужно так стесняться, не забывай, что в цирке — все свои. А от близких людей не должно быть секретов. Ну, что же ты молчишь, моя прелесть? Язык проглотила? Какая ты, однако, стыдливая. Это не к лицу артистке, цирк любит смелых!

Данни застыла на месте, онемев и ошалело хлопая глазами. Фов встала с кровати и, подойдя к ней, внимательно оглядела с головы до ног, как манекен в витрине ателье.

— Замечательные бедра! А какая славная округлая попка!

Она шлепнула Данни по ягодицам, отчего та вздрогнула.

— Ну а груди просто восхитительные!

Обеспокоенная тем, что француженка может ощупать ее груди, Данни попятилась и, наклонившись, надела трико. Оно на удивление легко обтянуло ноги. Данни покраснела и, выпрямившись, просунула в рукава руки. Она сразу же почувствовала, насколько высок вырез на бедрах, и, покосившись на лобок, увидела, что волосики выбиваются из-под ткани. Фов заметила, что это ее смущает, и спросила, коснувшись пальцами волосиков:

— У тебя найдется бритва?

— Дамская, — густо покраснев, пролепетала Данни. — Она на полочке в ванной.

— Минуточку! — Фов выбежала из комнаты и вскоре вернулась с электробритвой в руке. — Сейчас твоя кожа станет чистой и гладенькой, как детская попка!

Присев на корточки, она принялась ловко орудовать бритвой в промежности Данни, приговаривая:

— Стой смирно, не вертись и не возражай! Я сделаю это лучше, чем ты, моя дорогая!

Данни прикусила язык: действительно, зачем спорить из-за пустяка? Тем более что с

Фов нужно считаться. Она взглянула в зеркало. Трико плотно облегалo фигуру, выгодно подчеркивая все ее преимущества: высокие округлые груди, тонкую талию, крутые бедра, И даже ноги казались немного длиннее и стройнее. Оставалось сожалеть, что нельзя взглянуть на попку. Данни начала было поворачиваться, но Фов недовольно крикнула:

— Не верти задницей! Еще успеешь наvertеться за день. Нужно побрить тебя еще разок, чтобы стало совсем гладко.

— Вы так хорошо говорите по-английски, мадам! А вот я, к своему стыду, плохо владею французским. Учила его в школе, но теперь почти все забыла, — сказала Данни.

— Благодарю за комплимент! — улыбнулась Фов. — Я живу в Англии уже пятый год, однако так и не овладела английским в совершенстве. Если хочешь, я могу позаниматься с тобой французским.

— Как это мило с вашей стороны, мадам Фов! Но языки мне плохо даются. Я тугодумка, — покраснев, сказала Данни.

Фов с удивлением подняла голову.

— Не говори так о себе, моя милая! Ты красивая и, несомненно, обладаешь талантом в чем-то ином.

— Жаль, что мне самой это неизвестно! — расхохоталась Данни. — Пока что я знаю одно: у меня редкий дар все портить. Вот, к примеру, вчера за ужином...

— Ах, вот ты о чем! — Фов принялась выбривать ей промежность во второй раз. — Мы все огорчились из-за того, что ты так рано ушла спать. И больше всех опечалилась Миа.

— Странно! Почему именно она? — удивилась Данни. — Мы с ней даже не разговаривали!

Фов загадочно улыбнулась.

— Это необычная девушка. Она ведь не только прислуживает за ужином, но и радует нас особым образом. Вчера мы все славно развлеклись. Миа и сегодня преподнесет нам после ужина приятный сюрприз. Надеюсь, ты останешься?

— Конечно, промолвила Данни, заинтригованная ее словами.

Какие развлечения предлагает им Миа? Может быть, она поет, играет на гитаре или танцует?

— Вот и прекрасно! — удовлетворенно кивнула Фов, прервав полет ее фантазии. — Нам с Айвенгом очень хочется, чтобы у тебя остались самые лучшие воспоминания о своем пребывании здесь.

— Я рада это слышать, — сказала Данни.

Фов выключила электробритву и спросила, погладив лобок:

— Как ты находишь мою работу?

Смущенная прикосновением ее пальцев к чувствительным местам, до которых никогда еще не дотрагивались другие женщины, Данни молчала, переживая эти новые сексуальные ощущения.

— Я проголодалась, — произнесла она первое, что пришло в голову, и попятилась. — Мне еще нужно причесаться и переодеться до завтрака.

— Тогда не буду тебя отвлекать, милочка! — Фов выпрямилась и положила бритву на туалетный столик. — Завтракаем мы на кухне. Как пройти туда, ты, по-моему, знаешь.

— Да, я скоро туда приду, — сказала Данни.

Но робость оставила ее, лишь когда за Фов закрылась дверь.

Спустя десять минут Данни пришла на завтрак. К ее удивлению, кухня оказалась пуста. Ей стало немножечко обидно: выходит, напрасно она торопилась. Данни надела черные гольфы и мешковатый теплый свитер поверх трико: в коттедже было довольно прохладно. Еще не привыкнув к трико, Данни втайне надеялась, что в цирке будет мало народу, когда она разденется.

Настенные часы в красивом деревянном корпусе показывали почти восемь. Данни проглотила аппетитную булочку с шоколадным кремом, съела банан и запила все это кружкой теплого кофе.

Вскоре появился Айвен. Войдя через черный ход, он улыбнулся Данни и, потерев ладони, деловито спросил, готова ли она приступить к занятиям. Сегодня он был одет в черные спортивные трусы и черную майку.

Данни встала из-за стола и ответила, что готова. Айвен как-то непонятно посмотрел на нее, и, смутившись, она поинтересовалась, в чем дело.

— Фов подобрала для тебя какой-то странный костюм! Впрочем, это не имеет значения, — пожал он плечами.

— Она дала мне это полосатое трико...

Айвен снисходительно улыбнулся, и на душе у Данни потеплело. Айвен погладил ее волнистые волосы, ниспадающие на плечи, и приподнял указательным пальцем подбородок. У нее все завертелось перед глазами от его пристального взгляда, она с трудом устояла на подкосившихся ногах.

— Да, я хотел сказать, что вчера ночью ты была великолепна, — ласково произнес он. — Я в восторге от твоей красоты и сноровки в сексе.

Лучше бы ему не говорить этого! Данни захотелось немедленно стянуть одежду и швырнуть ее на пол. Но она лишь раскрыла чувственный ротик и стала сосать Айвену его большой палец, многозначительно глядя в сапфировые глаза.

В цирковом шатре собралось довольно много актеров, когда они с Айвеном наконец пришли туда. Артисты спокойно разминались, выполняли упражнения на снарядах, раскачивались на трапеции под куполом, бегали и прыгали. Какой-то высокий молодой человек с огненно-рыжими волосами медленно заглатывал шпагу. Данни удивленно вытаращила глаза.

— Как ему это удается?

— Он умеет расслаблять горловые мышцы. У тебя этот номер должен получиться, судя по тому, что ты проделала со мной вчера. Разница не так уж и велика!

Данни стала пунцовой, мысленно сопоставляя длину шпаги с членом Айвена. Он, пожалуй, был прав. Она облизнулась, вспомнив вкус его «петушка», и сглотнула подступивший ком.

— Предлагаю проверить, что ты еще умеешь, — сказал наставник, подведя ее к матам. — Как насчет гимнастики? Какие ты знаешь трюки?

— Раньше я умела делать «колесо» и стоять на голове, — сказала Данни, пожав плечами. — Но это было, когда я училась в школе. Ну а теперь...

— Раздевайся до трико и покажи, на что ты способна!

Данни сняла свитер и гольфы и, посмотрев на преподавателя, заметила, что он снова как-то странно на нее смотрит.

— Опять что-нибудь не так? — поправляя трико на грудях и бедрах, встревоженно спросила Данни. — Я плохо выгляжу?

— Ты выглядишь потрясающе! Мне дьявольски повезло вчера ночью. Хочется верить, что не в последний раз...

— В этом можешь не сомневаться, — успокоила его она, испытывая неуместное волнение.

Вдохновленная комплиментом, Данни выполнила три переворота «колесом» кряду, выпрямилась и радостно воскликнула:

— Я все еще могу исполнять этот номер!

Айвен посмотрел на нее с изумлением: сейчас Данни походила на девочку-подростка, а не на зрелую женщину. Щеки ее покраснелись, волосы растрепались, грудь, обтянутая трико, стала менее заметна. Он пожалел, что не овладел ею прошлой ночью, это добавило бы остроты в его впечатления от их близкого знакомства. Впрочем, подумалось ему, впереди у них еще много волшебных ночей...

— Хорошо, Данни! А как насчет стойки на голове?

Этот номер Данни сразу не удался, но с помощью терпеливого наставника она достигла некоторого прогресса.

Наконец она упала на маты, покрасневшая как рак и запыхавшаяся, и с улыбкой воскликнула:

— Устала, как загнанная кобыла. И ужасно проголодалась! И еще мне хочется улечься с тобой в кровать.

Айвен расхохотался:

— Да ты ненасытна, моя дорогая! Вот уж действительно лошадиный аппетит! Ты думаешь о чем-либо еще, кроме еды и секса?

— В данный момент — нет! — призналась она.

До обеда она выполнила еще несколько акробатических трюков и научилась крутить обратное сальто. Очень довольная собой, она села, скрестив по-турецки ноги, на мат и стала расспрашивать Айвена, чему еще она может у него научиться.

— Это зависит от того, что тебя больше привлекает. Есть трюки, которые быстро не освоишь!

Он похлопал ее по коленке и, покосившись на промежность, заметил, как глубоко впилось трико в ее наружные половые губы.

— Ты умеешь ездить верхом? — отведя взгляд, спросил он.

— Раньше умела, но в последние два года не тренировалась.

— А укрощать львов тебе не доводилось? — шутливо осведомился Айвен.

— Ну и свинья же ты! — Данни широко улыбнулась. — Между прочим, мне всегда хотелось этим заняться! А еще я мечтала стать шпрыхшталмейстером.

Она нагнулась и выпятила груди, выглядывающие в вырезе трико.

— Об этом даже не мечтай! — сурово сказал Айвен.

— Это почему же?

— Да потому, что это моя работа! — Айвен улыбнулся. — Мне нравится щелкать хлыстом.

Данни отшатнулась и, внимательно взглянув на него, подумала, что это в самом деле так. По телу ее пробежали мурашки. Ей вдруг захотелось отведать пикантного секса. Может быть, ей подмешали какого-то снадобья в пищу? Странное желание... Данни покраснела и вскочила на ноги.

— Не пора ли перекусить? Цирк опустел, все давно ушли на перерыв.

Обед оказался легким: салат, хлеб из муки грубого помола, фрукты.

Айвен утешил Данни:

— Не переживай, наверстаешь упущенное за ужином!

Она похлопала себя по пустому животу и бодро ответила:

— Пустяки! Мне не помешает немного похудеть!

— Ты в отличной форме! — заверил ее Айвен. — Иначе ты не была бы милашкой Данни!

— Ты мне льстишь, — сказала она, краснея.

— Нет, я говорю искренне. — Айвен погладил ее по руке. — Расскажи мне, чему тебе еще хотелось бы научиться за время учебы в нашем училище?

— В первую очередь — кататься на велосипеде с одним колесом! — не задумываясь выпалила Данни.

— Нет проблем! Нужно только подобрать подходящий велосипед.

Он встал и отряхнул с себя хлебные крошки.

— Ну, пошли на манеж! По дороге заглянем на склад, может, найдем там то, что нам нужно. — Он взял ее за руку и увлек за собой.

Им повезло: свободный велосипед имелся, с серебристой рамой и черным кожаным седлом.

— Вот это именно то, о чем ты мечтала! — воскликнул Айвен. — Завидую седлу! Мне хотелось бы оказаться на его месте. Ха-ха-ха!

Данни покраснела: Айвен подшутил над ней так искренне и просто, что ей и в голову не пришло обидеться. Она поставила велосипед к стене и, сняв с запястья резинку, стянула волосы на затылке в хвостик.

— Боже! Так ты выглядишь на шестнадцать лет! — обрадовался Айвен.

Она похлопала ресницами и кокетливо вытянула губы.

— Питаешь слабость к школьницам?

Ответом ей стал его напрягшийся под трусами член.

— Не искушай меня, это нечестно! — простонал Айвен. — Ты мне нравишься в любом виде, но сейчас... Я готов немедленно...

— Что? — с надеждой спросила она.

Айвен взял себя в руки.

— Сейчас я готов преподать тебе урок езды на цирковом велосипеде.

Они прошли в шатер, и Данни с помощью Айвена села на седло. Но дальше дело не пошло: колесо виляло и шаталось, хотя Айвен и придерживал его за раму рукой. Данни растерялась:

— Кажется, у меня ничего не получится!

— Не трусь! Кстати, а на двухколесном велосипеде ты когда-нибудь ездила?

— Да, но это совсем другое дело!

— Крути педали! И не бойся упасть, на манеже опилки, больно не ушибешься.

Балансируй руками, это поможет!

— Вот так? — Данни вытянула руки в стороны и стала отчаянно крутить педали.

— Замечательно! — похвалил ее Айвен, продолжая поддерживать одной рукой седло.

Она сделала круг по манежу вдоль бортика. Потом, приноровившись, Данни поехала одна, даже не заметив, что Айвен ее уже не боится. Она совершила полный круг, перестала крутить педали и ловко соскочила с колеса, громко воскликнув:

— Ура! Получилось!

Лицо ее светилось восторгом.

Ей хотелось повиснуть на шее у Айвена и задушить его в объятиях.

Он поцеловал ее в макушку.

— Молодец! Но нужно еще потренироваться, чтобы добиться успеха.

Спустя два часа Данни возненавидела проклятое колесо и готова была поклясться, что не сядет на него до конца своих дней. У нее ныло все тело, и ей страшно хотелось пить.

— С меня довольно! — потирая ягодицы, воскликнула она. — Где можно попить?

Айвен посмотрел на часы:

— Пожалуй, на сегодня достаточно. Ты можешь переутомиться. Я горжусь твоими успехами!

Данни была этому очень рада, но она с трудом стояла на ногах. Пожалуй, ей не стоило браться столь рьяно за дело.

— Я разваливаюсь на кусочки, — жаловалась она, возвращаясь в коттедж. — У меня негибают ноги, а поясница, кажется, вот-вот треснет.

— Терпи, со временем привыкнешь! — сказал Айвен. — Уверю тебя, наградой за муки тебе станет успех!

— Спасибо, утешил, — простила Данни. — Но пока я мечтаю только о бокале прохладительного напитка, горячей ванне и постели, с которой не встану до утра.

Айвен усмехнулся и кивнул на часы:

— В твоём распоряжении только четыре часа! Фов велела всем пораньше собраться на ужин. Она что-то затеяла.

Данни не стала задавать вопросов. Утолив жажду лимонадом, она пошла к себе, приняла ванну и завалилась спать.

Глава шестая

Выспавшись, Данни почувствовала себя значительно бодрее и, вскочив с кровати, надела желтый кисейный сарафан с глубоким вырезом. Прихорашиваясь перед зеркалом, она гадала, что сулит ей таинственная затея Фов и кончится ли этот вечер новой встречей с Айвеном в постели. Слегка освежившись духами, она включила ночник и, еще раз окинув свое отражение в зеркале довольным взглядом, отправилась в гостиную, почему-то именуемую большой.

За столом собрались уже знакомые ей люди: сестры Летти и Роза сидели по обе стороны от Рэнди, дальше расположились Айвен и Фов. Единственный свободный стул стоял между Алдоусом и Гвидо его и заняла Данни. Усевшись поудобнее, она улыбнулась Айвену. Он был одет в черные брюки и рубашку, отчего его волосы казались еще светлее, глаза — сапфировыми, а кожа — золотистой. Айвен улыбнулся Данни так, что она едва не потеряла сознание.

Ради разнообразия Фов сегодня облачилась во все красное — шелковый костюм и босоножки на высоком каблуке. Губная помада тоже была красной, отчего ее ротик выглядел очень сексуально. Данни почувствовала острую ревность: француженка не только выглядела несравненно эффектнее, но и сидела там, где хотелось бы оказаться ей, Данни, а именно — рядом с Айвеном. Вдобавок ко всему Фов, словно бы случайно, то и дело дотрагивалась до него.

Сейчас ее рука лежала на руке Айвена, пока сама она оживленно болтала с Летти.

— Вы прекрасно выглядите! — услышала Данни чей-то густой голос с американским акцентом. — Эдакий цветущий нарцисс!

Данни вздрогнула, смущенная неожиданным комплиментом, и, обернувшись к Алдоусу, пробормотала:

— Благодарю, вы чрезвычайно любезны.

Ее приятно удивили его полные розовые губы и поразительно белые и ровные зубы. Как и Айвен, Алдоус носил длинные волосы до плеч, только они были темными и курчавыми. Оливковый цвет его кожи наводил ее на мысль, что он американец итальянского происхождения.

Алдоус поднял бокал с вином и, поднеся его к губам, спросил:

— Ну как прошел ваш первый день в цирке? Я наблюдал за вами, когда вы делали сальто. Вполне профессионально!

Данни зарделась и жадно выпила целый бокал вина. Она сомневалась, что произвела на него глубокое впечатление именно своим мастерством. Скорее, его внимание привлекла ее фигура, обтянутая трико.

— Айвен хороший преподаватель, — наконец сказала она.

Алдоус понимающе улыбнулся и легонько пожал ей руку.

— Это так, однако способности ученицы не менее важны.

Он откинулся на спинку стула и окинул Данни восхищенным взглядом. Она смутилась, почувствовав себя обнаженной и незащищенной. Алдоус вздохнул и добавил:

— А также ее физические данные. На мой взгляд, они выше всяких похвал.

— Благодарю вас, — пролепетала Данни, проклиная свою неопытность в искусстве флиртовать. Иное дело — Фов. Вот кто бесспорный мастер пикировки с мужчинами. Данни

покосилась на нее: француженка весело беседовала с Айвеном. Он то и дело улыбался и откровенно хохотал. Данни закусила губу.

Алдоус перехватил ее помрачневший взгляд и заметил:

— Они старинные приятели.

— Я так и подумала.

Данни сделала еще глоток вина из бокала, услужливо наполненного Алдоусом. Сегодня вино было белое и сухое.

— Они всегда были партнерами в бизнесе?

— Кажется, да, — кивнул Алдоус. — Они объездили вместе весь мир. Раньше Айвен славился умением метко метать кинжалы, но сейчас предпочитает выступать в качестве шпехшталмейстера.

— Он мне рассказывал об этом, — сказала Данни. — А чем вы занимаетесь, Алдоус?

— Жонглирую, дрессирую львов, хожу по канату. Всем понемногу.

— Но ведь здесь нет львов, — улыбнулась Данни.

— Зато есть масса других занятий! Вдобавок я отвечаю за хореографию. Мы ставим эротическое шоу, что-то вроде современного балета. Очень красочное зрелище! От исполнителей требуется размеренность и грациозность движений. Все должно быть выверено, гладко и, разумеется, эротично.

— Как это понимать? — удивилась Данни.

— А так, что мы устраиваем эротический цирк. — Алдоус рассмеялся, видя, что его ответ еще больше озадачил собеседницу. — А как вам самой это представляется?

Данни выпила вина, успокоилась и сказала:

— Признаться, я не представляю, из каких номеров может состоять эротическая программа.

— Актеры возбуждают зрителей особыми трюками: поглаживают друг друга, ударяют хлыстом или хворостиной, но не больно, а так, чтобы доставить удовольствие. А в финале все участники шоу занимаются групповым сексом.

— На глазах у публики? — уточнила Данни, не веря ушам. Она надеялась, что Алдоус покачает головой, но вместо этого он кивнул.

— Пусть вас это не удивляет: зрители не заходят в наш цирк с улицы, их тщательно подбирают Айвен и Фов. Среди них есть и такие, что приезжают на представление из-за рубежа, преодолевают тысячи миль ради пикантного зрелища.

У Данни закружилась голова. Все, о чем поведал ее новый знакомый, казалось скверным сном. Но где же Айвен? Почему он не подойдет и не опровергнет заявление Алдоуса? Она с надеждой посмотрела в сторону мужчины, в чьей поддержке так остро нуждалась, но, к ее разочарованию, Айвен о чем-то увлеченно разговаривал с Рэнди, объясняя ему, судя по жестам, какой-то акробатический номер.

Данни взбодрилась, выпив глоток вина, и спросила:

— А почему сюда приходят лишь определенные люди? Где актеры, которых я видела днем на манеже?

Алдоус покровительственно положил руку на спинку ее стула и снисходительно улыбнулся.

— Хорошо, я все объясню. Но для начала предлагаю перейти на ты. Так нам будет легче понимать друг друга, исчезнет излишняя напряженность. Договорились, моя сладенькая крошка? Так вот, слушай: дело в том, что здесь ты видишь только учеников и наставников.

Например, Летти является инструктором Рэнди, а Гвидо — учеником Розы. Я обучаю Миа, она здесь тоже новенькая. Твой преподаватель Айвен. А Фов заведует хозяйством, она — главный администратор цирка. Правда, случается, что и она берет шефство над кем-то из новичков. Тебе все ясно?

— А что же в таком случае другие актеры? Чем они занимаются?

— Им не требуются наставники, они профессионалы, моя сладенькая! — Алдоус коснулся ее плеча. — Кое-кто из них живет на ферме, другие — в соседних деревнях.

— А в эротических шоу они участвуют?

— Некоторые из них, но далеко не все. Все зависит от программы и мастерства артистов. В конце концов, мы даем и обыкновенные цирковые представления. Как видишь, все очень просто.

Просто! Данни хотелось вскочить и бежать собирать сумку. Ее надежды на веселое времяпрепровождение в цирковом училище развеялись, как струйка сигаретного дыма. Получилось как всегда: стоило ей набраться смелости и сделать решительный шаг, как все рухнуло. А она возлагала такие большие надежды на Айвена...

К ее изумлению, она поймала на себе его пристальный взгляд. Казалось, он читает ее мысли. Данни похолодела.

Чертовски злая на самое себя, она принялась за тушеную баранину с чесноком и картофелем, запивая все это вином «Шардонне». Айвен продолжал наблюдать за ней, явно получая удовольствие от этого. Данни хотелось закричать, чтобы он не смотрел ей в рот, иначе она подавится куском мяса. Помимо воли, ее промежность стала горячей и влажной, а в набухшем клиторе возникла учащенная пульсация. Она не могла думать ни о чем, кроме как о том, что они с Айвеном будут вытворять ночью в ее кровати.

Взгляд Айвена ласкал и воспалял ее с ног до головы, проникал под лифчик и жег соски, рассыпался на тысячи искр в желудке и щекотал нервы. Трусики промокли насквозь от соков и прилипли к телу. Она зажмурилась и мысленно взмолилась: «Прекрати так смотреть на меня, лучше подойди и что-нибудь со мной сделай!»

Кто-то дотронулся до ее шеи, она облегченно вздохнула, надеясь, что Айвен внял ее просьбе, и обернулась. Перед ней стояла Фов, вид у француженки был загадочный и возбужденный. Данни вновь обернулась: Айвен сидел на прежнем месте и беседовал с Гвидо. Странно, что симпатичный юный итальянец до сих пор не обратил на нее внимания...

Фов села рядом с Данни и погладила ее по руке.

— Ты готова к десерту?

У Данни пересохло во рту, и не только от вина, но и от нежного прикосновения француженки. Она слегка поцарапала ногтями груди Данни и чувственно раздула ноздри. От нее повеяло цветочными духами и ароматом женского мускуса. У Данни все завертелось перед глазами.

— А что будет на десерт? — чуть слышно спросила она.

Карие глаза Фов потемнели.

— Сочные фрукты и сладости. Таких ты еще не пробовала.

Словно из-под земли, в гостиной появилась Миа. Вид у нее был еще более экзотический, чем накануне вечером. Ее глаза сияли, чувственные полные губы блестели от помады цвета чернослива. Накрашенные сурьмой брови и длинные ресницы делали ее миндалевидные глаза почти черными, а костюм французской служанки подчеркивал ее

соблазнительные формы. Ноги в черных чулочках, пышные коротенькие нижние юбочки белоснежного цвета и низкий вырез на груди придавали дополнительную привлекательность ее точеной фигурке, а блестящие темные волосы, заколотые в элегантный шиньон, бриллиантовое кольцо и бриллиантовые сережки могли ослепить самого взыскательного зрителя.

— Подойди сюда, Миа, — поманила ее пальчиком Фов.

Девушка грациозно пересекла комнату, уверенно ступая в туфлях на высоких шпильках. Фов развернулась вместе со стулом к ней лицом и жестом велела Данни сделать то же самое. Служанка встала между ними, покорно скрестив руки на груди.

Все присутствующие в гостиной замерли в ожидании чего-то невероятного. Айвен улыбнулся Данни так, что по ее телу пробежала дрожь. Его взгляд не только ободрял ее, но словно бы сулил ей восхитительное продолжение вечера.

Это была лицензия на раскрепощение, разрешение на безудержное веселье. Данни захотелось позабавиться от всей души и доставить удовольствие Айвену. Страх перед неизведанным исчез, остались любопытство и желание поучаствовать в общей забаве.

Фов легонько дотронулась ногтями, покрытыми блестящим красным лаком, до пышной груди Миа и погладила ее по бедру, там, где кончался черный чулок и выглядывала оливковая кожа. Словно замороженная, Данни следила за движениями француженки, испытывая сексуальное томление и поеживаясь.

— Задери юбки! — сказала француженка.

Данни затаила дыхание, глядя на служанку, нарочито неспешно поднимающую подол.

Обнажился аккуратный треугольник черных курчавых волос. Фов протянула к нему руку и, раздвинув пальцами волосики, стала щекотать ей клитор и срамные губы. Веки Миа потяжелели, губы увлажнились, она раскрыла чувственный рот и тяжело задышала. Фов погладила ее по бедру и приказала:

— Ступай покажи свое богатство гостям, они умирают от нетерпения его увидеть.

Миа обошла стул Данни и встала напротив Алдоуса.

Он окинул ее плотоядным взглядом и прошептал:

— Ты чудо!

Вставив ладонь ребром у нее между бедер, он ввел средний палец во влагалище. Данни сжала колени, борясь с желанием потереть пальцем клитор. Алдоус начал массировать Миа розоватый трепещущий столбик в основании лобка. По лицу Миа было видно, что она сильно возбуждена, а характерный запах секрета бартолиниевой железы не оставлял в этом никаких сомнений.

Данни почувствовала, что ее соки текут по ногам, и закусил губу. Ее груди набухли, соски увеличились, на лбу выступили капельки пота. Она обтерла лоб тыльной стороной ладони и потупилась, мысленно умоляя Айвена поскорее прийти к ней на помощь. Гостиная наэлектризовалась, в воздухе запахло чистой эротикой. Сердце Данни бешено застучало, в горле пересохло.

В следующий момент рядом с ней присел на корточки Айвен. Он погладил ее по ноге и вкрадчиво спросил:

— Возбуждаешься, малышка?

Данни невольно раздвинула ноги, и Айвен сжал ей бедро. Данни часто задышала. Айвен прошептал:

— Не надо стесняться, вокруг только друзья. Все желают, чтобы тебе было здесь легко и

приятно.

— Но я не хочу становиться посмешищем, — хрипло возразила Данни, сжав ноги.

Айвен едва не прыснул со смеху, но благоразумно сдержался, щадя ее чувства: малышка, несомненно, растерялась. Он вспомнил, как когда-то сам смущался своих эротических эмоций, и проникся к неопытной англичанке искренним сочувствием. Ему захотелось приласкать и утешить ее.

— Нужно быть смелее, если хочешь разобраться в своих чувствах. А главное — помнить, что в этом нет ничего дурного. Взрослые люди не должны лишать себя удовольствия из-за предрассудков. Более того, воздержание вредно.

— Хотелось бы в это верить, — пролепетала Данни, густо покраснев.

Между тем пальцы Айвена стали описывать круги у нее под коленкой. Она с трепетом ждала, когда же они поднимутся выше. Выдержит ли она этот вызов ее терпению? Неужели он осмелится смутить ее на глазах у всех присутствующих? Айвен заметил на ее лице смятение и прошептал:

— Расслабься, малышка, и наслаждайся! Не сопротивляйся, получай удовольствие от каждого мгновения. Бери пример с Миа! Взгляни на нее!

Данни послушно посмотрела на экзотическую распутницу и, к своему немалому удивлению, обнаружила, что на стуле Алдоуса сидит Летти. Теперь ее пальцы ласкали блестящий ароматный треугольник Миа, а Фов, встав у Миа за спиной, поглаживала ее горло, украшенное бриллиантовым колье. Миа закинула назад голову и блаженно улыбалась, касаясь волосами плеча француженки.

Завороженная этим эротическим представлением, Данни сжалась в комок. Руки Фое скользнули ниже и сжали груди Миа под черным атласом.

— О Бог мой! — послышался чей-то сладострастный возглас.

Айвен сжал бедро Данни и прошептал ей на ухо:

— Не верти головой, наслаждайся.

Она сообразила, что произнесла эти слова сама, и, обернувшись, взглянула на Айвена затуманившимися глазами. Ей стало жарко в ситцевом сарафане, и она расстегнула две верхние пуговицы. Пальцы ее дрожали.

Миа похотливо повизгивала и томно вздыхала. Расставив ноги пошире, она выпятила низ живота. Летти усердно потирала его пальцами, приговаривая:

— А где наш маленький розовый шалунишка? Почему он прячется?

Взору Данни предстал разбухший трепещущий клитор, ярко-красный и блестящий от густого сока. Летти нажала на него пальчиком, и Миа вздрогнула, сок потек по складкам ее срамных губ. Пальцы Летти начали описывать круги вокруг клитора.

Клитор Данни моментально отреагировал на это, он набух и стал влажным. Пульсация в головке участилась, и Данни страстно захотелось схватить руку Айвена и положить ее в свою промежность.

— Тебе не удастся, малышка, испытать такие же ощущения? — тихо спросил он, угадывая ее желание.

Словно во сне, Данни отметила, что Айвен встал, уступая место Алдоусу. Она едва не закричала, что не желает подмены. Но объект ее страсти уже удалялся, пробормотав на прощание:

— Позже, дорогая!

Данни готова была вскочить и удержать его, чтобы выяснить, почему он так жестоко с

ней поступает. Уж не думает ли он, что может вертеть ею, словно игрушкой!

Она собрала волю в кулак и приказала себе не паниковать. В конце концов, она свободная взрослая женщина, не связанная никакими обязательствами. Так почему бы ей и не расслабиться? Вряд ли ей скоро представится другая такая возможность! Данни вздохнула и потянулась к бокалу.

— По-моему, я не созрела для подобных развлечений, — призналась она Алдоусу.

Он тепло улыбнулся и погладил ее по ноге.

— А я так не думаю. Ты вполне к этому готова, моя сладенькая крошка! Ведь ты же хочешь изучить свои истинные потребности, не так ли?

— Да, но пока я в растерянности. Я сама не понимаю, чего хочу.

— Во всяком случае, тебе хочется ощутить оргазм, — с потрясающей прямоотой сказал Алдоус, глядя на нее масляными глазами.

У Данни покраснели щеки, и она стыдливо кивнула, затаив дыхание. Не теряя ни секунды, Алдоус запустил руку ей в промежность и, пощупав трусики, удовлетворенно констатировал:

— Промокли насквозь!

Данни усмехнулась: это не стало для нее большим открытием.

Но едва она открыла рот, как он прижал палец к ее губам.

Она тихонько застонала, блаженствуя от прикосновения его пальцев, ласкающих ее влажные половые органы, обтянутые мокрым атласом. Вот пальцы Алдоуса проникли под ткань и коснулись наружных срамных губ. Данни судорожно вздохнула и, вцепившись одной рукой в край стола, другой поднесла бокал к губам.

Опустошив его, она почувствовала, что хочет еще вина, чтобы затушить огонь сладострастия, распространяющийся по жилам. Ее соски пылали и терлись о лифчик. Она потянула за бретельку и случайно ослабила застежку настолько, что та расстегнулась. Ее грудь моментально выпятилась вперед, натянув ткань сарафана, тонкую и прозрачную.

— Продолжай в том же духе, крошка! — Алдоус стал массировать ей клитор, одновременно расстегивая нижние пуговицы сарафана.

Данни сдавила его запястье, намереваясь помешать ему, но непроизвольно потянула руку Алдоуса к своей промежности. Его чуткие пальцы раздвинули ее половые губы и стали описывать круги вокруг преддверия влагалища. Данни сжала свои груди, они потяжелели и набухли, а соски стали твердыми. Она принялась потирать их ладонями, возбуждаясь все больше и больше.

Ее чувства обострились, она стала живее воспринимать происходящее. И хотя Алдоус и мешал ей видеть то, что вытворяли с Миа окружившие ее люди, она все же умудрилась разглядеть, что Летти лижет ей лоно, а Фов ласкает груди. Полные и смуглые, цвета спелых оливок, они едва умещались в ладонях француженки, а торчащие соски проглядывали сквозь пальцы, суля божественную сладость тому, кто дерзнет их пососать.

Данни пронзило желание сжать их губами и подразнить языком. Ей казалось, что они необычайно вкусные, а удовольствие, которое она получит, будет взаимным с Миа.

Неожиданно к Данни подошла Роза. Погладив ей плечи и спину, она принялась массировать участки тела возле шеи и лопаток, доставляя Данни колоссальное наслаждение. Данни вскрикнула, охваченная неопишуемым восторгом от легких прикосновений к ее коже, и, расслабившись, шире раздвинула ноги.

Похоже, она попала под магию эротического цирка. Неужели ей самой давно хотелось

почувствовать себя раскованной, только она этого не осознавала? Или же все дело в мастерстве актеров?

Вскоре к ней вернулся Айвен и встал справа от нее. Данни почувствовала облегчение. Он наклонился, согревая дыханием ее голое плечо, и стал облизывать ее горячую кожу. Бартолиниевая железа Данни отозвалась на это новой порцией секрета, а клитор распух и затрепетал.

— Я горжусь тобой, малышка! — прошептал Айвен. — Ты не теряешь здесь ни минуты. Продолжай получать удовольствие и никого не стесняйся.

Данни громко застонала в ответ и изогнулась, словно бы упрашивая Розу, Айвена и Алдоуса переключить на нее свое внимание. Миа хрипло вскрикнула от оргазма — пульсация в клиторе Данни участилась, ее влажные срамные губы раскрылись, и стенки влагалища стиснули пальцы Алдоуса словно тиски. Тем временем Роза и Айвен продолжали потирать ей груди, кто-то из них расстегнул остальные пуговицы сарафана, и она предстала перед всеми совершенно голой, если не считать маленьких мокрых атласных трусиков.

Скосив глаза, Данни увидела свое обнаженное тело, золотистое от загара, с набухшими грудями и сосками, похожими на неспелую вишню. Близость мужских тел доводила ее до иступления, а пальцы Алдоуса, ласкающие клитор, сводили с ума.

Роза и Айвен одновременно наклонились над ней и начали сосать груди. Судорога сотрясла ее организм, и от солнечного сплетения начало распространяться божественное тепло. Позабыв всякий стыд, Данни хрипло закричала и стала тереться низом живота о ладонь Алдоуса словно бесноватая. Внутри ее изверглась горячая струя, перед полуприкрытыми тяжелыми веками глазами возникли белые вспышки, мышцы ног напряглись, и она задрожала, пронзенная оргазмом.

Придя в себя после полета над облаками, Данни почувствовала легкое смущение и потупилась.

— Ты прекрасна, моя дорогая! — Фов поцеловала ее в щеку, похлопав по левой груди. — Завтра вечером тебя ожидает еще более приятный подарок. Договорились?

Предложение показалось Данни заманчивым. Но что подумает о ней Айвен, если она ответит немедленным согласием? Не сложится ли у него впечатление, что она полностью удовлетворена? Тогда ей придется провести остаток ночи одной! Но он наклонился и успокаивающе прошептал:

— Пошли со мной, я провожу тебя в спальню!

Она сжала протянутую руку и вскочила. Айвен застегнул ее лифчик, надел на нее сарафан и, похлопав по попке, улыбнулся:

— Вот теперь полный порядок. Марш в кровать, моя сладкая малышка!

Глава седьмая

Два часа, которые Данни провела в объятиях Айвена, убедили ее в том, что он восхитительный любовник. Это были часы неспешного сладострастия, упоения негой и ласками. После оргии в гостиной ей было особенно приятно это неспешное соитие с нежным, опытным и неутомимым любовником.

Айвен неторопливо раздел Данни, то и дело покрывая ее тело жаркими поцелуями, а потом положил ее на спину и легко вошел в росистое лоно.

Она послушно выполняла все его просьбы, замирая от ощущения его огромного фаллоса внутри себя. Закинув ноги ему на спину, она ритмично двигала торсом в такт его телодвижениям, легонько вскрикивая и закатывая глаза.

Айвен сжал ее закинутае за голову руки, и она заработала бедрами с неистовством развратницы, целиком отдаваясь плотскому наслаждению и блаженно улыбаясь от мысли, что за время своего пребывания в училище она познает свои сокровенные желания, возможности и устремления. А это с лихвой покроет ее расходы, даже если она толком не научится никаким цирковым трюкам.

Проснувшись на следующее утро, Данни с удовольствием потянулась в постели, ощущая умиротворенность и тепло, и посмотрела на окно. Сквозь тонкие шелковые занавески пробивался солнечный свет, придавая белым стенам золотистый оттенок. Окружающий мир казался ей сказочным. Данни ущипнула себя, желая убедиться, что все это не сон.

Ей предстоял долгий радостный день, сулящий новые открытия. Она собиралась попросить Айвена научить ее работать на трапеции. Его уверенность и сила внушали ей веру в свои возможности. Никакого страха она не испытывала, равно как и робости.

Данни не спеша встала с кровати, решив впредь всегда держаться женственно и грациозно, а не прыгать и скакать, как непоседливая девчонка, лишенная светских манер. Ей хотелось стать опытной во всех отношениях женщиной, исполненной чувственности и умудренной знаниями. И конечно же, она мечтала обрести элегантность и непринужденность дамы, невозмутимой внешне, но до мозга костей пропитанной эротизмом.

На завтрак Данни не пошла, а отправилась напрямик в шатер за коттеджем. Роза, Летти, Рэнди и Гвидо уже вовсю там тренировались. Летти учила Рэнди работать с обручами, а у них над головами Роза отдавала с площадки указания Гвидо, раскачивающемуся на трапеции.

— Ты готова? — спросил у Данни Айвен.

Она медленно обернулась и одарила его нежной улыбкой.

— Безусловно!

— Хорошо спалось? — Он дотронулся до ее руки.

— Превосходно! А сейчас мне бы хотелось тоже подняться туда, где стоит Роза.

Юный итальянец подлетел к площадке и ухватился за поручни. Роза схватила трапецию и привязала ее веревкой к поручням. Гвидо встал рядом с ней на платформу.

— Ты уверена, что тебе этого хочется? — прищурившись, спросил у Данни Айвен. — Стоит ли торопить события? Неудача может напугать тебя и отбить охоту работать в цирке.

— Я не из пугливых, — ответила Данни. — Я стораю от желаня испытать себя.

На самом деле она совершенно не была в этом уверена. Когда Роза и Гвидо спустились по лестнице на манеж, Данни глубоко вздохнула и начала решительно подниматься на площадку, чувствуя, как бешено колотится сердце. Строго выполняя все инструкции Айвен а, она одолевала одну перекладину за другой и старалась не глядеть вниз. При этом Данни невольно усмехнулась, думая, что и на земле ей не помешало бы стать такой же аккуратной и расчетливой, как на веревочной лестнице.

— Ты почти у цели! — ободряюще крикнул ей Айвен.

Она представила, какой он видит ее с манежа, и покраснела. Утром она обнаружила на столике стопку выстиранной и выглаженной одежды, включая цирковое трико, которое оказалось по-прежнему тесноватым. В нем ее бедра и ягодицы были обтянуты до неприличия, а контуры ее половых губ четко обозначались под тонкой материей.

— Ну, как ты находишь вид снизу? — не удержавшись, крикнула она Айвену.

— Умопомрачительным, — рассмеявшись, признался он. — Я в восторге!

Достигнув площадки, Данни стала ждать, пока к ней поднимется Айвен. Сегодня он был одет в черные трусы и майку, обтягивающую могучую грудь, и выглядел великолепно. Глядя на его белокурые волосы, широкие плечи и развитую мускулатуру, Данни ощутила, как тепло растекается по телу, и нервно хохотнула:

— Когда ты рядом, у меня кружится голова. А это опасно!

— Не смотри вниз! — строго сказал он, но было поздно: она уже окинула взглядом манеж и тотчас же испугалась. Айвен взял широкий и прочный кожаный пояс, пристегнутый к эластичному тросу, и велел Данни вытянуть руки в стороны.

— Нужно подстраховаться! — сказал он. — С поясом ты будешь чувствовать себя гораздо увереннее. Впрочем, сетка все равно не даст тебе разбиться. Но для новичков пояс обязателен!

Данни покорно ждала, пока он наденет на нее страховочный пояс, с наслаждением вдыхая мужской запах и впитывая тепло, исходящее от него.

— А ты смог бы заняться здесь сексом? — в шутку спросила она, уверенная, что это невозможно.

Айвен распрямился, широко улыбнулся и, сверкнув сапфировыми глазами, ответил:

— А почему бы и нет?

Его уверенный тон навел Данни на мысль, что он имеет в этом определенный опыт. Ей стало чертовски любопытно и захотелось самой исполнить этот головокружительный номер.

— Хорошо, отложим это до тех пор, пока я не привыкну к высоте! — воскликнула она.

Айвен похлопал ее по ягодицам и развернул лицом к трапеции.

— Да ты, оказывается, прирожденная авантюристка!

— Трусихой я никогда не была, — тряхнув головой, с апломбом воскликнула Данни, все больше вживаясь в роль отважной циркачки.

Айвен ласково обнял ее за талию и, прижав к себе, положил ладонь ей на грудь. Данни зажмурилась от удовольствия, и ягодицы ее сжались, как это всегда случалось, когда она возбуждалась. Айвен погладил ее по животу и слегка надавил на низ лобка, просунув палец в промежность. Там сразу же стало горячо и влажно.

Он поцеловал ее и прижался к ее ягодицам. Она завертела задом, чувствуя, что у него наступила эрекция. Он помассировал ей грудь и клитор и прохрипел:

— Не сейчас, малышка! Потерпи до ночи.

Данни обернулась, и Айвен страстно поцеловал ее в губы. Неохотно отстранившись, он сказал:

— Приступим к занятиям!

Отвязав трапецию от поручня площадки, инструктор помог ученице сесть на перекладину.

— Считай, что это обыкновенные качели на детской площадке, и делай все так, как Гвидо. Поняла?

Дрожа от внезапного страха, Данни вцепилась обеими руками в канаты трапеции так, что побелели костяшки пальцев. Это не ускользнуло от внимания наставника, и он посоветовал ей расслабиться.

— Не получается, — посетовала Данни. — Я с детства ненавижу качели.

— Тогда придется тебе помочь. — Айвен с силой толкнул ее, и она взлетела над манежем, раскрыв рот и вытаращив глаза. — Помогай себе корпусом и ногами! Вперед — назад, вперед — назад. Хорошо, дело пошло!

Данни почувствовала необыкновенную легкость и раскованность. Ей казалось, что она слилась со снарядами и может взлететь под купол цирка. Ее тело работало, как послушная машина, уверенно и размеренно. С каждым новым колебанием трапеции Данни все больше проникалась ощущением, что ей все подвластно. Она оглянулась на Айвена, он улыбнулся ей, и она улыбнулась ему в ответ. В следующее мгновение она отважилась посмотреть на манеж, и вдруг он превратился в расплывающееся пятно. Охваченная паникой, Данни оцепенела, и трапеция вильнула. Данни покачнулась, ее вспотевшие от страха ладони разжались и выпустили веревки. И она стала падать... Спасательный трос натянулся и спружинил. Тело Данни дернулось вверх и зависло, словно тряпичная кукла, над страховочной сеткой.

Айвен крикнул, что спешит к ней на помощь. Вскоре он с помощью Розы и Летти отвязал Данни. Она упала ему на руки и вместе с ним покатила по сетке. Данни разрыдалась.

— Я все испортила! Ничего из меня не получится! — стонала она сквозь слезы.

— Ерунда! — Айвен погладил ее по голове. — Рано или поздно все ошибаются.

— И даже ты? — спросила Данни, хлопая ресницами.

— Даже я, — кивнул Айвен и чмокнул ее в лоб.

Этого было достаточно, чтобы Данни успокоилась и продолжала занятия. К обеду у нее разыгрался аппетит, и она с удовольствием съела все, что было подано на стол: ветчину, зерновой хлеб и салат.

Летти и Роза быстро убедили ее, что не стоит унывать из-за оплошности на трапеции.

— Я сама так ее боюсь, что стараюсь лишний раз даже не подниматься на платформу, — призналась Летти. — Мне легче даются трюки на манеже.

— Летти прекрасная акробатка. Она делает такие сложные трюки, что публика ревет от восторга. У нее масса поклонников, — сказал Айвен. — Мы, кажется, заболтались, пора браться за работу. — Он потер ладони и многозначительно посмотрел на Данни. Она сунула в рот последний кусочек хлеба и встала из-за стола.

— На полный желудок вредно качаться на трапеции, лучше займемся этим завтра, — сказал Айвен. — А сейчас немного развлечемся.

Они вернулись на манеж, и он предложил Данни слегка размяться на матах, пока он сходит за специальными приспособлениями. Вскоре он снова появился, катя круглый

деревянный щит. На плече у него висел зеленый холщовый мешок. Щит был красного цвета, с большой белой звездой в центре.

— Что это ты делаешь? — поинтересовалась Данни, когда Айвен начал прикреплять щит к раме на стойках, с тем чтобы он твердо стоял на манеже.

— Узнаешь в свое время, — загадочно ответил Айвен. — Разогревайся хорошенько, покажешь, как ты делаешь обратное сальто.

Данни стала делать упражнения на растяжку, время от времени поглядывая в сторону наставника. Он развязал мешок и достал из него несколько длинных ножей с широким лезвием. Данни вспомнила, что Айвен слывет мастером метания ножей, — об этом ей рассказал Алдоус. Любопытно, подумалось ей, кто его ассистент, или, вернее, жертва? Она расставила ноги пошире и, сжав левую лодыжку, наклонилась вперед так, что коснулась лбом колена.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В этот момент кто-то погладил ее по бедрам и ягодицам.

— Изумительная поза! — одобрительно прошептал Айвен.

Данни усмехнулась и, распрямившись, покосилась на него через плечо.

— Хочешь трахнуть меня прямо на матах?

Айвен окинул взглядом шатер: он был пуст.

— Хорошая мысль! — воскликнул он и сжал ее груди. — Ведь здесь, кроме нас двоих, никого нет.

Данни не задумываясь стянула с себя трико и легла на бок на мате, подперев голову рукой. Айвен снял трусы и предстал перед ней в полном великолепии своей красоты. Ничем не стесненное, его мужское достоинство окрепло и налилось силой.

Он согнул ее ноги в коленях, так чтобы они касались груди, и, слегка разогрев ее пальцами, с силой вонзил свой жезл в ее влажное лоно. У нее тотчас же встали торчком соски, и Айвен принялся осторожно сжимать и пощипывать их, проникая во влагалище глубже и глубже.

Данни плотнее прижала колени к груди и начала двигать торсом в такт телодвижениям Айвена. Они ускорили темп, Данни искоса взглянула из-под ресниц на пенис, входящий в нее, и почувствовала такой прилив вожделения, что извернулась и встала на четвереньки. Глаза Айвена потемнели от страсти, когда она, упершись в маты плечами и головой, начала массировать руками полные груди.

Он нежно погладил ее выпяченные ягодицы одной рукой, сжимая другой бедро, и с удовольствием отметил, что багровая головка его члена покрыта секретом ее желез, а преддверие влагалища сочится соком так, что он уже стекает по его мошонке.

— Замечательно! — выдохнул он, поглаживая ее бедра и ягодицы. — Великолепно.

Данни поняла, что он смотрит, как входит его фаллос во влагалище, представила себе его и заработала торсом с удвоенной энергией, приходя в экстаз. Жаль, что перед ними не было зеркала, подумалось ей. И в следующий миг ее сотряс оргазм и все поплыло перед глазами.

Айвен судорожно задергался и выплеснул в нее горячую сперму. Она оглянулась и, увидев его искаженное лицо, воскликнула:

— Как ты сейчас прекрасен!

В этот миг он казался ей богом или творением гениального скульптора. Айвен обнял ее, она склонила голову ему на плечо и подумала, что ей очень повезло. Ведь если бы Тэм не

исчез столь внезапно, а она не наткнулась на объявление в журнале, который прихватила с работы, то...

— Нет, это судьба! — пробормотала она улыбаясь. — Спасибо, Айвен! Спасибо за все! Он не стал ее ни о чем расспрашивать, а только блаженно улыбнулся.

Немного отдохнув, они снова вернулись к работе. Покувыркаясь на матах около часа, Данни заявила, что устала. На лице ее тем не менее сияла довольная улыбка, а глаза озорно блестели.

— Молодец! — похвалил ее наставник, поправляя ее сбившиеся локоны. Он собрал их на затылке в хвостик и поцеловал ее в шею.

Данни хлопнула его ладошкой по груди и спросила:

— Еще разок?

Он отпустил волосы и с сожалением покачал головой:

— Не сейчас, мне нужно попрактиковаться в метании ножей.

Айвен взял Данни за руку и подвел к щиту. Она сообразила, что у него на уме, и в панике отпрянула, замахав руками.

— Нет, я для этого не гожусь!

— Но я тебя очень прошу, Данни! — настаивал Айвен.

— Нет, я не могу! — Она покачала головой. — А вдруг я с испугу вздрогну и ты проткнешь мне ножом плечо? Мне совершенно не хочется умирать молодой.

Айвен расхохотался.

— Ты не умрешь, малышка! Я лучший метатель ножей во всем мире. Ты должна мне верить! С тебя и волос не упадет.

— Я тебе верю, но боюсь режущих и колющих предметов. И не хочу рисковать жизнью и здоровьем, — сказала Данни, поглядывая на ножи, лежащие в куче на манеже. — Как только ты метнешь в меня один из этих ужасных кинжалов, я непроизвольно постараюсь уклониться. И мне конец!

— Ты так считаешь? — прищурился он. — Непременно дернешься?

— Чтоб мне провалиться на этом месте! — в сердцах воскликнула Данни. — Спокойно стоять я не умею.

— В таком случае мне придется принять меры безопасности!

Айвен молча подошел к ней и, схватив за руку, закрепил запястье на щите ремнем. То же самое он быстро проделал со второй ее рукой.

— Нет! — закричала Данни, извиваясь и дергаясь. — Ты, наверное, просто шутишь, правда, Айвен?

— Никаких шуток! — Он деловито привязал ремнями к щиту ее лодыжки, хотя она и пыталась его лягнуть. Закончив эту процедуру, Айвен с довольным видом отступил на несколько шагов и потер ладони, хищно оскалив зубы.

Данни жгла его гневным взглядом. Больше всего бесило ее то, что она чувствовала себя беспомощной и незащищенной. По телу ее пробежал озноб. Ее охватило мрачное предчувствие.

— Ты собираешься метать в меня только ножи? — спросила она и едва не рассмеялась столь нелепому вопросу: будто бы одних ножей мало!

— Нет! — покачал головой Айвен.

Он наклонился и достал из мешка несколько томагавков. Раньше Данни доводилось

видеть эти зловещие орудия убийства только по телевизору. Тут она уже не выдержала и истерически расхохоталась. Айвен выждал, пока она успокоится, и велел ей прекратить смеяться, чтобы у нее не тряслись плечи.

— Замри и не шевелись! — приказал он и, приблизившись, погладил ее по плечам. — Прощу тебя, Данни! Не устраивай истерик, тебе это не к лицу. Ничего не бойся, все будет хорошо.

Данни понурилась, обессиленная припадком. Теперь Айвен мог делать с ней все, что ему угодно. Она чувствовала себя маленькой затравленной зверушкой. Ласковое поглаживание успокоило ее, и она перестала дрожать. Айвен сжал ей груди. Она вздохнула, и он прошептал:

— Я не причиню тебе вреда, малышка! Пожалуйста, поверь мне! Я долго тренировался и считаюсь лучшим в своем искусстве!

— Извини, Айвен, — со вздохом прошептала Данни.

— Так ты мне веришь?

— Да, — ответила она. — Тебе я верю. Но сомневаюсь в себе. Понимаешь, иногда у человека, стоящего на платформе в ожидании поезда, возникает безумное желание прыгнуть на рельсы под колеса надвигающегося вагона. Сейчас я испытываю нечто подобное.

— Ты не шутишь?

— Нет, я говорю вполне серьезно, хотя это и звучит как бред сумасшедшего.

Айвен погладил ее по голове и сочувственно заглянул в глаза.

— Похоже, ты на самом деле слегка не в своем уме, — глубокомысленно произнес он. — Ведь что ни говори, а только безумец согласится, чтобы в него метали ножи.

— Эй, потише на поворотах! — Данни звонко расхохоталась. — Иначе я тоже метну в тебя нож, как только освобожусь от этих ремней.

Айвен помрачнел и, отойдя на несколько шагов, начал демонстрировать свое искусство. Один за другим ножи впивались в дерево в нескольких сантиметрах от головы и тела несчастной девушки, вынуждая ее вздрагивать и зажмуриваться. Вскоре в ушах у нее зашумело, перед глазами поплыли круги. Но Айвен как ни в чем не бывало стал метать томагавки и прекратил издеваться над трепещущей англичанкой, лишь решив, что на сегодня с нее достаточно.

— Открой глаза, я закончил тренировку, — сказал он.

— Наконец-то! — облегченно вздохнула Данни. — Развяжи мне руки и ноги!

Айвен собрался было ее освободить, но внезапно в шатер вбежали Летти и Роза, одетые в джинсы и короткие майки. Сестрички разом воскликнули:

— Айвен! Тебя просят подойти к телефону. Срочно!

— В самом деле? — переспросил Айвен. — Что ж, я, пожалуй, схожу узнаю, кто это.

— Мы освободим Данни, не волнуйся! — сказала Летти.

Как только Айвен ушел, она окинула загадочным взглядом Данни и одобрительно заметила:

— А ты, оказывается, смелая девчонка! Разве не так, Роза?

Сестра кивнула и, подойдя к Данни, бесцеремонно погладила ее по бедрам.

— А знаешь, Летти, по-моему, не стоит пока ее отвязывать. У меня родилась интересная идея... — Она ухмыльнулась и достала из кармана длинный пластмассовый вибратор с ребристой головкой белого цвета.

Летти радостно рассмеялась.

— Данни заслужила маленькое развлечение! Ей не помешает расслабиться и получить кайф! Ха-ха-ха!

Она забрала игрушку у сестры и включила ее. Вибратор зажужжал. У Данни душа ушла в пятки: пощадь от похотливых сестричек-близнецов она не ждала, а сопротивляться не могла. Оставалось расслабиться и наслаждаться.

Глава восьмая

Резкий запах опилок, смешанный с приторным ароматом пачулевого масла, надолго запомнился Данни. Сестры обожали запах пачулей, — как они объяснили своей новой приятельнице, он напоминал им о том, что их мать принадлежит к движению хиппи, популярному среди молодежи 60-х. Как и она, сестры были убеждены, что свободная любовь — символ всего прекрасного.

Данни едва не прыснула со смеху и заявила, что не разделяет их взгляды.

Роза вытаращила глаза:

— Как ты можешь так говорить, не убедившись в этом на собственном опыте? Разве тебе было плохо в нашей компании вчера вечером?

Данни вздохнула и попыталась собраться с мыслями.

— Да, вчера мне было приятно в вашем обществе, — наконец сказала она. — Но учтите, что я выпила слишком много вина, и Алдоус...

— Так или иначе, тебе понравилось такое развлечение, не спорь! — Летти принялась водить вибратором по шее и грудям Данни.

— Я и не спорю, — согласилась она, поеживаясь и кусая губы. — Просто я пытаюсь объяснить, что это совсем не то, что вы делаете со мной сейчас, когда я связана по рукам и ногам.

— Но мы здесь одни, не забывай! И никаких мужчин! — заметила Роза и отобрала вибратор у сестры. Окинув Данни оценивающим взглядом, она оттянула трико у нее на груди и начала обводить вибратором соски.

— Расслабься, — посоветовала она Данни, увеличивая обороты.

Данни пользовалась этой игрушкой раньше, но лишь оставаясь одна, наедине со своими фантазиями. Сейчас же удовольствие пытались доставить ей другие женщины. И, как ни странно, Данни это нравилось. Ее тело моментально отозвалось на воздействие прибора. Соски отвердели и набухли, влагалище увлажнилось, раскрылись наружные половые губы.

Летти довольно взвизгнула, стянула с нее трико и ошупала лобок. Пальчики шалуньи сжали клитор и проникли во влагалище Данни. Легкий стон вырвался из ее груди, она почувствовала, что ее лоно трепещет и раскрывается, словно нежный цветок.

— Не кажется ли тебе, сестричка, что носить такое трико стыдно? — спросила Летти у Розы.

— Это просто позор! — согласилась с ней Роза и, к ужасу Данни, попыталась разорвать руками трико. Но материя оказалась прочной. Тогда Летти взяла один из ножей Айвена и, задумчиво повертев его в руках, заявила:

— А почему бы нам не воспользоваться этой штукой?

Глаза Розы зловеще сверкнули, она кивнула. Острое лезвие ножа легко разделило материю надвое от груди до промежности.

— Осторожней! — вскричала Данни.

— Доверься нам, и скоро ты будешь визжать и стонать от удовольствия! — заверили ее сестрички, присаживаясь на корточки.

Данни мысленно проклинала Айвена. Куда он запропастился? Почему не возвращается? Неужели все это задумано заранее? Нет, не может быть! Зачем это Айвену? Данни хотелось расспросить обо всем сестер, но она не решилась, предпочтя утешиться надеждой, что Айвен

вот-вот вернется. И тогда этим наглым развратницам не поздоровится! Между тем шалуны не теряли времени даром.

Летти аккуратно разрежала трико под лобком и удовлетворенно воскликнула, любясь результатом своих стараний:

— А вот и писька! Какая маленькая!

Данни это взбесило, но воздух, устремившийся в разрез, приятно охлаждал ее горячую и влажную плоть, а сок, стекающий по ногам, подстегивал желание ощутить внутри себя мужское естество Айвена.

— Не кажется ли вам, что все это совсем не так забавно, как кажется? Пошутили — и хватит, — неуверенно пролепетала она, косясь на сестер, предвкушающих продолжение развлечений.

Сидевшие перед ней на корточках Летти и Роза изумленно переглянулись.

— Нет, ты только ее послушай! — возмущилась Роза. — Она думает, что мы шутим!

— Послушай, подруга, — серьезно сказала Летти. — Нам обеим нравятся женщины. Впрочем, и мужчины тоже. Мы любим и тех, и других, и не стыдимся этого. Ясно? — Она рассмеялась. — Уверю тебя, ты не пожалеешь, что мы уделили тебе внимание. Тебя приятно удивит наше искусство. И сейчас мы это докажем.

Данни не могла сопротивляться, к тому же внутренний голос убеждал ее, что разумнее не спорить, а смириться с неизбежным и получить удовольствие.

— Славенькая писька! — повторила Летти, становясь на колени и поглаживая низ живота Данни. — Не правда ли, Роза?

Сестричка подползла к ней поближе и, окинув ее промежность оценивающим взглядом, кивнула.

Данни почувствовала стыд и одновременно любопытство.

Столь откровенное разглядывание ее интимных частей близнецами подействовало на нее странным образом: клитор набух и выглянул из срамных губ.

Роза включила вибратор и прикоснулась им к ее розовому трепещущему бугорочку. Данни охнула и поежилась.

— Тебе приятно? — спросила Роза.

Данни кивнула, охваченная теплой истомой: если бы не ремни, удерживающие ее на шпите, она бы растаяла и просочилась в опилки на арене. Вскоре Роза довела ее до экстаза, ей хотелось побыстрее кончить. Но сколько Данни ни умоляла Розу ей в этом помочь, та твердила:

— Еще рано!

— Верно, зачем спешить? — вторила сестре Летти, хитро улыбаясь. — Нам хочется полюбоваться тобой. Но обещаю, что долгожданный оргазм будет внезапным и потрясающим. Он надолго тебе запомнится. Верно говорю, Роза?

Сестры понимающе переглянулись и похотливо рассмеялись.

Данни закусила нижнюю губу. В горле у нее пересохло, веки потяжелели, взор помутился. Проклятый вибратор доводил ее до умопомрачения, ей казалось, что она вот-вот лопнет от натуги. В ее воспаленном мозгу родилась фантастическая картина: словно бы вся она состоит из одних гениталий. В носу щекотало от специфического запаха полового секрета, в ушах назойливо жужжал неумный вибратор, по ногам растекалось тепло...

Данни впала в бессознательное состояние.

Пока Роза вдохновенно орудовала вибратором, удобно устроившись между ног своей

жертвы, ее сестра Летти встала и начала гладить Данни набухшие груди.

— Красивые! — заметила она. — Настоящее чудо.

— Завидуешь, сестренка? — спросила у нее Роза, подняв голову. — У тебя самой таких нет.

— Вот еще, стану я завидовать! — фыркнула Летти. — Просто мне приятно ласкать эти розовые соски. Взгляни, какие они забавные, как набухают и трепещут.

Она погладила Данни по бедру и, подхватив ее груди снизу обеими руками, сжала соски указательными и большими пальцами, приговаривая при этом:

— Не надо скрывать свою фигуру! Разве можно стесняться собственной красоты?

Данни еще гуще покраснела от вожделения и смущения. Во рту у нее горело, ей трудно было разговаривать, да и не хотелось. Она сочилась желанием испытать оргазм, на теле не осталось ни одного места, до которого не дотронулись бы умелые пальцы близнецов. Но сестрички не унимались.

Летти стала поглаживать Данни груди, плечи и живот. Роза деловито обрабатывала ей промежность, ягодицы и ноги. Ее пальчики безошибочно отыскивали эрогенные зоны, дотрагивались до чувствительных точек то под коленями, то в паху, то возле лодыжек, то между пальцами ног.

Тяжело дыша и постанывая, Данни извивалась и дергалась на ремнях, как девственница, приносимая дикарями в жертву чудовищу. Но ей было это очень приятно. Постепенно Данни охватило ощущение гордости за свою женственность. Она открыла в себе новые достоинства и способности. Ее распятое на щите тело реагировало на каждое прикосновение к нему легким подрагиванием и сокращением мышц. Восхитительное тепло растеклось по всему организму, и ей подумалось, что сестрички извлекают из него, как из музыкального инструмента, волшебную мелодию, наполненную сексуальной гармонией.

Оргазм охватил ее внезапно и властно. Она вскрикнула и затряслась с такой силой, что щит, к которому она была привязана, задрожал.

Летти ахнула от восторга и начала сосать ее грудь. А Роза, запустившая ей во влагалище уже всю руку, подняла голову и заметила:

— Настоящее извержение вулкана! Впрочем, я знала, что она именно так и кончит!

Отдышавшись, Данни вяло улыбнулась и хрипло пробормотала, красная, как морковь:

— Извините, я не собиралась терять сознание. Но, похоже, вам придется уносить меня с манежа на носилках.

Роза расхохоталась и вынула мокрую ладонь из ее лона. Озорно сверкнув глазами, она облизала пальчики, любовно погладила подрагивающие половые губы и сказала:

— Не извиняйся! Тебе ведь понравилось! Верно?

— Да, — призналась Данни.

Ей вдруг стало стыдно за то, что поначалу она боялась и упрячилась, но одновременно и приятно, потому что она открыла для себя новые эротические горизонты.

Летти оставила в покое груди и попку Данни, чмокнула напоследок ее в пупок и села, скрестив по-турецки ноги, рядом с сестрой, сидевшей в такой же нескромной позе.

Данни обсохла, и ей стало чуточку досадно, что развлечение закончилось. Досада, видимо, отобразилась у нее на лице, потому что близнецы захихикали, переглянулись и начали снова теревить ей соски и клитор.

— Чем это вы здесь занимаетесь? — раздался грозный голос вернувшегося наконец Айвена. — Ни на минуту нельзя оставить вас без присмотра, шалуни!

Данни густо покраснела: какой позор!

— Я ничего не могла поделаться! — выпалила она и тотчас же устыдилась своего предательства. Как ни верти, но она получила удовольствие. Хотя все могло обернуться иначе, прояви сестрички грубость. Нанесенная ими душевная травма отбила бы навсегда у нее желание предаваться подобным сексуальным развлечениям. Айвен прервал ее размышления. Иронически ухмыльнувшись, он покачал головой:

— Ах, Данни, Данни! Разве не говорил я тебе, что не нужно стесняться сокровенных желаний. Когда же ты научишься быть честной с самой собой? Ты способна на многое, только пока этого не понимаешь. Ничего, со временем ты наберешься опыта. Не кори себя и не унывай. Лучше радоваться жизни, чем печалиться. Но этой нахальной парочке не следовало пользоваться твоей беспомощностью! Их нужно наказать!

Близнецы виновато заморгали. Данни немедленно встала на их защиту, вновь продемонстрировав тем самым свою непоследовательность.

— Они вовсе не собирались обидеть меня! И если честно, то я... В общем, я... — Она замялась.

— Договаривай! — Айвен насупил брови, но в глазах его плясали смешинки. — Что ты?

— Я осталась всем очень довольна! — выпалила Данни.

Все дружно расхохотались.

— Пора тебя освободить, — сказал Айвен и наклонился, чтобы ослабить ремни на щиколотках Данни. — Или еще рано? — с самым серьезным видом спросил он, покосившись на сестричек.

Данни благоразумно промолчала. Айвен рассмеялся.

— Шутка! Кстати, я собрался сходить на озеро. Не желаете ли составить мне компанию, милые дамы?

Летти и Роза с энтузиазмом поддержали эту идею, Айвен развязал ремни и вопросительно посмотрел на Данни. Она тоже изъявила желание окунуться: что может быть лучше купания в чистой прохладной воде в жаркий летний день?

Окруженное заливными лугами, озерцо весело сверкало на солнце за маленькой рощей из вязов, дубов, платанов и берез. В шелковистой густой траве прыгали кузнечики и гудели шмели, деловито перелетая с цветков клевера на маргаритки. На берегу все дышало свежестью и покоем. Прозрачная вода манила девушек к себе, как бриллиант, сверкающий на фоне мелких изумрудов. Данни сторала от желания поскорее окунуться в прохладную глубину и плыть, пока не иссякнут силы. Она не захватила купальный костюм, но это ее не смущало, поскольку, как она догадывалась, ее спутников такой пустяк совершенно не беспокоил. Вскоре к озеру подошли Рэнди и Гвидо.

— Обожаю купаться нагишом! — воскликнула Летти, стянув с себя майку и джинсы. Как выяснилось, на ней не было трусиков.

Тела сестер-близнецов поражали своей удивительной белизной и множеством веснушек. Данни не могла не отметить, что ее тело, покрытое ровным золотисто-коричневым загаром, гораздо привлекательнее, хотя, разумеется, естественный оливковый цвет кожи Айвена и Гвидо был вне конкуренции. Данни скинула желтое ситцевое платье, в которое переделалась по пути, и побежала к озеру.

Теплые солнечные лучи ласкали ей спину. Она смело ступила в воду и почувствовала, что ноги увязают в илистом дне. Это ее не остановило, и Данни сделала еще несколько шагов, пока не погрузилась по пояс. Тогда она глубоко вдохнула и присела, давая телу

привыкнуть к резкой смене температуры.

Поборов желание выбраться на берег, Данни поплыла к противоположной стороне озера. Оказалось, что оно не такое уж и маленькое, так что Данни утомилась и запыхалась к тому времени, когда ее ноги коснулись дна.

— Ты похожа на прекрасную русалку, — сказал Айвен, беззаботно болтая ногами: он добрался до берега раньше, чем она, и теперь улыбался, наслаждаясь природой.

— Вылезай! — Он протянул ей руку.

Ступни Данни скользили по тине, это непривычное ощущение навело ее на озорную мысль. Она резко дернула руку Айвена на себя, и он бултыхнулся в озеро, не устояв на скользкой траве.

Вынырнув, Айвен тряхнул, как испуганный пес, мокрыми волосами и сделал судорожный вдох. Данни рассыпчато расхохоталась.

— Коварная обманщица! — зарычал Айвен. — Ты будешь сурово наказана! — С этими словами он обхватил ее за талию и потянул на глубину.

Смеясь и фыркая, они долго плескались в воде и катались по мелководью, постепенно покрываясь слоем грязи.

Данни с наслаждением растерла мокрую глину по груди и зажмурилась. Но почувствовав на себе пристальный взгляд Айвена, она вздрогнула и, открыв глаза, спросила:

— В чем дело?

Айвен продолжал молча смотреть на нее, хищно оскалив зубы. Обычно такое выражение его лицо обретало перед совокуплением.

— Неужели ты подумал о том же, о чем и я? — спросила Данни.

Айвен сделал вид, что смущен, и пожал плечами:

— Как я могу прочитать твои мысли? Работа твоего мозга остается для меня тайной.

— А мое тело ни о чем тебе не говорит?

Она выразительно покосилась на свои разбухшие соски, четко обозначившиеся под слоем глины.

— Кажется, я начинаю кое о чем догадываться, — промурлыкал Айвен, дотрагиваясь до ее тела.

Данни взвизгнула от приятного ощущения и поняла, что уже не на шутку возбуждена. Раздвинув ноги пошире, она погладила Айвена по плечам. Он просунул пальцы во влагалище, и она ахнула и закинула голову, подаваясь торсом вперед.

Айвен начал быстро двигать пальцами вперед и назад, приговаривая:

— Не страшно, если кто-то застанет нас за этим занятием. Пусть завидуют!

Стенки ее влагалища сжали ему пальцы. Данни уперлась руками в дно и заработала бедрами, позабыв всякий стыд. Но этого ей показалось мало, она схватила его напрягшийся член и сжала головку. Айвен вскочил и, упав на нее, яростно овладел ею, моментально доведя до умопомрачения. Потом они долго играли в воде, словно расшалившиеся дети, пока, обессиленные, грязные, но довольные, не утомонились и не рассмеялись.

— Ну и видок, однако, у нас с тобой! — воскликнула Данни, убирая прядь волос с лица.

— Ты смотришься великолепно! — заверил ее Айвен.

Подперев голову рукой, согнутой в локте, она провела пальцем по его члену.

— И ты тоже!

Закатное солнце, присевшее передохнуть на берегу, еще не утратило силу и быстро превратило мокрую глину на их телах в твердую корочку. Блаженствуя под его лучами,

Айвен и Данни непринужденно болтали о своем прошлом и настоящем и о влиянии «Эротического цирка» на их мироощущение.

— Здесь я почувствовала себя свободной от множества прежних комплексов, — призналась Данни. — У меня словно бы пелена упала с глаз!

Айвен погладил ее груди и понимающе улыбнулся.

— Люди не знают до конца всех возможностей своего тела, а ведь его можно сравнить с сокровищницей эротизма, запертой на замок изнутри! Все, что им нужно, — это подобрать к нему ключик и открыть. — Он запечатлел на губах Данни страстный поцелуй. — Только прежде требуется найти этот ключ!

— Я думаю, что ключик от моей сокровищницы хранился у тебя, — прошептала Данни, переводя дух. Она ласково посмотрела на Айвена и поняла, что ее снова охватило вожделение.

Привстав, она обняла его за плечи и грациозно опустилась на возбужденный пенис. Он заполнил томительную пустоту ее влагалища на удивление легко, внутренние соки Данни обильно оросили его и теперь стекали по мошонке. Выражение лица Айвена не оставляло сомнений, что он в восторге от всего происходящего и готов на любые эротические развлечения. Это еще больше возбуждало Данни и прищоривало ее сексуальное воображение.

Айвен блаженно улыбался, зажмурившись от удовольствия, и все глубже и сильнее вонзал в нее фаллос, щекоча мошонкой и лобными волосками преддверие влагалища. Данни стиснула коленями его торс и понеслась, словно амазонка на кентавре, во весь опор, массируя одной рукой клитор. Сок лился из нее ручьями, влагалище стало нежным и сочным, словно созревший плод, и, чувствуя его свод головкой члена, Айвен испытал божественное наслаждение. Запах ила и свежей воды, ласковые солнечные лучи и стрекот кузнечиков усиливали эти приятные ощущения и будоражили чувства.

Айвен сжал груди Данни, и она, в свою очередь, сжала в кулаке его мошонку. Он улыбнулся: пусть позабавится! Чуть приоткрыв глаза, он убедился, что Данни светится от возбуждения. Щеки ее покраснелись, помутившийся взгляд и потяжелевшие веки говорили, что она в экстазе. Тело ее задрожало, стенки влагалища сжали пенис. Айвен понял, что она на грани исступления, и, повинувшись инстинкту, изо всех сил ударил ее снизу вверх фаллосом. Схватив ее за плечи, он стал ритмично работать торсом, пока она не издала сладострастный стон и не повисла на нем, содрогнувшись всем корпусом и тяжело дыша.

Стенки влагалища сократились, Айвен не выдержал и тоже кончил. Но Данни отпустила его пенис, лишь выдавив из него всю сперму до последней капли. Сжав друг друга в объятиях, любовники предались сладостной неге, прислушиваясь к стуку своих сердец. Тишину озера нарушали только крики чаек, парящих в небе, да их собственное дыхание.

Этот чудный теплый вечер прочно врезался им в память, чтобы когда-нибудь воскреснуть в виде приятных воспоминаний.

Глава девятая

К полудню субботы Данни уже бесстрашно раскачивалась на трапеции и научилась жонглировать. Она гордилась обоими достижениями, но считала подлинным триумфом умение работать с тремя предметами. Оно пришло к ней не сразу, а после долгих упорных тренировок под наставничеством Алдоуса. Он оказался не только искусным жонглером, но и терпеливым учителем. Всякий раз, когда у Данни опускались от неудач руки, он говорил:

— Не надо отчаиваться, крошка! Ты не безнадежна, поработай еще — и у тебя все получится. Этот номер требует постоянных тренировок. А ты хочешь добиться блестящих результатов за несколько часов. Так не бывает!

— Нет, бывает! — горячилась Данни. — Я хочу быть лучшей и добьюсь своего.

Алдоус хохотал, и эхо разносило его издевательский смех по всему шатру. Данни обиженно надувала губки.

— В этом я не сомневаюсь, крошка! — Обняв Данни за талию, он щипал ее за ягодицу. — Для этого у тебя есть все данные. Так что дерзай!

После такой похвалы Данни веселела и делала успехи.

Незадолго до перерыва на обед Алдоус попросил ее посидеть на ограждении манежа, чтобы он смог показать ей, как обращаться с обручами.

— Между прочим, у Гвидо это неплохо получается, — сказал он, легко управляясь с шестью разноцветными обручами. Пожонглировав ими несколько минут, Алдоус добавил: — Я бы сказал, что этот парень — ценная находка для нашего цирка. У него большое будущее!

— В самом деле? И какими же он обладает особыми талантами? — спросила Данни.

— Потерпи до вечера — узнаешь! Я слышал, что Фов и Гвидо готовят нам сюрприз. Но это пока только между нами!

Данни понимающе кивнула и решила ни о чем его больше не расспрашивать. После памятного ей сюрприза Миа она поняла, что для избранных, приглашенных на ужин в тесном кругу, всегда готовят оригинальную развлекательную программу.

После занятий с Алдоусом Данни пошла в свою комнату, приняла душ и, надев шорты и тенниску, вышла в сад подышать свежим воздухом и погреться на солнышке. Присев в удобный шезлонг, покрытый бело-голубым пледом, она задремала.

Проснувшись, Данни увидела прогуливающих по дорожке Айвена и Фов. Они о чем-то негромко беседовали. Дойдя до скамейки под развесистым деревом, преподаватель и администратор циркового училища сели и продолжили разговор.

Скользнув рассеянным взглядом по цветочной клумбе у их ног, Данни стала внимательно разглядывать француженку, которую не видела вот уже несколько дней. Айвен говорил, что она занята решением каких-то важных и срочных проблем.

— Фов изумительная женщина! — добавил он. — Красавица, умница! А какая у нее деловая хватка! Такое сочетание встречается у женщин очень редко.

Данни не могла с этим не согласиться: если бы не Фов, она бы не познакомилась с Айвеном.

Сегодня француженка была в желтом плиссированном платье по колено, которое очень шло к ее загорелому лицу и гладко зачесанным назад волосам. Вид у Фов был, как всегда,

бодрый и свежий.

Айвен то и дело дотрагивался до ее блестящих от бальзама волос или проводил пальцем по высоким скулам. Этот жест был настолько хорошо знаком Данни, что от ревности она зажмурилась, хотя и понимала, что не имеет права ревновать своего любовника к его старой приятельнице. Она снова повторяла себе, что он относится к Фов исключительно как к сестре. Но проку от этого самоуспокоения было мало: Данни знала, что непременно рассердится на Айвена, если он снова начнет петь француженке дифирамбы.

Внезапно ее осенило: она отчетливо поняла, что прежде всего ей нужно самой стать интересной личностью, чтобы претендовать на уважение и похвалу Айвена. Фов обладала огромным опытом в бизнесе, была прекрасной хозяйкой и отличной артисткой. А что собой представляет она, Данни? Пока ничего особенного.

Даже в сексе она не была искусна и многоопытна. Айвену нравились партнерши, обладающие богатым сексуальным воображением, а не ленивые и примитивные плебейки. Как загорелись у него глаза, когда она поведала ему о том, что с ней выделявали Летти и Роза! А совокупление на мелководье в озере? Оно ведь привело его в дикий восторг! Как его возбудило ее измазанное тinou и глиной тело! А соитие в скользком иле стало для него подлинным эротическим открытием! Он даже сказал, что признателен Данни за этот сексуальный урок! Это так обрадовало ее, что она просияла и даже не обиделась, когда он не пошел к ней в спальню, сославшись на то, что ему нужно еще сделать несколько важных телефонных звонков.

— Ничего не поделаешь! — развел он руками. — Дело превыше всего!

Данни не пыталась его переубедить. Однако ночью ей плохо спалось, а наутро ее охватила ужасная похоть. Вот и теперь, млея в шезлонге под лучами угасающего солнца, Данни отметила, что на душе у нее беспокойно. Впрочем, в последнее время она постоянно чувствовала потребность разобраться в своих непривычных ощущениях.

Раньше такие мысли никогда не приходили ей в голову. Но теперь она вновь и вновь начинала копаться в себе. Соглашаясь с тем, что ей пока не хватает сексуального опыта, Данни не могла не отметить, что за последние дни лучше узнала потребности своего тела и, в определенном смысле, преуспела в технике соития.

Секс всегда доставлял ей удовольствие, не брезговала она и мастурбацией. Но, поступив в цирковое училище, Данни очутилась в другом измерении. Чувственность ее обострилась и стала очевидной. Она превращалась в рабыню своих низменных устремлений, шла на поводу у похоти гораздо чаще, чем раньше. Мало того, у нее пробудился живой интерес к необычным способам получения сексуального удовлетворения. Теперь она стала вникать в подробности техники совокупления, расширять свои познания в позах, экспериментировать с женщинами.

Еще недавно ей и в голову не приходило попытаться получить удовлетворение с человеком одного с ней пола. Не говоря уже о том, чтобы принять участие в оргии. Летти и Роза ее многому научили, но она все еще сомневалась, что ей понравится прикасаться к женскому телу. А выяснять это ей пока не хотелось.

Стоило Данни так подумать, как перед глазами у нее всплыли шоколадные соски Миа, и она облизнула пересохшие губы. Усевшись в шезлонге поудобнее, она с ужасом поняла, что возбудилась: трусики промокли, а в клиторе возникла пульсация.

Она приказала себе выбросить глупые мысли из головы. В конце концов, она не лесбиянка! И не бисексуалка, как развратные сестры-близнецы. Но все же где-то в глубине

души она усомнилась в определенности своей сексуальной ориентации. И ей вдруг стало жарко.

К ужину Данни вышла в белом платье. Хорошо выстиранное и отглаженное, оно прекрасно гармонировало с ее золотистым загаром. Данни всегда казалось, что в этом платье она выглядит более стройной и грациозной.

Прихорашиваясь перед зеркалом, Данни отметила, что бедра почти не выпирают, а живот кажется плоским. Для пущей уверенности она сняла белье, что привело ее в тихий восторг. Она ведь могла и не говорить Айвену о своем маленьком женском секрете! А просто сидеть с невозмутимым видом рядом с ним за столом, ужинать, поддерживать светскую беседу и втайне наслаждаться тем, что у нее ничего нет под платьем.

Когда Данни появилась в гостиной, все, кроме Гвидо, уже сидели за столом. Миа, одетая в переливающееся изумрудно-зеленое платье и босоножки на высоких шпильках, выглядела очаровательно. Особенно привлекательными были ее стройные ножки. В этом наряде она походила на драгоценный камень. Данни ощутила острую зависть: зачем так ярко одеваться, подумала она, если ты родилась красавицей? Тем более на ужин с друзьями.

— А почему я не вижу Гвидо? — спросила она у Фов, заняв единственный свободный стул между ней и Алдоусом.

Черные, словно мрамор, глаза француженки загадочно сверкнули. Она мягко улыбнулась.

— Он придет немного позже, милочка! Сегодня ему отведена роль официанта.

Так вот почему потушили верхний свет и зажгли три свечи в подсвечнике из дымчатого стекла! Интимный полумрак намекал на приятный сюрприз, ожидающий гостей в конце вечера. По спине Данни побежали мурашки.

— Ты выглядишь очень соблазнительно, крошка! — заметил вкрадчивым голосом Алдоус, окидывая ее масляным взглядом.

Его улыбка и неприкрытый интерес, светящийся в лучистых глазах, подействовали на Данни возбуждающе. Соски ее набухли, а в промежности ощущалось томление. Сдвинув плотнее колени, она ответила, едва дыша:

— Ты тоже сегодня очень хорош собой.

Говоря так, Данни не кривила душой. Всегда симпатичный, Алдоус смотрелся особенно привлекательно в белых джинсах, облегающих его ягодицы. Бледно-зеленая стеганая рубаша выгодно подчеркивала его бронзовый загар, обтягивая мускулистое тело словно кожа.

Лишь теперь, взглянув на Алдоуса и Миа, Данни сообразила, что зеленый цвет доминирует в одежде почти всех собравшихся. На Айвене были надеты мешковатые хлопчатые штаны в зеленую и белую полоску, а также сорочка оливкового цвета. Роза щеголяла в брючках огуречного оттенка в белую полоску. Фов осталась верна себе: как и всегда, она была в черном шелковом платье чуть выше колен. Рэнди явился, как обычно, в синих джинсах. А Летти облачилась в сверкающую серебристую блузу и черную замшевую юбку, вызываясь короткую, чтобы лишний раз продемонстрировать свои стройные ножки.

— Ну, как успехи в жонглировании, малышка? — поинтересовался Айвен у Данни, слегка наклонившись над столом.

Она покосилась на Алдоуса и широко улыбнулась.

— Нормально! Поначалу, правда, у меня все валилось из рук, но Алдоус не дал мне расслабиться. Всеми своими успехами я обязана исключительно ему. Он очень строгий

наставник.

— С вами иначе нельзя! — сказал Айвен. — Держи эту дамочку в строгости! Не позволяй ей зазнаваться! — Он многозначительно подмигнул Алдоусу и улыбнулся.

Алдоус расхохотался.

— Поверь мне, Айвен, эта маленькая проказница будет выкладываться у меня по полной программе. Я не дам ей поблажки, даже если она начнет строить мне глазки или вымаливать пощады. Знаю я эти женские штучки! Но пока она держится молодцом.

— Да, верить симпатичным женщинам опасно, особенно зеленоглазым, — добавил Айвен и рассмеялся.

Они обменивались шутками, как теннисисты мячом на корте: быстро и ловко. И при этом словно не замечали присутствия Данни, которую обсуждали. Это было для нее внове, но она не обижалась. Оба они были ей симпатичны, а их шутки — беззлобны. К тому же они иногда делали ей комплименты. Незаметно Данни погрузилась в размышления.

Поскольку у Алдоуса не предвиделось выступлений перед зрителями, было решено, что он возьмет на себя часть обязанностей Айвена. Данни восприняла это известие спокойно. Грубоватый американец ей все больше нравился. Полная противоположность Айвену, он нашел к Данни свой особый подход.

Из размышлений ее вывело появление Гвидо. Он был одет в строгий вечерний костюм — черные брюки и белый смокинг с галстуком-бабочкой — и напоминал своим сосредоточенным видом то ли старшего официанта, то ли гангстера. Данни окинула его взглядом еще раз, надеясь угадать под смокингом контуры револьверной кобуры.

Гвидо подошел к ней с подносом, чтобы положить ей на тарелку картофеля, жаренного с луком и специями, и чуткие ноздри Данни уловили аромат мужского одеколona от Армани. Его не заглушил даже дразнящий запах тушеной с приправами говядины. Когда парень отошел к Фов, Данни обернулась к Алдоусу и выразительно помахала перед носом ладонью.

Алдоус расхохотался и, обняв ее за плечи, прошептал ей на ухо:

— Не расстраивай беднягу, он и так взвинчен.

Высвободившись из объятий наставника, Данни обернулась и посмотрела на молодого итальянца. Ей стало его жаль: почему он нервничает? Неужели одно то, что он мужчина, не делает его уверенным в своих сексуальных возможностях? Внезапное сострадание к представителю другого пола стало для нее открытием. Раньше она смотрела на мужчин как на инопланетян. Теперь же и они стали для нее нормальными людьми, такими же ранимыми и неуверенными в себе, как и большинство женщин.

— Спасибо, Гвидо, — тихо сказала она, когда он подошел к ней спустя несколько минут, чтобы наполнить вином бокал. — Сегодня ты неотразим!

Он покраснел, глаза его засверкали.

— В самом деле? А мне казалось, что в этом наряде я похож на пингвина! Это Фов настояла, чтобы я так вырядился.

Данни прыснула со смеху:

— Ты, наверное, шутишь!

— Нет, я говорю вполне серьезно! — сверкнув жемчужно-белыми зубами, сказал итальянец. — Фов назвала меня глупым мальчишкой и приказала не спорить с ней.

Данни усмехнулась, представив, как Фов подкрепила свой выговор звонким шлепком по круглой заднице итальянца, но вполне серьезно произнесла:

— С ней не стоит вступать в пререкания! Она этого не переносит, как и любая светская дама.

Ей вспомнилось, как француженка подбрила ей волосы на лобке, и она густо покраснела. Властный облик опытной француженки вызывал у Данни смутное волнение. Хрупкая и маленькая, эта женщина тем не менее держалась с уверенностью амазонки. Несомненно, своим успехом «Эротический цирк» был во многом обязан именно ей. Только неординарному человеку могла прийти в голову идея такого представления, а для воплощения этой идеи в жизнь требовались недюжинные способности и подлинное вдохновение. Но Фов, с ее неукротимой энергией, хватало и того, и другого.

Данни обернулась к француженке и обаятельно улыбнулась:

— Я так признательна вам за то, что вы принимаете меня здесь!

Фов была явно польщена.

— Благодарю, милочка! Мне приятно слышать похвалу своим скромным усилиям. Если тебе у нас понравилось, значит, я все делаю правильно. Не так ли, дорогая?

Данни коснулась ладонью ее руки.

— Вы гениальны!

Француженка рассмеялась и от восторга захлопала в ладоши. К немалому смущению Данни, она немедленно повторила ее слова для всех присутствующих. Разумеется, все дружно ответили, что она действительно гениальна, после чего за столом воцарилось молчание, нарушаемое лишь звоном и стуком посуды и приборов.

После ужина все перешли в просторную белую гостиную пить кофе и кальвадос. Данни долго настороженно принюхивалась к незнакомому напитку, но все же отважилась сделать пару глотков. Густая янтарная жидкость оказалась крепкой, как коньяк, и ударила в голову, несмотря на то что Данни плотно поела.

Слегка опьянев и чувствуя приятную тяжесть в желудке, она удобно устроилась на диванчике и задремала. Заметив, что она клюет носом, Айвен подсел к ней и стал поглаживать ее обнаженное бедро. Данни встрепенулась, ощутив сексуальное желание, и Айвен начал рассказывать ей о предстоящем грандиозном представлении, на которое съедутся важные персоны из деловых и правительственных кругов.

— Это какие-то извращенцы? — прямодушно спросила у него Данни — ей давно хотелось задать этот вопрос. К ее радости, Айвен не рассердился, а рассмеялся.

— Нет, глупышка! Они не извращенцы, а люди с утонченным вкусом, эстеты! — Он взглянул ей в глаза и сжал руку. — По-моему, ты так до сих пор и не поняла, что собой представляет наш «Эротический цирк». Это зрелище, основанное на уникальной концепции, полное артистизма и эротики. Вспомни, каких сильных и красивых артистов ты здесь видела! Но есть и другие исполнители, тоже мастера своего дела.

— И мне придется со всеми ими заняться сексом? — совершенно обнаглев, спросила Данни. Этот вопрос тоже не давал ей покоя в последние дни.

И снова Айвен покачал головой и улыбнулся ее наивности.

— Ведь я же говорил, Данни, что костяк представления состоит из акробатических номеров и хореографии. У нас цирк, не забывай об этом! А ты вбила себе в голову, что здесь устраиваются безобразные оргии. Это не так, хотя... — Он умолк, многозначительно вскинув брови.

— Ну же, договаривай! — потребовала Данни.

Сердце ее бешено застучало, охваченное странным предчувствием, кровь быстрее

побежала по жилам, к горлу подкатил ком, а промежность увлажнилась.

Айвен ласково погладил ее по руке.

— Видишь ли, Данни, случается, что после представления зрители испытывают потребность дать выход своим эмоциям, и...

— И что же? Каким образом они получают удовлетворение?

Айвен молчал, гипнотизируя ее взглядом и нежно поглаживая по ладони. С каждым мгновением Данни возбуждалась все сильнее. И когда пожар вождения вот-вот должен был охватить ее с головы до ног, на свободное место рядом с Айвеном бесцеремонно плюхнулась рыжеголовая Летти.

В этот момент она чем-то напоминала рыжего сеттера, по-хозяйски прыгающего в самое неподходящее время на свое излюбленное место и привлекающего все внимание к себе. Айвен повернулся к ней и сказал:

— Данни интересуется, что происходит после окончания наших специальных представлений.

Летти расхохоталась и, тряхнув головой, рассыпала золотистые волосы по плечам.

— Начинается свободная любовь! — игриво воскликнула она. — Но никто к ней не принуждает, участвуют исключительно желающие, — добавила Летти, угадав по вытянувшемуся лицу Данни, что у нее на уме. — Только обычно желают поучаствовать все без исключения.

Она вскочила и куда-то умчалась. Потом Айвена вызвали к телефону в кабинет Фов. Оставшись одна, Данни стала разглядывать остальных приглашенных на ужин.

По правую руку от нее на диване сидели Гвидо, Фов, Роза и Рэнди. Женщины о чем-то разговаривали с итальянцем, массируя ему бедра. Рэнди внимательно наблюдал за сменой выражения лица юноши — он явно был к нему неравнодушен. Какая, однако, странная подобралась компания!

Новое открытие повергло Данни в состояние, близкое к шоку. Раньше она не задумывалась о гомосексуальных отношениях между мужчинами, и теперь, став свидетельницей подготовки к необычному групповому совокуплению, пришла в жуткое волнение. Во-первых, она поняла, что не только на женщин обращают внимание мужчины. А во-вторых, перестав ощущать себя центром притяжения плотоядных взглядов мужчин, Данни отчетливо осознала, что не одна она испытывает потребность разобраться в своих сексуальных желаниях.

Вернувшись из кабинета, Айвен скользнул насмешливым взглядом по ее растерянному лицу и присел рядом с ней.

— Словно агнец, уготованный на заклание, — негромко пробормотала Данни, продолжая смотреть на четверку, сидящую справа от нее.

Айвен не выдержал и, гортанно рассмеявшись, хлопнул ее по бедру.

— Лицемерка!

Он сжал ее ягодицу и удовлетворенно добавил:

— А сама приходишь на званый ужин без трусов! Что это сегодня с вами, юная леди?

Данни грациозно обернулась и, густо покраснев, ответила:

— Просто мне хотелось узнать, как скоро ты это заметишь.

К полуночи в просторной гостиной произошли существенные перемены. Пропитанная эротизмом атмосфера накалилась до предела. Данни охватило тревожное предчувствие. Но

длилось оно недолго: Айвен, вдохновленный своим открытием, начал столь усердно разогреть ее своими ласками, что доведенная до экстаза Данни покорно отдалась ему у всех на глазах.

Потом к ним тихонько подошла Летти и вежливо поинтересовалась, нельзя ли ей к ним присоединиться. Не долго думая Данни ответила утвердительно. Она в этот момент лежала на спине, расставив согнутые в коленях ноги, и Айвен, задрав ей подол, трудился над ней, стоя на коленях и слегка посапывая.

Действовал он, как всегда, неторопливо и со знанием дела: просунув два пальца во влагалище, он большим пальцем тер ей клитор. Вторую руку он подложил ей под ягодицы и слегка их поглаживал.

Данни предполагала, что Летти начнет ласкать ее груди, и выгнулась дугой, предлагая ей не медлить. Однако, к ее огорчению, рыжая бестия предпочла растянуть молнию на штанах Айвена и извлечь из них огромный, подрагивающий от напряжения пенис. Крепко сжав его руками, она принялась яростно работать ими, то и дело облизывая пухлые губы.

И вновь Данни сделала для себя очередное открытие: оказывается, ее возбуждал вид фаллоса, сжатого женскими руками. Видимо, для разнообразия Летти разжала кулак и, просунув руку Айвену в ширинку, зажала в кулаке его яички. Это привело Данни в неистовство.

Между тем на другом диване Фов и Роза довели до экстаза Гвидо. Рэнди достал член и онанировал с чрезвычайно сосредоточенным видом. Каково же было изумление Данни, когда он подставил пенис к раскрытому рту Гвидо, и тот, полюбовавшись им, обхватил толстую лиловую головку члена губами и начал жадно ее сосать.

Данни задрожала от возбуждения. Сдерживаться у нее больше не было сил, и она закричала и задержалась в оргазме. Рука Летти заработала еще быстрее, и горячая струя спермы выплеснулась Данни на живот. Она выгнулась дугой и застонала.

В этот момент Алдоус, молча наблюдавший за происходящим, быстро подошел к ним и, сделав Айвену знак отойти, обнял Данни за талию и усадил ее на край софы. Летти услужливо растянула молнию на его джинсах, и они соскользнули на пол. Оказалось, что под ними Алдоус абсолютно голый, а его член в полной боевой готовности.

Толстый, коричневый и чрезвычайно аппетитный, он походил на батон салями. Данни почувствовала, что у нее потекли слюнки, и непроизвольно сжала головку члена в кулаке. Она оказалась твердой и подрагивала. Попросив взглядом Алдоуса встать напротив нее, Данни широко раскрыла рот и стала медленно и с наслаждением вводить в него пенис.

Летти разделась и, усевшись у Данни за спиной, обхватила ногами ее бедра и стала тереться лобком о ее круглые ягодицы. Курчавые волосы приятно щекотали Данни кожу. Повизгивая от удовольствия, но не вынимая салями Алдоуса изо рта, Данни чувствовала, как Летти поглаживает ей бока и сжимает груди. Данни впиалась ногтями в мускулистый зад Алдоуса и стала покусывать его колбасу с удвоенным аппетитом.

— Умница, — похвалил ее Айвен, наклоняясь и поглаживая ее по голове. — Я так горд тобой, так доволен, что даже не могу выразить это словами.

Он провел членом, все еще напряженным, по ее щеке, и капля семени потекла по ее подбородку. Она отпустила ягодицу Алдоуса и принялась мастурбировать Айвена. Впервые в жизни у нее в руках оказалось одновременно два пениса. Это ощущение так потрясло ее, что она окончательно потеряла голову.

Алдоус не стал кончать ей в рот. Вместо этого он велел Данни и Летти ласкать друг

другу груди и изверг сперму, горячую и густую, им обеим на соски. Вне себя от сексуального неистовства, Данни сжала маленькие груди Летти и принялась их облизывать. Это доставило ей неопишное удовольствие. Отбросив всякий стыд, она пошла дальше: вскочила и, обняв Летти, поцеловала в губы.

Они оказались настолько нежными и податливыми, что у Данни перехватило дыхание. Их голые тела прилипли одно к другому, золотисто-коричневое от загара и белое, как слонобая кость, а язычки — розовые и верткие — принялись изучать ротовые полости. Подобного райского наслаждения Данни еще не испытывала.

— Разреши мне тебя полизать, — попросила Летти, едва они разжали объятия. — Я в восторге от твоей чудесной письки.

От этих слов у Данни в промежности вспыхнуло белое пламя. Не медля ни секунды, она кивнула в знак согласия. Летти легла на диван, а Данни встала на колени так, что влажный чувственный рот юной проказницы оказался прямо под ее клитором.

— Почему бы тебе не доставить ей удовольствие? — сжав руками груди Данни, спросил Айвен и, обдавая горячим дыханием шею, стал поглаживать желобок между ягодицами и обводить пальцем анус.

— Я не смогу, — покачала она головой, однако покосилась на рыжие волосики на лобке Летти. Они выглядели очень привлекательно на фоне белой кожи и розоватого вздрагивающего бугорочка. Наружные половые губы слегка приоткрылись, и Летти, перехватив жадный взгляд Данни, развратно расставила колени еще шире. Данни увидела, что вход во влагалище густо покрыт секретом.

— Лизни ее, — твердил Айвен ей на ушко. — Тебе понравится!

Данни наклонилась и, упершись ладонями в диван, стала рассматривать половые органы Летти, влажные и сочные, как спелый плод. Ей захотелось дотронуться до них, и она провела пальцами по клитору. Волоски срамных губ оказались мягкими и упругими, а трепещущая розовая плоть очень горячей. Совершенно непроизвольно Данни погрузила во влагалище Летти средний палец.

Бедра Летти приподнялись, она застонала, умоляя Данни продолжать, и стала облизывать и сосать ее клитор. Данни учащенно задышала, нижняя половина ее тела начала таять, клитор стал ритмично пульсировать и распухать, а соски встали торчком.

Кто-то теребил пальцами ее половые губы. Скорее всего это был коварный Айвен. Словно сквозь вату, Данни слышала, как он говорит Алдоусу, что она буквально истекает соком. Окончательно утратив способность отдавать себе отчет в своих действиях, она просунула во влагалище Летти еще один палец.

Кто-то раздвинул ее половые губы, чей-то язычок проскользнул во влагалище. Данни завизжала и замотала головой, приходя в неистовство, но все же отметила, что Фов встала на колени рядом с диваном. Француженка протянула руки к грудям Данни и нежно, но решительно сжала их, приговаривая:

— Славная девочка! Ты ведь хочешь, чтобы Фов немного поиграла с тобой, верно?

Данни было не до баловства, ей хотелось побыстрее получить удовлетворение. Вместо ответа она издала сладострастный стон и почувствовала, как из нее вытекла новая порция густого ароматного сока.

— Великолепно! — воскликнул Алдоус. — На вкус — чистый мед.

Лишь теперь до Данни дошло, что это он просунул язык ей в лоно.

— Трахни ее! — бесцеремонно приказала ему Фов. — Трахни от всей души!

По телу Данни пробежала сладостная дрожь. В ожидании твердого пениса в своем влагалище она нагло завиляла бедрами.

— Замри и не дергайся! — промычала Летти.

Позабыв, что она лежит у нее между ног, Данни чуть было не расхохоталась. Но в этот момент у нее перехватило дух: Алдоус всадил в нее свой фаллос. Упершись руками и головой в матрац, она поневоле прикоснулась губами к срамным губам Летти и не долго думая начала их облизывать.

Сок Летти был действительно сладким как мед, только чуть солоноватым и с привкусом мускуса. Запах у него был не такой, как запах секрета половых желез самой Данни, но не отталкивающий. Быстро войдя во вкус, она стала активнее лизать промежность, глубже зарываясь в нее лицом.

Тем временем пенис Алдоуса плавно и размеренно двигался в ее лоне. Данни приноровилась к его ритму и стала тоже работать торсом. Одновременно она прикусила основание клитора Летти и подразнила его головку языком. Летти завизжала от удовольствия и задержалась.

— Великолепно, милочка! Восхитительно! — раздалась похвала Фов. Хрипловатый грудной голос француженки так подействовал на рассудок Данни, что все помутилось у нее перед глазами и дальнейшее казалось волшебным сном.

Фов и Айвен, который принялся щекотать клитор Данни вместо отключившейся Летти, поменялись местами на диване. Айвен медленно поглаживал Данни спину и ласкал груди, сжимая пальцами соски. Фов слегка царапала ногтями ее лобок, покрытый светлыми и влажными курчавыми волосиками, и массировала клитор — дрожащий, разбухший и мокрый. При этом она что-то щебетала по-французски.

Данни пронзительно вскрикнула и кончила.

Стенки ее влагалища крепко сжали член Алдоуса, выдаивая из него сперму, и в следующий миг горячая густая жидкость смешалась с ее соками. Следом за Алдоусом вновь кончила, громко ахнув, Летти. При этом она изогнулась и прижалась низом живота ко рту Данни. Ее ягодицы непроизвольно сжались, клитор пронзило током, и вторая волна оргазма пробежала по всему телу.

Обессилев, Данни начала проваливаться в забытие. Но ее память успела зафиксировать светящееся чистым блаженством лицо Гвидо в тот момент, когда мрачный Рэнди «въехал» в него сзади.

Данни закрыла глаза.

Глава десятая

Оранжевые и красные драконьи языки вспыхивали вокруг шишкообразной головки железного факела, отражаясь багряными сполохами на белых парусиновых стенках шатра.

— Осторожнее, Айвен! — Данни с опаской покосилась на раскаленную железяку в его руках, которой он легкомысленно помахивал. — Так мы спалим цирк накануне важного представления! Ведь тебе этого не хотелось бы, я надеюсь?

Айвен ослепительно улыбнулся.

— Не паникуй, малышка! Все будет о'кей! Я не новичок в цирке. Кстати, ты разве не видела, как жонглирует этими штуковинами Алдоус?

— Так ведь ему можно, он настоящий герой, супермен из американских комиксов! — с улыбкой парировала Данни.

До специального шоу оставалось совсем немного времени.

Данни нервничала и, чтобы хоть как-то унять волнение, решила заняться чем-то необычным, например, пожиранием огня. И в этот чудесный, ясный и солнечный день она попросила наставника преподать ей первый урок. Теперь она уже поняла, что погорячилась.

Раскаленный металлический прут, которым помахивал Айвен, напоминал гигантскую спичку. Его шишкообразная головка вспыхнула от легкого прикосновения пламени и ярко запылала. Айвен невозмутимо объяснил Данни, как вводить ее в рот.

— Слушай меня внимательно, малышка! Главное в этом трюке — дыхание!

Он взял ее за руку и прижал ладонь к своей груди.

— Так тебе легче будет понять! Показываю!

Айвен задрал голову и раскрыл рот. Данни зажмурилась: ей было страшно смотреть, как он подносит горящий факел ко рту. Держа его за рукоять, Айвен стал опускать головку все ниже и ниже, затем резко выдохнул — и пламя погасло. Он вынул факел изо рта, улыбнулся и воскликнул:

— Видишь, как просто! Теперь попробуй сделать это сама.

Данни не торопилась, в нерешительности уставившись на ненавистный металлический стержень.

— Не мог бы ты объяснить мне все еще раз? — наконец промямлила она, переминаясь с ноги на ногу.

Айвен тяжело вздохнул, покачал головой, повторил свои бесхитростные наставления и спросил:

— Теперь поняла?

Данни покачала головой. Если она что-то и усвоила, так только одно: в лучшем случае номер с огнем закончится для нее тяжелым ожогом рта, от которого на всю жизнь останутся рубцы.

Но Айвен был упрям. Он стал втолковывать ей, что в этом трюке главное — овладеть приемами слюноотделения и дыхания. Положив ладонь на грудь ученицы, он попросил ее глубоко вдохнуть и резко выдохнуть. Хитрая Данни захихикала и кокетливо завертелась, намекая на то, что она возбуждается. Но Айвен не проглотил этот крючок.

— Всему свое время, малышка! — с улыбкой сказал он. — В данный момент нам нужно работать. Так что сосредоточься!

— Я постараюсь, — сказала Данни.

Вскоре ей показалось, что она уже научилась технике дыхания и смачивания полости рта и губ слюной. Казалось бы, любой может сделать глубокий вдох, задержать в легких воздух и в нужный момент резко выдохнуть.

Она взяла у наставника прут. От волнения у нее дрожали пальцы. Айвен поджег головку, факел вспыхнул, и от ужаса у Данни расширились зрачки. Хорошо еще, что она последовала совету учителя и стянула волосы в пучок. Хотя они не сгорят! С прической у нее постоянно возникали проблемы: она вечно казалась неопрятной, волосы мешали во время занятий, засаливались, лезли в глаза в самый неподходящий момент. Данни делала конский хвостик, укладывала в пучок или шиньон, но суть от этого не менялась — длинные локоны мешали.

За завтраком Фов рекомендовала ей подстричь волосы покороче, но Данни наотрез отказалась. Она решила, что сохранит от прикосновений шаловливых пальчиков француженки хотя бы эту часть организма. От остальных частей ее тела, как ей казалось, неугомонная хозяйка цирка уже получила удовольствие. Пусть хотя бы волосы на голове принадлежат только ей самой!

Итак, за пучок на затылке, пусть и неопрятный, Данни могла не беспокоиться. Но оставались ресницы и брови, поэтому она держала факел как можно дальше от лица.

— Не трусь! — успокоил ее Айвен. — Ты только представь, что пламя полностью в твоей власти, и не забывай, что оно зависит от тебя, а не ты от него. Тогда все будет в порядке.

Данни так и поступила: внушила огню, что он должен погаснуть, когда ей, его повелительнице, этого захочется. И огонь уже не казался ей таким опасным и страшным, как раньше.

Сделав несколько глубоких вдохов, Данни, к своему ужасу, обнаружила, что страх не исчез, а только забился поглубже в живот и напоминает о себе учащенным сердцебиением.

Айвен заметил ее смущение и, подойдя, погладил по спине.

— Успокойся, малышка! Оставайся невозмутимой и делай все так, как я говорил.

От его слов напряжение в ее теле ослабло, комок в горле исчез, сердце забилось ровнее, и дышать стало легче. Страх испарился, можно было действовать.

Сделав глубокий вдох и затаив дыхание, Данни стала подносить к раскрытому рту зажженный факел. Ее так и подмывало зажмуриться, но усилием воли она заставила себя смотреть, как огонь исчезает у нее во рту. В последний момент она резко выдохнула — и факел потух. Трюк удался! Счастливая и довольная, она вынула головку изо рта и улыбнулась.

— Умница! — радостно воскликнул Айвен и, забрав у нее прут, откинул его подальше. Потом он подхватил Данни на руки и вместе с ней закружился на месте. — А теперь повтори! — серьезно сказал он, поставив наконец ее на пол.

К обеду Данни уже глотала пламя с такой же легкостью, с какой она уплетала, усевшись за стол, тушеную курицу с жареным фаршированным перцем.

— Почему вы снова опоздали на обед? — спросила Роза.

— Мы отмечали успехи Данни в глотании огня! — ответил Айвен и даже не взглянул на покрасневшую от смущения ученицу.

Роза удивленно вскинула брови.

Данни готова была провалиться сквозь пол. Неужели для Айвена не осталось ничего

святого? Разве нельзя было тактично умолчать о том, что произошло всего полчаса назад, когда они закончили репетицию номера? Еще гуще покраснев, она потупилась, охваченная яркими воспоминаниями. Роза и Айвен переглянулись, наблюдая за ней, и рассмеялись. Но она этого даже не заметила, мысленно перенесаясь на пустой манеж.

Возбужденная своими успешными опытами с пылающим факелом, Данни подбила Айвена на то, чтобы он трахнул ее сзади на тюках с сеном. Все произошло быстро, но оба они остались довольны.

— Ты знаешь, что у тебя отовсюду торчит солома? — спросила Летти с самым благожелательным видом, когда Данни вошла в кухню после обеда.

Пока Данни оглядывала себя, Летти подошла к ней и вытянула длинную соломинку у нее из-под трико.

— Слышала новость? — спросила она, усевшись на табурет напротив Данни. — Местные жители требуют, чтобы цирк закрыли. Совсем с ума посходили! — Она принялась раздраженно вертеть былинку в руках, косясь на Айвена, вошедшего следом за Данни. — Написали жалобу в местный совет.

К всеобщему удивлению, Айвен стукнул кулаком по столу с такой силой, что зазвенела посуда.

— Нет! Только не это! Где Фов?

— Поехала в банк, — сказала Роза. Сегодня она, и без того бледная, как серединка редиски, казалась белой как мел.

Айвен стал мрачнее тучи, девушки притихли. В кухне сразу стало темно, как во время грозы.

— Что эти недоумки понимают в цирковом искусстве? — взорвался Айвен. — Им кажется, что наш цирк — вульгарный балаган! Им не дано понять тонкую натуру артиста! Болваны, бараны, идиоты, кретины, безмозглые свиньи! Все, мое терпение иссякло! — Он направился к выходу, но возле двери остановился и, обернувшись, бросил: — Если увидишь Фов, передай, что я жду ее в кабинете. Нам нужно поговорить!

Он вышел, хлопнув дверью. Девушки некоторое время молчали. За окном беззаботно чирикали воробьи, на стене тикали часы. Летти отбросила соломинку, которую вертела в руках, и в сердцах воскликнула:

— Эти мерзавцы никогда не уймутся!

— Кого ты имеешь в виду? — спросила Данни.

— Местных жителей, разумеется! — ответила за сестру Роза. — Им все равно нас не понять. Они уже не в первый раз пытаются добиться закрытия цирка. Особенно их бесят специальные шоу, на которые приезжают важные гости со всей страны и даже из-за границы.

— Но какое они имеют право? — удивилась Данни. — Здесь частное заведение, у них нет оснований требовать его закрытия.

— Да пойми же ты наконец, — вступила в разговор Летти, — что мы в деревне! Как говорит наша мама, не успеешь пукнуть, а на другом конце поселка все уже знают об этом.

— Вот так порядки! — Данни покачала головой. — И как же вы здесь жили, бедняжки? Вас, наверное, постоянно пучило, а вы терпели, чтобы не осрамиться!

Подружки переглянулись и расхохотались.

Вошедшая в кухню Фов застала девушек умирающими со смеху. По их лицам катились слезы, они согнулись в три погибели, держась руками за живот и хватая ртом воздух. Фов с

большим трудом удалось выяснить у Розы, что случилось.

Лицо француженки стало мрачнее тучи.

— Неслыханный скандал! Такого борделя я не потерплю! Я проучу этих деревенских святош! Научу их уважать права владельца приличного заведения! — в ярости воскликнула она и пулей вылетела из кухни.

Проводив ее изумленными взглядами, девушки уставились друг на друга, а Летти пробормотала:

— Впервые вижу нашу мадам в гневе. Настоящая фурия!

Расставшись с Розой и Летти, Данни побрела в шатер, размышляя, чем ей лучше заняться. Айвен обещал, что после обеда она потренируется на трапедии. Но одна подниматься под купол она не решалась. Рассеянно окинув взглядом пустой цирк, Данни уже было собралась пойти к себе, как вдруг кто-то тронул ее за плечо. Данни вздрогнула и обернулась.

— Это ты, Миа! — удивленно воскликнула она. — А я даже не слышала, как ты подкралась. Ну и испугалась же я!

— Мне хотелось с тобой поговорить, — робко сказала Миа. — Понимаешь, дело в том, что ты мне нравишься. Я хочу, чтобы мы подружились. — Она захлопала густыми темными ресницами и слегка покраснела.

— Я буду рада дружить с тобой, Миа! — ответила как можно непринужденнее Данни самым дружелюбным тоном. — Ты мне тоже нравишься.

— Тогда пошли со мной! — потянула ее за руку Миа.

Данни передернула плечами: а почему бы и нет?

— Хорошо, пошли. А куда?

Оказалось, что Миа хотела показать ей свою комнату. Она отличалась от спальни Данни, во-первых, тем, что в ней стояла большая кровать с панцирной сеткой, а во-вторых, исключительной чистотой. Миа предложила Данни бокал вина. Сев в кресло, гостя еще раз оглядела комнату, со стыдом вспоминая, какой кавардак царит в ее спальне.

Утром Данни ушла оттуда, не убрав постель, не приведя в порядок туалетный столик и оставив на одном из стульев гору грязной одежды.

Туалетный столик Миа сверкал чистой полированной поверхностью, на нем не было ни единой пылинки. Баночки, скляночки и бутылочки аккуратно выстроились в ряд. Постель выглядела так, словно на ней и не спали. Нигде не валялись ни туфли, ни предметы одежды.

— Ты любишь аккуратность и чистоту? — спросила Данни, принимая из рук Миа бокал белого вина.

— Да, — пожалала Миа смуглыми плечами. — А разве это плохо?

Она присела на край кровати, стараясь не помять белое атласное покрывало. Данни подумала, что и ей пора приучиться к порядку и перестать вечно торопиться: в конце концов, жизнь не так уж и коротка, чтобы не обращать внимание на порядок в жилище.

— Хорошее вино, — сказала Данни, не придумав ничего получше. — А ты давно живешь в Англии?

— Три года, — ответила Миа. — Но в цирковое училище я поступила только полтора месяца назад. И за это время успела слетать в отпуск домой, на остров Маврикий.

— А что тебе здесь больше всего по душе? — спросила Данни.

Миа сверкнула глазами и улыбнулась уголками рта.

— Свободный секс! — ответила она, ничуть не смутившись. — В нем вся моя жизнь! —

Миа взмахнула руками, едва не выплеснув вино на покрывало.

Данни внимательно посмотрела на лицо собеседницы и поежилась от странного предчувствия. В этой смуглокожей красавице с невинным лицом ощущалась дикая, животная чувственность. Казалось, что секс сочится из всех ее пор. Она напоминала гладенькую кошечку с блестящей шерсткой, на призывные вопли которой сбегаются коты со всей округи. Похоть исходила от нее, когда она сидела, ходила и даже молча смотрела на Данни.

Ее полные груди беспокойно вздымались под белой хлопчатой блузкой, а ноги в коротеньких шортах, казалось, вот-вот широко раздвинутся. Миа была воплощением сексуальности, средоточением плотских пороков. Ее волнистые волосы, ниспадающие на плечи, выглядели так, словно их опутали руки любовника. Ее легкая походка наводила на мысль, что она только что выбралась из постели и еще не отошла от эротических воспоминаний. Все в ней, начиная от пальцев ног и кончая пухлыми губками и томными глазами, было преисполнено чувственностью.

Данни опустила глаза, почувствовав, что возбуждается, и притворилась, что она рассматривает витую ножку зеленого бокала. Неужели она становится лесбиянкой? Или же только экзотическая красота этой мулатки так странно подействовала на нее? Боже, что же с ней происходит? Данни нервно поскребла ногтем ножку бокала.

Миа произвела на нее сильное впечатление уже при первой их встрече, хотя тогда они даже не поговорили. Данни просто не решалась признаться себе в этом. Яркая внешность этой юной красотки, вкус ее коричневатых упругих сосков, специфический аромат возбужденного тела пробудили в Данни неукротимую страсть и лишили покоя.

И даже теперь Данни ощущала на своих губах мускусный запах соков Миа, который источал блестящий черный треугольник между ее бедер, и с легкой дрожью вспоминала ее половые губы, вызывающие ассоциации с молочным шоколадом, с сочной и вкусной малиновой помадкой, которую так и хочется слизнуть.

Данни обдало жаром, промежность ее увлажнилась, и она оттянула ворот циркового трико.

— Тебе жарко, — сказала Миа. — Может быть, разденешься?

Данни замялась: воображение нарисовало ей картину, от которой во рту у нее пересохло. Ей живо представилось, как она раздевается и ложится рядом с обнаженной юной мулаткой, гладит ее тело, целует грудь, касается языком клитора. Любопытно, каков он на вкус? Сердце Данни бешено заколотилось.

Почувствовав сухость во рту, она сделала большой глоток вина, поставила бокал на пол, встала и медленно стянула с себя цирковое трико. Когда оно упало к ее ногам, Данни подняла бокал и подошла к кровати.

Глаза Миа возбужденно сверкнули, чувственный рот с красными губами раскрылся, она привстала и, обняв Данни за талию, принялась сосать грудь новой подружки, обильно увлажняя ее слюной.

— Да, да! Боже, как хорошо! Еще, еще! — запричитала Данни, вцепившись в густые шелковистые волосы мулатки. — Пожалуйста, продолжай!

Айвен, без стука вошедший в спальню Миа, застыл от изумления в дверях, увидев их вместе на широкой кровати, мирно спящими в объятиях друг друга. Две прекрасные молодые женщины бесстыдно сплели ноги и руки, прикрытые лишь прозрачным покрывом Морфея,

временно занявшего место их главного бога — Эрота. Айвен успел хорошо изучить обеих красоток и знал, что их блаженный сон продлится недолго.

Темпераментная Данни вспыхивала страстью столь же мгновенно, как факел, пламя которого он этим утром учил ее глотать. Иной была смуглокожая знойная Миа, она закипала медленно, зато потом бушевала, как буря в пустыне. Ее грациозная неторопливость была сродни тропическому зною, насыщенному сладострастной негой. Порочность была у нее в крови, и Фов поняла это, едва лишь экзотическая девица перешагнула порог ее кабинета. «Что ж, — подумал Айвен, сбрасывая оцепенение, — в этом нет ничего удивительного. Никто так хорошо не разбирается в женщинах, как Фов».

Эта хрупкая француженка очень многому его научила в свое время, и он хорошо усвоил ее уроки. Они познакомились, когда Айвен был совсем молод и полон энергии, но абсолютно лишен той утонченности, которую он обрел с годами. Они с Фов объездили весь свет, и повсюду она исподволь обучала его искусству любви. Их ночи были пропитаны изысканным сексом. Благодаря им Айвен понял, как нужно наслаждаться чувственными возможностями человеческого тела.

Насытившись своим юным учеником и любовником, Фов предоставила ему возможность испытать себя с другими женщинами. Обычно это были прекрасные, но обделенные искусными мужскими ласками богатые дамы. Они слетались на молодого красавца, как осы на мед. И вскоре черный блокнот Айвена, толстый, как телефонный справочник Нью-Йорка, заполнился номерами телефонов его бесчисленных любовниц.

Порой Фов подтрунивала над ним, говоря, что он мог бы неплохо зарабатывать на своих сексуальных возможностях и стать не цирковым артистом, а жиголо.

Но Айвен только смеялся в ответ, потому что не представлял себя без цирка. Он вырос в семье актеров — акробатов, укротителей диких зверей, воздушных гимнастов, пожирателей огня. Но лишь одному ему удалось стать шпрыхталмейстером в цирке, пользующемся огромной популярностью в эстетских кругах благодаря своей уникальной эротической программе. И он чрезвычайно гордился этим.

Данни открыла глаза и сонно воскликнула:

— Это ты, Айвен?

— Да, моя сладенькая, — сказал он, присаживаясь на край кровати. — Итак, вы все-таки нашли друг друга, проказницы! — Он погладил ее голое плечо и покосился на мулатку.

Данни залилась счастливым смехом.

— Ты не ревнуешь, я надеюсь?

— Конечно, нет, глупышка! Я рад за вас. По-моему, вам уже давно этого хотелось. Или я ошибаюсь?

— Ты прав, — кивнула Данни. — Но я поняла, что без ума от нее, только сегодня.

— Выходит, наша недолгая разлука обернулась для тебя удачей! — Айвен улыбнулся.

Она легла на спину в соблазнительной позе и спросила, лукаво прищурившись:

— Как обстоят дела с жалобой местных жителей? Тебе удалось уладить это дело?

Айвен нахмурился:

— Пока нет, но Фов уже думает над этой проблемой.

Миа пошевелилась, потревоженная их голосами, и открыла заспанные глаза. Однако никакого удивления по поводу появления в ее спальне Айвена она не выказала.

— Привет! — промолвила она. — Решил к нам присоединиться?

Айвен вопросительно посмотрел на Данни. Она улыбнулась и кивнула:

— И правда, присоединяйся к нам! Втроем нам будет гораздо интереснее! Все-таки ты среди нас единственный мужчина.

— Ах, так, значит, я нужен вам лишь как самец? Ну, держитесь! — Айвен вскочил и стал раздеваться.

— На безрыбье и рак рыба! — бесстыдно усмехнулась Данни и подмигнула Миа.

Подружки встали на колени и обняли Айвена, прыгнувшего на кровать. Наслаждаясь их молодыми телами, он невольно сопоставил ту нерешительную Данни, которая только переступила порог училища, и нынешнюю раскованную искусительницу, сбросившую оковы предрассудков и комплекса неполноценности. Она даже не ревновала его, хотя поначалу наверняка бы обиделась, если бы ей предложили разделить ее любовные утехы с любовником с кем-то другим. Теперь она была полностью свободна — и телом, и духом. И это радовало Айвена.

Едва он устроился поудобнее у Данни между ног, пощекотав ей волосами промежность, как она, сладострастно застонав, принялась ласкать Миа. Упругие высокие груди экзотической красавицы притягивали ее руки, а от вида влажной и сочной розовой плоти у Миа между бедрами у Данни участился пульс.

Вздохи и стоны, наполнявшие спальню мулатки, разносились послеполуденным ветерком далеко за пределы цирка. Белые занавески на открытых окнах колыхались и подрагивали, словно любопытные привидения, заинтригованные необычным действием, разворачивающимся на необъятной кровати.

Похотливые фантазии, одна ярче другой, сменялись перед мысленным взором Данни с поразительной быстротой. Нежные губы и пытливый язык Айвена вскоре довели ее до оргазма.

Затем Айвен переключился на Миа: он велел ей встать на четвереньки, а Данни лечь под нее и ласкать ее груди. Сам же педагог впился ртом в половые губы мулатки. Смуглокожая красавица издала сладострастный стон. Данни увлеченно сосала ей сосок, двумя руками массируя спелые груди.

Насытившись ее сладкими сосками, Данни передвинулась поближе к Айвену и взяла его пенис в рот. Постепенно он проникал все глубже и глубже в ротовую полость, она слегка сжала его основание и ввела головку в горло. Трудно выразить словами ощущение, охватившее при этом Айвена. Он был горд за свою ученицу! Такая проглотит не только пламя, но и шпагу!

Гармония их тел была безупречна. Меняя позы и ритм движений, все трое получили удовлетворение. Потом Данни села на Айвена верхом и ввела фаллос во влагалище. Миа подставила ему ко рту свое сочное и аппетитное лоно. Подруги обнялись и поцеловались, их влажные волосы приятно щекотали им плечи и груди.

Жар охватил Данни с головы до ног. Ей было безумно приятно чувствовать в себе твердый член Айвена: он терся о бархатистые стенки влагалища и дразнил клитор. Миа напряглась от перевозбуждения и громко застонала. Айвен просунул свой верткий язык в ее лоно, и густой и сладкий сок обильно потек ему на лицо.

Это зрелище подстегнуло чувства Данни. Она нащупала пальчиком свой клитор и принялась ожесточенно тереть его, мотая головой из стороны в сторону. Почувствовав на себе заинтересованный взгляд Миа, она пришла в исступление.

— Кончай скорее, умоляю! — прошептала мулатка, сжав руками груди и закидывая назад голову. В этот миг она казалась воплощением сладострастия.

Неописуемое блаженство нахлынуло на Данни. Как прекрасна Миа, подумалось ей, в своей откровенной чувственности! И как божественно красив Айвен. Себя же она сочла безжалостной сиреной, изголодавшейся по матросу, и поэтому решила заездить Айвена до полубморочного состояния.

Слившееся в экстазе трио с упоением приступило к финалу эротической симфонии. Стоны, вздохи, крики и визги наполнили комнату. И спустя несколько мгновений наступил потрясающий финал.

Глава одиннадцатая

За две недели, проведенные Данни в училище, она испытала множество новых и ярких ощущений. Но лишь сегодня ее охватило отчаяние. Усевшись на кровати, она уныло уставилась в одну точку, подавленная мыслью о неминуемом скором отъезде из «Эротического цирка». Ее совершенно не тянуло в свою квартирку в Лондоне, ей хотелось подольше побыть среди новых друзей.

Как странно, однако, что за столь короткое время она успела привязаться к своим наставникам, актерам цирка и другим учащимся. Ей всегда казалось, что требуется провести на новом месте многие годы, чтобы освоиться и прикипеть к нему душой и сердцем. Теперь она поняла, что заблуждалась.

Оказывается, дело совсем не в том, чтобы, ежедневно встречаясь на улице с одними и теми же людьми, здороваться с ними. И даже не в том, чтобы обмениваться формальными любезностями со старухой соседкой по лестничной клетке, имеющей девять кошек и запущенную астму. Нужно досконально изучить окружающих, понять их сущность, научиться предугадывать их поведение в различных ситуациях. За всю свою жизнь Данни не испытывала ни к кому такой духовной и телесной привязанности, какой она прониклась к обитателям «Эротического цирка». И даже Фов стала ей как родная, как это ни странно.

Дверь спальни внезапно открылась, и в комнату заглянула Роза.

— Что, скучаем? Не лучше ли позавтракать? — дружелюбно воскликнула она.

Улыбка на ее лице моментально погасла, когда Данни молча покачала головой и отвернулась, пытаясь скрыть предательские слезы, навернувшиеся на глаза. Однако от Розы было не так легко отделаться.

— Что случилось? — спросила она, проходя в комнату и садясь рядом с Данни на край кровати. — В чем дело, объясни?! Тебя кто-то обидел? Почему ты плачешь?

Роза обняла Данни за плечи и прижала к себе.

Данни посмотрела на нее: на бледном остреньком личике отчетливо обозначились веснушки, особенно много их высыпало на горбинке носа. Именно по этому признаку и можно было различить сестричек-близнецов: на лице Летти веснушек было значительно меньше.

— Я не хочу уезжать отсюда, — откровенно призналась Данни и разрыдалась у Розы на плече. Горькие слезы покатались по ее щекам и подбородку. Данни жалобно шмыгнула носом и затравленно огляделась по сторонам.

— О, да тут не обойтись без носового платка! — заметила подружка. — А у меня с собой нет даже бумажной салфетки. Сошли бы и прокладки, но их я тоже не захватила.

Данни снова шмыгнула носом и расхохоталась. Изобразив улыбку на лице, она пробормотала:

— Я понимаю, что выгляжу идиоткой. Ничего, как-нибудь переживу. Извини!

Роза несколько отстранилась и, внимательно посмотрев на нее, задумчиво произнесла:

— Возможно, и так. Но мне кажется, что ты вряд ли успокоишься. — Она поморгала, подбирая подходящие слова. — Мне кажется, подруга, ты такая же, как мы с сестренкой. Не удивляйся, я знаю, что говорю! Нам с Летти тоже было дьявольски грустно, когда пришло время покинуть цирк. И мы решили уйти из дому и остаться здесь. И не пожалели об этом!

— Фов разрешила вам остаться? Просто из человеколюбия? — изумилась Данни. —

Неужели такое возможно?

Роза долго не отвечала, раздумывая над ответом. Наконец осторожно сказала:

— Ну, не совсем так, как ты думаешь. Все совсем не просто. Она устроила нам допрос с пристрастием. Выпытывала, почему мы хотим остаться в цирке, что нас здесь привлекает, помимо непринужденной и дружественной атмосферы.

— И что же вы ей сказали? — оживилась Данни.

— В конце концов мы ей во всем откровенно признались.

— В чем же, если не секрет? — удивилась Данни.

— Честно говоря, это не твоего ума дело, подруга, — довольно резко ответила Роза. — У каждого своя жизнь. Одно я могу тебе сказать: Фов обожает, когда с ней откровенничают. Если только она решит, что ты ничего не утаиваешь, если она тебе поверит, тогда она станет твоей лучшей подругой на всю жизнь.

Роза встала и поцеловала Данни в щеку.

— Не грусти, подруга! Соберись с духом и поговори с Фов по душам. Она не укусит!

У Данни сразу полегчало на душе. Все вокруг словно бы озарилось ярким светом. Но тотчас же тень сомнения промелькнула на ее лице: а вдруг Фов не позволит ей остаться при цирке? Что, если француженка испытывает к ней антипатию? Или ревнует к Айвену? Да и в ее способностях к трюкам она вполне может усомниться, ведь за две недели Данни мало чему научилась, уж слишком невелик срок!

— Я поговорю с ней, — решительно сказала она и, встав с кровати, пошла в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Роза подождала, пока она умоется и прочистит нос, и они вместе отправились завтракать.

После завтрака Данни пошла в кабинет Фов. Она впервые очутилась в нем и поразила тому, насколько сильно он отличается от остальных помещений коттеджа.

Здесь тесно переплелись современный и старинный стили, что создавало ощущение домашнего уюта. Антикварные столики из ореха со вставками из ценных пород дерева соседствовали с треноподобными стульями с металлическим каркасом и железной картотекой. Оплот хозяйки кабинета — ее письменный стол — был выполнен из черного дерева с лакированной поверхностью. На стене висела панель с типичной китайской картиной: храм на горе и люди в национальных костюмах. И конечно же, в углу стоял компьютер, без которого нельзя себе представить ни одну контору.

Загадочная француженка сидела за столом в вертящемся кресле на колесиках и с черной кожаной спинкой. На кончике носа у нее держались изящные очки для чтения, сквозь половинчатые стекла которых она смотрела на раскрытый ежедневник. Объемистый, в переплете из черной кожи, он придавал своей владелице респектабельность опытного делового человека.

Хозяйка кабинета вопросительно взглянула на Данни, застывшую в дверях.

— Я постучалась, — виновато пролепетала девушка.

Француженка окинула ее внимательным взглядом поверх очков и кивком предложила сесть на один из стульев.

— Чем я могу тебе помочь, милочка? — хлопнув свой деловой дневник и откинувшись в кресле, спросила она.

— Я даже не знаю, с чего начать, — замялась Данни.

Фов сняла очки, положила их на стол, вновь откинулась на спинку кресла и, закинув ногу на ногу, положила на колено сцепленные руки.

Данни скользнула взглядом по ее длинным ногтям, покрытым красным лаком, и пожалела, что пришла сюда. Но, не сделай она этого, потом бы горько пожалела, мысленно возразила себе Данни и судорожно сглотнула подступивший к горлу ком.

Фов ободряюще улыбнулась:

— Не волнуйся, я тебя не тороплю. Ну, рассказывай!

И Данни выплеснула все, что ей с утра хотелось рассказать подруге. Как и предупреждала Роза, француженка попросила ее в деталях описать свои переживания, поделиться с ней сокровенными желаниями и планами на будущее. Слова для откровенного ответа нашлись сами собой.

— Мне не хочется даже думать, что я должна вернуться к прежнему образу жизни! — в сердцах воскликнула Данни, завершая свой монолог. — Я стала совсем другой, пока жила здесь!

Фов долго молчала, уставившись в окно. Данни терпеливо ждала решения своей участи, поглаживая черного лабрадора, положившего голову ей на колени.

— А ты понравилась собаке, — сказала Фов и улыбнулась.

Данни кивнула, мысленно отметив, что это обстоятельство вряд ли послужит основанием для того, чтобы ее здесь оставили.

Тяжело вздохнув, Фов встала и, подойдя к окну, села на подоконник, скрестив на груди руки. На ней были те же джинсы, что и в день приезда сюда Данни.

— Не знаю, что и сказать тебе, милочка, — наконец проговорила она.

Данни едва не застонала от отчаяния: вот он, роковой отказ, которого она так панически боялась!

— Однако, — добавила француженка, улыбнувшись, — мой внутренний голос подсказывает, что торопиться с отказом не стоит. По-моему, все это нужно обсудить с Айвенгом. Мне важно услышать его мнение о тебе.

— Он еще ничего не знает, — поспешно сказала Данни. — Я решила поговорить сначала с вами.

Фов удивленно вскинула брови.

— В таком случае я, пожалуй, поговорю с ним сама: в конце концов, мы партнеры.

Данни покинула этот кабинет с тем же тревожным чувством, с которым вошла в него. Участь ее так и не была решена. Айвен заметил, что Данни чем-то огорчена, когда они встретились на арене, но, по-видимому, подумал, что она волнуется по поводу предстоящего шоу.

— Сегодня мы с тобой тренироваться не станем, — заявил он и увлек ее к выходу с манежа. — Алдоус будет проводить здесь генеральную репетицию перед выступлением. А мы отдохнем и посмотрим фильм.

— Фильм? — удивилась Данни. — О чем?

— О цирке, разумеется. О чем же еще! — ответил Айвен, обнимая ее за плечи.

Впервые за это утро на душе у Данни полегчало.

«Ах, если бы все кинотеатры были такими же уютными и удобными!» — подумала она, усаживаясь на диван напротив экрана в гостиной, окна которой были плотно зашторены. Это была единственная комната в доме, где имелся телевизор с видеоманитофоном.

Видеофильм, который они собирались посмотреть, был посвящен истории цирка — от древних времен и до современной эпохи. Создатели фильма включили в его сюжет и бои гладиаторов, и жестокие схватки людей с хищниками на арене, и «Большой цирк компании “Ринглинг-Барнум”» в Америке. Данни узнала, какие цирки-шапито разъезжают по свету, какие оригинальные трюки и фокусы выдумывают актеры в разных странах, какое используется при этом хитроумное оборудование. Немало полезного почерпнула она для себя, внимательно следя за оригинальной техникой работы на трапеции знаменитых артистов.

— Восхитительно! Феноменально! — то и дело восклицала она, хлопая в ладоши.

Айвен был очень доволен такой ее реакцией.

— Я знал, что тебе понравится, — с улыбкой сказал он.

Они посмотрели и кадры с бесстрашным Элвином Бейлем, исполнителем трюка на колесе-юле, и головокружительный номер воздушного гимнаста Фатини из Блэкпула, и выступления дрессированных львов и тигров. Когда кино закончилось, Данни позабыла о своих опасениях и тревогах, ее темно-зеленые глаза светились восхищением и восторгом.

— Мне хочется сейчас же отправиться в цирк и летать на трапеции под куполом, как птица! — воскликнула она. — Я готова жонглировать и делать сальто до бесконечности, пока хватит сил!

— Я в этом и не сомневаюсь, — ответил Айвен. — Ведь у тебя врожденный талант цирковой актрисы.

— Ты так считаешь? — опешила Данни.

Ей никто раньше такого не говорил, если не считать родителей, полагавших, что у нее природный дар все ломать и крушить. Собравшись с духом, Данни рассказала Айвену о разговоре с Фов.

— Теперь понятно, почему она попросила меня пообедать с ней, — сказал Айвен. — Как она отреагировала на просьбу оставить тебя в цирке?

— По-моему, без особого энтузиазма, — пожалала плечами Данни.

Айвен погладил ее по волосам и плечам, словно маленькую, и улыбнулся:

— Фов не любит выказывать эмоции. Она предпочитает казаться загадочной дамой, невозмутимой, как китайский мандарин. Но ты произвела на нее хорошее впечатление.

— Мне бы очень хотелось здесь остаться, — призналась Данни. — Я нигде еще не встречала таких дружелюбных и милых людей. Здесь я чувствую себя свободной, раскованной. Ты меня понимаешь?

— Конечно, малышка! — Айвен поцеловал ее в лоб. — Но тебе пора идти, Данни! Уже одиннадцать часов, тебя ждет на арене Алдоус. А мне еще нужно умаслить этих деревенских идиотов. Нельзя допустить, чтобы они сорвали завтра наше представление! А то еще, чего доброго, устроят здесь пикеты.

— Неужели дело может принять такой скверный оборот?

Данни не на шутку встревожилась. Ей вовсе не хотелось бы стать участницей шумного скандала или быть застигнутой врасплох фотокорреспондентами бульварного журнала и попасть на страницы «Сан» или «Ньюс» в обнаженном виде. Что скажут родители! Она побледнела как мел.

— Может быть, все обойдется, — сказал Айвен.

Понимая, что ей самое время уйти, Данни кивнула ему на прощание и побежала в шатер разыскивать Алдоуса.

В субботу Данни проснулась с таким странным ощущением, словно наступило рождественское утро или же по крайней мере утро последнего дня летних школьных каникул. Вечером ей предстояло участвовать в большом шоу. Она страшно волновалась. И для этого у нее имелись две веские причины.

Во-первых, в цирке ей предстояло выступить впервые. Во-вторых, это первое выступление должно было неминуемо стать и последним. Раздираемая противоречивыми чувствами — радостью и огорчением, — она и отправилась на завтрак.

После завтрака Фов предложила всем актерам пройти в гостиную и посмотреть костюмы. Данни ждала, что француженка скажет ей что-то ободряющее. Со вчерашнего утра ни Фов, ни Айвен не обмолвились ни словечком о просьбе оставить ее в цирке. А уж он-то мог хотя бы намекнуть: ведь эту ночь он провел в ее постели.

Эта ночь показалась Данни необыкновенной еще и потому, что могла стать последней наедине с возлюбленным. В субботу вечером ей предстояло участвовать в сексуальном шоу для избранных, но она не была уверена, что в нем будет участвовать Айвен. А потому отдавалась ему неистово.

Стрелки часов показывали, что до пяти осталось десять минут, когда Фов, идущая впереди Данни по коридору, замерла, прекратив вилять бедрами в обтягивающей черной юбке, и, подбоченившись, окинула взглядом гостиную.

Данни заглянула через ее плечо в комнату и обмерла: ее взору открылись десятки рядов вешалок со множеством ярких костюмов. Подобно драгоценным украшениям эти великолепные наряды сверкали и переливались всеми цветами радуги. Здесь были изделия из атласа, шелка, лайкры, газа, в большинстве своем — прозрачные и легкие, как паутина.

Бедра миниатюрной француженки снова пришли в движение, и следом за ней артисты вошли в помещение. Выстроившись в ряд, они стали терпеливо ждать, пока Фов отберет для каждого из них наряд: пару гаремных атласных шаровар, полупрозрачную розовую сорочку или трико шута с белыми и черными ромбами.

— Это для тебя, — проворковала француженка, протягивая Данни ее костюм.

Он был сшит из небесно-голубого шифона и представлял собой короткое воздушное платье, абсолютно прозрачное. Именно последнее обстоятельство омрачило радость Данни, что немедленно заметил Айвен.

— Не огорчайся, моя сладенькая! — прошептал он ей на ухо. — Ты будешь выглядеть в нем великолепно!

— Но как же я предстану в таком наряде перед незнакомыми людьми? — воскликнула Данни. — Тем более их наберется едва ли не триста человек!

— Ты станешь украшением финальной части представления, малышка! — Айвен ободряюще хлопнул ее по круглой попке. — Только помни, что ты обязана обворожить всех своей внешностью и очаровать искусством любви.

Фов не дала Данни времени на то, чтобы возразить: она вручила ей нечто, похожее на бикини. Сделанное из черного атласа, изделие имело пикантные особенности. В бюстгальтере имелись прорези, а на трусиках — большой вырез в промежности. Отверстия были обшиты серебристо-белыми блестками, очевидно, чтобы привлечь к ним внимание окружающих.

— А это ты накинешь на плечи. — Фов протянула Данни черную пелерину из шифона и тафты с усыпанным блестками воротником и большим капюшоном.

— Под капюшоном мне будет легче скрыть краску стыда, — пробормотала Данни, вертя

пелерину в руках.

Фов и Айвен переглянулись и пристально посмотрели на нее. Француженка положила руку ей на плечо.

— Мы решили, что ты можешь остаться в цирке, если не передумала.

Смысл этих слов дошел до Данни не сразу.

— Это правда? Вы не шутите?

Фов и Айвен широко улыбнулись, и француженка чмокнула Данни в обе щеки.

— Добро пожаловать в «Эротический цирк», — хрипло сказала она, несколько взволнованная случившимся. Моментально взяв себя в руки, француженка громко хлопнула в ладоши, привлекая к себе внимание присутствующих. Алдоус, Гвидо, Рэнди, Миа и сестры-близнецы, Летти и Роза, обернулись и посмотрели на нее.

— Довожу до вашего сведения, — объявила Фов, — что Данни стала постоянным членом нашего маленького, но сплоченного коллектива.

Это сообщение было встречено всеобщим ликованием. Айвен откупорил бутылку шампанского и, разлив его по бокалам, стоявшим на подносе на лакированном сервировочном столике, предложил тост:

— За Данни!

— За Данни! — хором прокричали все, поднимая бокалы.

Виновница торжества засветилась от радости. Теперь она действительно почувствовала себя артисткой труппы «Эротического цирка».

Спустя некоторое время, разобрав костюмы, все разошлись по комнатам. Данни пригласила Алдоуса, галантно вызвавшегося донести ее наряд, к себе выпить чего-нибудь освежающего: их комнаты находились рядом.

— У меня от шампанского пересохло в горле, — рассмеявшись, сказала она. — Странно, правда?

— Куда повесить эти вещи? — спросил Алдоус, озираясь по сторонам.

Она забрала у него свой наряд и повесила его на крючок на двери ванной. И только потом ей бросилось в глаза, что сегодня волосы ее наставника не стянуты на затылке в хвостик, а ниспадают на плечи.

— Какие же они у тебя красивые! — Данни погладила его шелковистые каштановые локоны.

— Женщинам нравятся! — воскликнул Алдоус.

Он сжал ей руку и поцеловал ладонь.

Данни почувствовала, что она тает: Алдоус тоже нравился ей, он был один из самых симпатичных мужчин, которые ей встречались.

— А что же мы стоим, присаживайся! — произнесла она, смущенно пряча глаза.

— Признаться, я предпочел бы лечь вместе с тобой, моя сладенькая крошка, — поедая ее глазами, сказал он интимным баритоном.

Данни едва не упала, пронзенная сладкой истомой. Слегка пошатываясь, она подошла к кровати и прилегла на нее. Не теряя ни секунды, Алдоус стянул с нее майку и лег рядом.

Он погладил ее ладонью по голому животу, и все завертелось у нее перед глазами. Грудь под атласным лифчиком набухла, соски затвердели. Алдоус начал снимать с нее шорты и трусики, и она закрыла глаза, млея от мысли, что отныне такое с ней будет происходить ежедневно. Перемена сексуальных партнеров станет нормой ее жизни. И если

раньше она боялась даже мечтать об этом, то теперь воспринимала вполне спокойно, как нечто столь же естественное, как дыхание и прием пищи. Иного в «Эротическом цирке» и быть не могло.

Изучение чувственности и эротическое наслаждение являлись неотъемлемыми составляющими философии этого заведения. Секс и любовь должны были стать основными ее занятиями. Она понимала, что кто-то из труппы непременно полюбит ее и она ответит этому человеку взаимным чувством. Смущало Данни только одно: все люди, с которыми она общалась на протяжении двух недель, относились к ней настолько доброжелательно, что она затруднялась сказать наверняка, кому отдает предпочтение.

Справедливости ради приходилось признать: все, что с ней здесь произошло, соответствовало ее желаниям. И даже когда сестрички позабавились с ней, воспользовались ее беспомощностью, она не обиделась, потому что была готова к этому и желала новых острых ощущений. Ведь ей достаточно было сказать им решительное «нет», чтобы они оставили ее в покое. Однако она не сделала этого, следовательно, хотела стать жертвой насилия.

— О чем ты размечталась, моя сладенькая? — вывел ее из задумчивости хриплый от возбуждения голос Алдоуса. — Раздвинь-ка лучше пошире ноги! — добавил он, вставая на колени.

— Я думала о том, какая я все-таки счастливая!

Данни улыбнулась и глубоко вздохнула.

Алдоус раздвинул ее срамные губы и лизнул. Его шелковистые кудри приятно щекотали ей живот. О смысле жизни Данни размышлять расхотелось. Она закрыла глаза и сладострастно застонала, уносясь под облака. Язык Алдоуса проникал в ее лоно все глубже и глубже.

Глава двенадцатая

Всеобщее возбуждение пропитало воздух вокруг цирка. Здесь все дышало теперь не покоем скромного сельского быта, а воинствующей роскошью. Насыщенный ароматами дорогой парфюмерии, мягкий ночной ветер разносил по округе непривычную смесь громких голосов, хлопанья автомобильных дверей, шороха шелковых нарядов и хруст гравия под ногами вальяжных гостей.

Спрятавшись за шторой, Данни наблюдала за приездом все новых и новых гостей, разодетых так, словно они прибыли на светский бал. Это были люди самой разной наружности: высокие господа в шикарных костюмах с изящными блондинками, повисшими на руке у своего спутника, лысые толстяки с завитыми усами, дородные вдовы с бриллиантовыми ожерельями, свободные художники с хвостиками на затылке и в помятых бархатных пиджаках. Поодиночке или группами, все они устремились в дом, где их приветствовала Фов. Затем гостей угощали шампанским и легкой закуской и сопровождали до их мест в шапито.

Площадка перед домом была забита лимузинами — «роллс-ройсами» и «мерседесами», а также спортивными автомобилями дорогих моделей: «порше», «феррари» и «астон-мартин».

Внезапный стук в дверь комнаты вынудил Данни отойти от окна. К ее немалому удивлению, оказалось, что к ней пожаловала француженка. Длинное черное вечернее платье Фов интимно шуршало и таинственно переливалось.

— Не ожидала? — войдя в комнату, с улыбкой спросила она.

Данни кивнула и промямлила:

— Я думала, что вы заняты приемом гостей, мадам. Вон их сколько понаехало! — Она махнула рукой на окно.

— Шикарная публика, не правда ли, милочка? — Фов присела на табурет возле кровати и поманила Данни пальцем. — Я пришла, чтобы благословить тебя и пожелать удачи, ведь это твоя премьера!

— Я вам очень признательна! — ответила Данни, тронутая вниманием к ней занятой женщины.

Фов скользнула взглядом по фигуре Данни, и та густо покраснела, вспомнив, что на ней только прозрачное шифоновое платье. Короткое и воздушное, оно лишь подчеркивало наготу ее тела. Данни непроизвольно прижала руки к груди.

— Не надо стесняться, — хрипло сказала француженка.

Она протянула руку и похлопала Данни по животу и бедрам. Сквозь тонкую ткань проглядывали волосы на лобке и соски упругой груди. Фов осталась довольна увиденным и с улыбкой добавила:

— Красивая молодая женщина не должна стыдиться своего обнаженного тела!

— Но ведь я не красавица! — Данни наигранно рассмеялась. Ей и раньше делали подобные комплименты, но за две недели к ним было трудно привыкнуть, и Данни всякий раз краснела.

Сейчас у нее даже перехватило дух от слов Фов, и она догадалась, что хочет сблизиться с этой миниатюрной француженкой. Влечение к ней она ощутила впервые, когда услышала в телефонной трубке ее хриловатый грудной голос. Это чувство окрепло после их личного

знакомства. Но в тот момент Данни не осознавала дремавшего в ней желания, не знала, что такое подлинное сексуальное раскрепощение, и не пробовала ласк женщины. Теперь она испытала все это!

Данни опустилась на колени и погладила Фов по плечам. Охваченная внезапным порывом, она наклонилась и поцеловала француженку в пухлые блестящие красные губы.

Фов раскрыла чувственный рот и, прижавшись к Данни всем своим пылким телом, умелыми движениями принялась гладить ей спину. Вскоре ее пальчики сжали Данни ягодицы.

— Ты моя сладенькая малышка! — шептала Фов, обводя пальцем ее анус. — Ты, оказывается, проказница! Мне очень приятно, но всему свое время! Мне пора. Встретимся после представления и проведем вместе всю ночь. Только вдвоем, я и ты. А сейчас я должна тебя покинуть!

Дрожа от возбуждения, Данни встала, чувствуя, как по внутренней стороне бедер течет густой сок. Низ живота потяжелел и напрягся.

— Я очень нервничаю, — призналась она, теребя подол платья. — Меня терзают смутные предчувствия.

— Я уверена, что все будет прекрасно, — сказала Фов. — Только не робей.

Она провела пальцем по бедру Данни и, почувствовав на ней вязкую ароматную жидкость, поднесла палец к губам и облизнула его. Вкус внутренних соков ее новой пассивности привел Фов в восторг. Ее глаза засияли, суля Данни восхитительную ночь. Фов резко выпрямилась, легонько шлепнула девушку по попке и велела ей готовиться к выступлению в шапито.

— Обязательно надень пелерину! — посоветовала она и, сняв изделие из черного атласа с вешалки, накинула его на плечи Данни. — Иначе тебя изнасилуют по дороге! И не один раз!

По телу девушки пробежала легкая дрожь.

— Спасибо, Фов, за все! — выдохнула она, застегивая пелерину и беря со столика бикини. Фов махнула рукой:

— Желаю удачи и приятного вечера, моя сладенькая! Поболтаем после шоу. Пока! До новой встречи!

Данни проводила ее затуманившимся взглядом.

Едва лишь Данни выглянула из-за кулис и увидела пустую арену цирка, на которой ей предстояло впервые предстать перед взыскательной публикой, как душа у нее ушла в пятки. У нее возникло ощущение, что этих нескольких часов ей не пережить. И куда только подевался опыт, обретенный на занятиях с Айвеном и Алдоусом! Знания и навыки словно бы испарились, выжженные безотчетным страхом.

С каждой минутой в шапито оставалось все меньше свободных красных плюшевых кресел: зрители, сняв верхнюю одежду, рассаживались по местам. Богатые дамы и господа оживленно обменивались первыми впечатлениями, шутили и протирали бархотками бинокли, сверкая бриллиантовыми запонками и перстнями.

Живо представив, как три сотни пар глаз станут рассматривать самые укромные уголки ее тела, Данни затрепетала и передернула плечами.

— Нервничаешь? — раздался у нее за спиной знакомый голос.

Данни обернулась и обомлела: в костюме шпрыхталмейстера она увидела Айвена

впервые.

Белоснежные бриджи, заправленные в начищенные до блеска кавалерийские сапоги черного цвета, облегли его выпуклые ягодицы и таинственный бугорок в промежности. Безукоризненно белая сорочка подчеркивала яркость красного фрака с черными бархатными лацканами. Из-под черного цилиндра ниспадали на плечи серебристые локоны, напоминающие гриву свирепого льва, а черный кожаный кнут в руке придавал ему вид бесстрашного укротителя.

— Ты восхитителен! — выдохнула Данни. Сердце от волнения готово было вырваться у нее из груди, тело таяло от вожделения. Наставник одарил ученицу горделивым взглядом и промолвил:

— Благодарю, моя милая крошка! Ты тоже прекрасна.

— В самом деле? — просияла Данни.

Она расправила плечи, почувствовав себя гораздо увереннее. Роза помогла ей сделать красивую прическу, благодаря которой Данни казалась выше ростом, а ее шея — длиннее. Покатые плечи смотрелись очень мило и соблазнительно. Прозрачный наряд уже не смущал ее, она больше не думала ежеминутно, что ее нагота привлекает к себе десятки плотоядных взглядов, а следила за осанкой. На ногах у нее были бледно-голубые атласные балетные туфли — под цвет платья. Она ступала грациозно, почти паря над землей, и казалась такой же воздушной, как и весь ее костюм.

Данни наконец прониклась уверенностью в своей неземной красоте и ощущала себя сказочной феей. Именно такого эффекта и ожидала Фов, выбирая для нее наряд. Данни снова почувствовала признательность к мудрой и опытной француженке, принявшей ее в состав труппы «Эротического цирка», и задышала чаще, раздувая чувственные ноздри.

Зазвучала музыка, и гомон в цирке стих: зрители замерли, внимая игре маленького оркестра — одного из лучших в Европе, как сказал Айвен. Познания в классической музыке Данни оставляли желать лучшего, но она догадалась, что музыканты исполняют попури из произведений Чайковского, Вагнера и Дворжака.

— Пора! — негромко сказал Айвен и прошел мимо Данни на середину арены.

Высокий и строгий, он застыл на миг в величественной позе, потом вскинул руки в приветствии, медленно оглядел амфитеатр, обернулся к кулисам и щелкнул кнутом. Длинная черная кожаная змея взвилась в воздух и упала, взметая облачко опилок, на манеж.

Это был сигнал к началу представления. Данни вместе с другими его участниками, одетыми в яркие, красочные костюмы, изобразила на лице улыбку и вышла к публике. Совершая традиционный обход арены, артисты ничуть не стеснялись своих почти обнаженных тел. Но Данни почему-то казалось, что нагая одна она и все взгляды устремлены только на нее. Ее груди и ягодицы соблазнительно вздрагивали, бедра раскачивались, икры напряглись. Шелковистый локон упал ей на лицо и щекотал ухо и голое плечо. Данни шагала грациозно и уверенно, упиваясь исходящей от нее сексуальностью и кожей впитывая восхищение зрителей.

Сделав полный круг по манежу, она вместе с Гвидо подошла к веревочной лестнице и стала подниматься на трапецию. На щеках у нее выступил румянец, в промежности стало еще горячее. Ей было и стыдно, и лестно одновременно.

Внизу, на арене, другие актеры уже выполняли различные номера программы. Летти и Роза раскатывали на одноколесных цирковых велосипедах, прижимаясь голыми срамными губами к кожаным седлам и размеренно крутя педали. Сестрички были одеты в зеленые

наряды, не менее куцые, чем тот, который был на Данни, и развратно улыбались, срывая громкие аплодисменты.

По замыслу постановщика обыкновенные цирковые трюки и фокусы чередовались с эротическими, что должно было постепенно разогревать публику. Актеры раздраживали зрителей грациозными движениями и полуобнаженными телами, вызывая их восторженные возгласы и вздохи, Во многом своим успехом они были обязаны Алдоусу, замечательному хореографу и знатоку зрительской психологии. Именно он научил артисток так соблазнительно прикасаться друг к другу и принимать такие позы, что в зале многим уже не сиделось спокойно на месте.

С помощью Гвидо, который как бы невзначай дотрагивался до ее груди и бедер, Данни села на перекладину трапеции и стала раскачиваться, чувствуя, как взмывает от потока воздуха подол ее платья. Зал ахнул. Данни на миг пошатнулась, но, крепче сжав руками веревки, с прежней уверенностью продолжила номер. Легким движением она подалась вперед и, зажав ногами перекладину, повисла на ней вниз головой.

А тем временем Гвидо в черном обтягивающем трико, подчеркивающим его мускулатуру, поступью опытного эквилибриста уверенно пошел по натянутому под куполом цирка канату. Он спокойно одолел дистанцию, поймал вторую трапецию и, повиснув на ней, как Данни, головой вниз, полетел к ней навстречу. Воздушные акробаты стали раскачиваться на головокружительной высоте, касаясь и лаская друг друга при этом.

Неожиданно Гвидо схватил платье Данни за подол и ловко стянул его, оставив ее голой. Этот трюк они не репетировали, и Данни растерялись и смутились. Зависнув в позе летучей мыши, она проводила взглядом прозрачную ткань, плавно опускающуюся на манеж, и попыталась угадать, какой еще сюрприз приготовил ей партнер. Гвидо не заставил ее долго ждать: пролетая мимо нее в очередной раз, он проворно обхватил руками ее талию и уткнулся головой в промежность.

Все бинокли тотчас же были наведены на Гвидо и Данни. Она почувствовала, что его язык дразнит ее клитор и наружные половые губы, и с трудом удержалась на перекладине. Но когда Гвидо стал облизывать анальное отверстие, Данни утратила над собой контроль и, сорвавшись с трапеции, упала на страховочную сетку.

Пошатываясь, она нашла в себе силы дойти до края сетки и спрыгнуть. Алдоус и Роза шепотом поздравили ее с успехом. Шпрыхталмейстер взял ее за руку, они поклонились зрителям и ушли за кулисы. Вскоре туда пришел и Гвидо.

— Молодцы, — еще раз поблагодарил их Алдоус. — Я горжусь вами!

Красная от стыда, Данни глубоко вздохнула и начала переодеваться для следующего номера. Фов помогла ей надеть специальный бюстгальтер, бикини с разрезом Данни натянула сама.

После того как она предстала перед публикой обнаженной, ей, казалось бы, нечего было стыдиться. Однако в новом наряде она все же почувствовала себя неловко.

— Позволь мне взглянуть на тебя, — сказала Фов. — Расправь плечи, грудь вперед, держи спину прямой! Вот так, хорошо! Какие замечательные груди! Какие аппетитные соски!

Данни нервно хихикнула, чувствуя, как соски, торчащие из прорезей, набухают. Фов потерла их пальчиками, отчего они увеличились. Француженка достала из сумочки румяна и кончиками пальцев втерла их в розоватую мякоть груди. Данни покосилась на соски и увидела, что они похожи на спелые сочные ягоды.

— Так и хочется лизнуть, не правда ли? — озорно сверкнув темными глазами, сказала Фов. — А теперь займемся твоей миленькой писью.

Она присела на корточки и посмотрела на обнаженные половые губы Данни. Та терпеливо ждала, что будет дальше. Француженка протянула руку и, раздвинув ее срамные губы, прикрыла их атласом так, чтобы на его фоне выделялись клитор и внутренние складки. Ткань прилипла к мокрым наружным губам и плотно держалась на них. Фов начала румянить обнаженные части половых органов Данни, чтобы они стали одного цвета с ее покрасневшими щеками и сосками.

Данни уже едва стояла на ногах, чувствуя, что теряет сознание. У нее дрожали колени, а клитор, все еще возбужденный после оргазма с Гвидо, бешено пульсировал от прикосновений пальцев француженки. Фов вновь и вновь теребила его, нанося румяна и Данни заскулила от сладострастия. Она настолько сильно возбудилась, что отказалась выходить на арену, когда к ней подошел Айвен.

— Дай мне хотя бы минуту, чтобы я успокоилась! — взмолилась она.

Он окинул ее взглядом знатока, погладил по соскам и клитору и, пригвоздив к месту своим гипнотизирующим взглядом, сказал:

— Будь умницей, соберись! Сейчас твой выход. Нельзя огорчать публику!

Данни тяжело вздохнула: она знала, как важен этот выход для них обоих. Айвену предстояло метать в нее ножи, это был его коронный номер. Данни должна была сыграть роль его жертвы. Ее привязанные к щиту руки и ноги, дьявольски выставленные напоказ половые органы, красная плоть, контрастирующая с черным атласом, — все это по замыслу постановщика не могло не обеспечить колоссальный успех.

Зрители встретили их появление на арене бурными аплодисментами. Держась за руки, артисты поклонились, и два ассистента — юноша и девушка, которых Данни видела впервые, привязали ее к щиту. И снова последовали восторженные хлопки.

Чтобы не смотреть на зрителей, Данни начала рассматривать ассистентов. Это была восточная пара, скорее всего корейцы-акробаты. Их черные трико прекрасно гармонировали с блестящими черными волосами. У девушки на груди и промежности были вставки из темной прозрачной ткани, сквозь которые просвечивали соски и лобок. Приглядевшись к ней, Данни вспомнила, что все-таки видела, как эта корейка исполняла весьма оригинальный номер, выгибаясь перед публикой так, что просовывала голову между ногами под широко раскрытыми срамными губами. Эффект был потрясающий: публика ревела от восторга.

Корейцы специально тянули время, проверяли, насколько крепко жертва привязана к щиту. Это была часть представления, которую Данни репетировала с Летти и Розой. Айвен сделал вид, что рассержен их медлительностью, и громко хлопнул кнутом, пытаясь их отогнать. Корейка притворилась, что испугалась, но юноша дерзко взглянул на шпехтгалмейстера и нахально запустил пальцы Данни во влагалище.

Она издала громкий вздох и принялась поводить бедрами, изображая гнев. Кореец ослабил и начал массировать ей гениталии. Публика заплодировала. Кое-кто стал отдавать корейцу указания. Данни извивалась и дергалась, изображая отчаяние.

— Нет, нет! — стонала она, мотая головой.

— Как мы поступим с нашей невинной жертвой? — спросил у зрителей Айвен.

Послышались вполне квалифицированные советы с задних рядов, один изощреннее и страшнее другого. Данни поеживалась, представляя свои возможные ощущения, если бы

Айвен им последовал. Она впервые оказалась голой перед сотнями похотливых зрителей, которые приходили в экстаз от увиденного.

Корейнка легонько ущипнула ей клитор и рассмеялась, когда Данни сладострастно застонала. Оставив подрагивающий червячок в покое, акробатка переключилась на груди жертвы: принялась оттягивать и щипать соски. Они набухли и затвердели. Тогда корейнка стала шлепать по ним ладошкой, приговаривая:

— Ах ты бесстыдница! Какая ты испорченная! Нельзя быть такой развратной!

Данни совершенно потеряла контроль над собой и пришла в жуткое волнение. Мотая из стороны в сторону головой, она стонала и визжала, похотливо вертя бедрами и выпячивая груди.

Один из зрителей в первом ряду, пожилой седовласый мужчина, поедал Данни взглядом и тяжело сопел. Его соседка, немолодая, но красивая блондинка, начинающая сесть, беспокойно заерзала в кресле и закинула ногу на ногу.

Данни старалась не смотреть этой парочке в глаза. Очевидно, это были весьма состоятельные люди. Дама была одета в платье из красной тафты, полы широкой юбки достигали щиколоток. На ногах у нее были атласные туфли, тоже красного цвета. Шею украшало ожерелье из больших черных опалов, точно такие же сверкали в серьгах. Данни эта дама очень понравилась.

Помимо собственной воли, она принялась рассматривать ее спутника, одетого в традиционный вечерний черный костюм. Он то и дело оттягивал бабочку и, расстегнув пуговицу на вороте сорочки, вертел головой. Этот жест, свидетельствующий о том, что господин вспотел, еще сильнее возбудил Данни. Она томно посмотрела на него и застонала, сексуально изгибаясь. Его светло-серые глаза вылезли из орбит, рука потянулась к воротничку. Потом он уставился на промежность Данни и запыхтел. Данни мысленно усмехнулась, подумав, что с ним вот-вот случится апоплексический удар.

Она не подозревала, что у нее за спиной другие актеры не менее рьяно выполняют схожие эротические номера. Ей казалось, что внимание зрителей приковано к ней одной. Грудь ее потяжелела, дыхание участилось, на щеках выступили красные пятна, глаза возбужденно сверкали, она то и дело увлажняла губы розовым язычком.

Сидевшая напротив нее дама пришла в экстаз и не сводила с Данни зачарованного взгляда. Ее возбуждение передалось циркачке, и ей захотелось отдаться этой парочке. Между пожилыми зрителями и артисткой образовался телепатический сексуальный контакт. И внезапно Данни сообразила, что это и есть ее награда за выступление. Ей стало понятно, в чем причина популярности «Эротического цирка»: в чудесном соединении фантазий и реальности. И актеры, и поклонники их таланта как бы сливаются в своем стремлении насладиться представлением, дать и получить удовольствие. Разумеется, эстеты платят за него немалые деньги, но взамен получают возможность оценить красоту тел актеров и выпить флюиды их чувственности.

Сам факт осознания подлинной философии цирка, в труппу которого ее приняли, так возбудил Данни, что она еще больше выпятила груди и стала быстрее двигать бедрами. И вскоре громкий крик чистой радости оповестил всех, что она испытала оргазм. За ним — второй, потом — третий...

Наконец корейцы оставили ее в покое, предоставив возможность Айвену продолжить представление. Но Данни совершенно не реагировала на ножи, впивающиеся в деревянный щит вокруг нее. Она находилась в трансе. И лишь когда Айвен, завершив номер, отвязал ее и

вывел на середину арены, чтобы поклониться публике, она пришла в чувство. Аплодисменты наполнили ее сердце радостью и гордостью.

Фов преподнесла им с Айвен ом сюрприз — продемонстрировала третий комплект костюмов. Их всего несколько минут как доставили от портных из деревни. Костюмы были самые разные: из белого шелка и атласа, с отделкой из перьев. Платье для Данни оказалось из облегающей белой ткани, с низкими вырезами на спине и груди, а также разрезами на бедрах. Талию обхватывал пояс с квадратной пряжкой, усыпанной фальшивыми бриллиантами.

Шелк чудесно сочетался с загаром Данни и подчеркивал все изгибы ее тела. Особенно соблазнительно смотрелись при ходьбе ее стройные ножки и волосы на лобке.

— Замечательно, моя сладенькая крошка! — проворковала Фов, умильно хлопнув в ладоши и улыбнувшись. — Осталось внести завершающий штришок!

С этими словами француженка обмотала шею девушки длинным белым боа из перьев. Его хвост волочился у Данни за спиной, приятно щекоча обнаженную кожу.

Данни раздвинула половинки занавеса и, посмотрев в щелку, отметила с удовлетворенным видом:

— Пока все идет хорошо. Кажется, эти деревенские скандалисты оставили нас в покое. — Она приложила руку ко рту и с испугом взглянула на Фов: — Как бы не сглазить! И кто тянул меня за язык?

— Не волнуйся, крошка, — успокоил ее Айвен. — Мы с Фов уже все уладили.

— Как же вам это удалось? — удивилась Данни.

— Деньги, милочка, творят чудеса! — ответила Фов, потирая ладони.

— Это всегда срабатывает, — кивнул Айвен улыбаясь. — Как только мы предложили им благотворительную помощь на постройку нового здания поселкового совета, они сразу успокоились.

— Очень ловко сработано! — рассмеялась Данни.

— Благотворительность — благородное дело! — строго посмотрев на нее, поправил ее Айвен. — И почетное! Это поднимет престиж нашего заведения в глазах общественности.

Оркестр заиграл музыку Малера.

— Сейчас будет заключительный акт, — сказал Айвен. — Данни, я хочу познакомить тебя с двумя новыми друзьями. Одну минуточку!

Оставив ее в недоумении, он исчез в толпе актеров. Данни вопросительно покосилась на Фов, но та лишь пожала плечами. Через некоторое время Айвен вернулся, и сердце Данни ушло в пятки: он держал на коротких бархатных поводках двух гладких черных пантер в сверкающих ошейниках.

— Мы решили нарушить наше правило не включать номера с животными в программу и познакомить зрителей с двумя царицами: Савской, или Шебой, и с Клеопатрой.

На лбу у Данни выступили капли пота.

— Не бойся, милочка, — сказала Фов, — они ручные. Их нам одолжил местный цирк только на одно выступление.

Шеба и Клеопатра не мигая уставились на Данни желтыми глазами. Клеопатра зевнула и потерлась носом о ее ногу. Ей явно хотелось спать, а не выступать на арене.

— Вот видишь! — улыбнулся Айвен. — Обыкновенные котята.

На споры у Данни времени уже не оставалось. Айвен принял важный вид и, раздвинув кулисы, вышел к зрителям. За ним последовали остальные актеры. Появление Данни с двумя

пантерами на поводках было встречено шквалом аплодисментов. На их фоне она смотрелась в белом платье и с боа из перьев очень эффектно.

Стоя в центре манежа, Данни с гордостью думала, что наконец-то обрела свое место в жизни. О прошлом ей даже не хотелось вспоминать, оно кануло в иную эру. Она сделала успешный старт, и будущее представлялось ей восхитительным и наполненным упоительным эротизмом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net